

ПОД ЗНАМЕНОМ МАРКСИЗМА

ФИЛОСОФСКИЙ И
ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

6

Издательство ЦК ВКП (б) „ПРАВДА“

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
Передовая—Новый высший этап социалистического соревнования	1
В. Берестнев—Советская страна к своему совершеннолетию	10
✓ А. Леонтьев—Проблема равенства в «Капитале» Маркса	25
✓ В. Келлер—Апологеты и «критики» итальянского империализма	59
И. Вайнштейн—Философия Ницше и фашизм	80
Б. Быховский—О месте Лейбница в истории диалектики	90
✓ Е. Муравьев и В. Шохор—К вопросу о марксистском понимании религии .	103
Л. Слепян—Основные положения физики в свете учения Ленина	121

С НАУЧНОГО ФРОНТА

В. Тер-Оганезов—Памяти астронома—большевика (К 15-летию со дня смерти П. К. Штернберга)	129
Н. Волков—Основные этапы жизни К. Э. Циолковского	141
Н. Проппер—Работа Отдела физиологии и патофизиологии органов чувств ВИЭМ	144

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Г. Баммель—«Метафизика» Аристотеля	154
Ю. Миленушкин и Е. Сазыкин—Натали В. Ф., Магржиковская К. В. и Хвостова В. В. «Общая биология». Госучпедгиз. 1934.	176
М. Злотов—Б. М. Соколов, «Вопросы морфологии в трудах Маркса, Энгельса и Ленина». Изд. Пермского мед. инст. 1932—1933 г.	183
Систематический указатель статей за 1935 год	186

ПОД ЗНАМЕНОМ МАРКСИЗМА

ФИЛОСОФСКИЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

1935 г.

ноябрь—декабрь

№ 6

СОДЕРЖАНИЕ

Новый, высший этап социалистического соревнования (1). В. Берестнев — Советская страна к своему совершеннолетию (10). А. Лесонтьев — Проблема равенства в «Капитале» Маркса (25). В. Келлер — Апологеты и «критики» итальянского империализма (59). И. Вайнштейн — Философия Ницше и фашизм (80). Б. Быховский — О месте Лейбница в истории диалектики (90). Е. Муравьев и В. Шохор — К вопросу о марксистском понимании религии (103). Л. Слепян — Основные положения физики в свете учения Ленина (121). С НАУЧНОГО ФРОНТА: В. Тер-Оганезов — Памяти астронома-большевика. (К 15-летию со дня смерти П. К. Штернберга) (129). Н. Волков — Основные этапы жизни К. Э. Циолковского (141). Н. Проппер — Работа Отдела физиологии и патофизиологии органов чувств ВИАМ (144). КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ: Г. Ваммель — «Метафизика» Аристотеля (154). Ю. Миленушкин и Е. Сазыкин — Натали В. Ф., Магжиковская К. В. и Хвостова В. В. «Общая биология». Госучпедгиз. 1934 (176). М. Злотов — В. М. Соколов «Вопросы морфологии в трудах Маркса, Энгельса и Ленина». Изд. Пермского мед. инст. 1932—1933 (183). Систематический указатель статей за 1935 год (186).

Новый, высший этап социалистического соревнования

Наша героическая эпоха строительства социализма ознаменовалась новой величайшей победой: из самых глубин народных масс, из среды работников социалистических фабрик и полей родилось и быстро разрослось стахановское движение, славное движение передовых социалистических тружеников, борцов за новую, более высокую, социалистическую производительность труда. Стахановское движение знаменует новый мощный подъем трудящихся Советского союза в борьбе за скорейшее продвижение к коммунистическому обществу.

За год до смерти В. И. Ленин в своей исторической статье «О нашей революции», опровергая догматический, педантский лжемарксизм меньшевиков, писал:

«Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков этот определенный «уровень культуры»), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы»¹⁾

¹⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XXVII, стр. 400.

С тех пор как Владимир Ильич писал эти строки, прошло двенадцать лет. Партия, ведомая преемником и продолжателем Ленина, великим стратегом пролетарской революции Сталиным, преодолела экономическую отсталость России. На основе рабоче-крестьянской власти и советского строя достигнут уровень культуры, потребный для создания социализма. Советский союз добился решающих успехов в деле создания социалистических производительных сил, в технико-экономическом отношении стоящих на уровне самых передовых капиталистических стран. Из отсталой, аграрной страны СССР превратился в мощную, индустриальную страну, оснащенную первоклассной техникой. Из страны, в которой господствовали архаические формы сельского хозяйства, Советский союз превратился в страну крупного, коллективного земледелия, снабженного тракторами и сельскохозяйственными машинами.

На девятнадцатом году Великой пролетарской революции рабочий класс Советского союза на основе достигнутых им побед ставит в порядок дня новую историческую задачу—«дать более высокие образцы труда, более высокую производительность труда, чем капиталистическая система хозяйства»¹⁾. Создав фундамент социалистического общества, успешно продвигаясь вперед в деле построения полного социалистического общества, мы вступили в новую историческую полосу развития. Стахановское движение показывает, что социалистический строй и социалистическая организация производства обеспечивают высшую по сравнению с капитализмом производительность труда.

Производственные отношения капиталистического общества являются тормозом для дальнейшего развития производительных сил не только потому, что они неминуемо влекут экономические кризисы, не только потому, что они неизбежно приводят к разрушительным войнам, не только потому, что присущий им способ присвоения подрывает покупательную способность основной массы населения, но и потому, что наемный труд ограничивает производительность труда: он не может дать той производительности, которая достигается радостным, творческим трудом социалистических хозяев производства. Гениальной речью вождя народов Советского союза на совещании стахановцев открывается новая страница всемирной истории: начинается развертывание невиданных до сих пор и недоступных капитализму производственных возможностей, рождается новая социалистическая производительность труда.

Со свойственной ему прозорливостью товарищ Сталин в зачаточных, первоначальных формах нового движения советских трудящихся распознал его всемирноисторическое значение, осветил стахановско-бусыгинское движение мощным прожектором сталинской мысли, раскрыл его корни, сущность и великие перспективы.

Анализируя корни стахановского движения, товарищ Сталин подчеркнул, что это движение является вполне назревшим, а поэтому жизненным и непреодолимым движением современности. Стахановское движе-

¹⁾ Сталин. Речь на Первом всесоюзном совещании стахановцев, стр. 7. Партиздат. 1935.

ние — результат упорной, многолетней борьбы нашей партии, партии Ленина — Сталина за коммунизм. Вспыхнувшее с огромной мощью, это движение рабочего класса освещено теперь гениальным сталинским анализом.

Социалистический подъем производительности труда не только по своим результатам, но и по своим источникам и стимулам является прямой противоположностью капиталистической «рационализации». Товарищ Сталин с предельной ясностью и яркостью показал, что новая ступень в развитии социалистического соревнования является не только залогом дальнейшего подъема материального благосостояния и культурного расцвета трудящихся, но и продуктом уже достигнутого нами подъема. Социалистическая производительность труда неразрывно связана с улучшением условий жизни трудящихся, с тем, что «жить стало лучше, жить стало веселее»: «Основой стахановского движения послужило, прежде всего, коренное улучшение материального положения рабочих»¹⁾.

Наши победы в области социалистического строительства: индустриализация страны, новая, первоклассная техника, коллективизация и техническое вооружение сельского хозяйства, быстрое и неуклонное повышение материального благосостояния и культурного уровня трудящихся, увеличение социалистической сознательности и рост кадров активных строителей социализма — все это создало основу для дальнейшего, еще более мощного подъема трудящихся масс в СССР, нашедшего свое яркое выражение в движении пятисотниц социалистических полей и в стахановском движении.

Стахановец — это новый тип рабочего, это социалистический работник, борющийся за более высокую, подлинно социалистическую производительность труда и за лучшую организацию этого труда. Стахановцы — это не одиночки-рабочие: стахановское движение, возникнув, быстро распространилось по всей необъятной Советской стране.

Особенность и значение стахановского движения состоят прежде всего в том, что оно выражает собой высший этап социалистического соревнования на основе новой техники:

«Стахановское движение выгодно отличается, как выражение социалистического соревнования, от старого этапа социалистического соревнования. В прошлом, года три тому назад, в период первого этапа социалистического соревнования, социалистическое соревнование не обязательно было связано с новой техникой. Да тогда у нас, собственно, и не было почти новой техники. Нынешний же этап социалистического соревнования — стахановское движение, наоборот, — обязательно связан с новой техникой, стахановское движение было бы невысказано без новой, высшей техники»²⁾.

Товарищ Сталин с замечательной прозорливостью вождя предвидел возможность нового подъема трудящихся, предвидел возможность стахановского движения, когда бросил боевой клич труженикам социалистических фабрик и полей о том, что «кадры решают все». Речь товарища Сталина, произнесен-

¹⁾ Сталин. Речь на Первом всесоюзном совещании стахановцев, стр. 15. Партиздат. 1935.

²⁾ Там же, стр. 5—6.

ная 4 мая 1935 г. на выпуске академиков Красной армии, сыграла величайшую мобилизующую роль. Призыв любимого вождя народов глубоко запал в сердца рабочих и колхозников и поднял их на борьбу за более высокую, рекордную производительность труда.

Стахановское движение, поднявшее массы на борьбу за перекрытие производительности труда в передовых капиталистических странах, знаменует собой новую величайшую победу социализма над капитализмом в самой решающей, в конечном счете, области. Со страниц буржуазной прессы неоднократно разливались и разливаются мутные потоки жалкой клеветы на большевизм, который может якобы только разрушать, но не может ничего создавать. Теперь, после окончательной победы социализма в СССР, трудящиеся всего мира убеждаются на фактах, что в действительности отвратительными реакционными разрушителями подлинной культуры являются реакционная буржуазия и ее фашистские мракобесы. Советский же союз является подлинным сплотом всего ценного и передового, что создано развитием человечества. Новый этап социалистического строительства имеет огромное значение для международного рабочего движения. Его всемирное историческое значение состоит, между прочим, в том, что

«наша пролетарская революция является единственной в мире революцией, которой довелось показать народу не только свои политические результаты, но и результаты материальные... Наша революция является единственной, которая не только разбила оковы капитализма и дала народу свободу, но успела еще дать народу материальные условия для зажиточной жизни»¹⁾.

Наша революция, впервые во всемирной истории, наглядно, на практике, показывает огромные экономические преимущества социалистического строя. Троцкисты — эти меньшевистские враги диктатуры пролетариата, маскируя свою борьбу против пролетарской революции, обвиняли в «национальной ограниченности» политику индустриализации и коллективизации нашей родины. В этом, между прочим, и было одно из выражений их подлого предательства пролетарской революции. Теперь даже и слепому видно, что наши экономические достижения являются самым могучим и притягательным аргументом за советскую систему, за Коммунистический интернационал, в пользу коммунистического выхода из исторического тупика, в который загнал человечество капитализм. Процветание СССР является самым сокрушительным оружием в борьбе против врагов коммунизма. Чем бодрее рубает стахановский отбойный молот, чем веселее гудит кривоносовский паровоз, тем ярче светит маяк СССР пролетариям всех стран.

Рост стахановского движения означает решительный перелом в разрешении поставленной партией задачи преодоления пережитков капитализма в экономике и сознании людей. Стахановский метод, призванный произвести революцию в нашей промышленности, свидетельствует о том, что выросли и продолжают расти новые люди, с новым социалистическим сознанием, сво-

¹⁾ Сталин. Речь на Первом всесоюзном совещании стахановцев, стр. 16. Партиздат. 1935.

бодным от оков капиталистической духовной ограниченности. Новое сознание формируется на основе социалистического отношения к труду. Положение товарища Сталина о том, что «трудолюбивый человек чувствует себя у нас свободным гражданином своей страны, своего рода общественным деятелем, если он работает хорошо, дает обществу то, что может дать, — он герой труда и овеян славой», — это положение формулирует один из важнейших моментов новой, социалистической морали, руководящий критерий социалистического «общественного мнения». Труд перестал быть проклятием, тяготившим над человеком: труд стал радостью. Он органически связан с творчеством, с проявлением инициативы, с культурным ростом, с расцветом индивидуальности. Коренным образом изменилось отношение к труду, своему и чужому. Из тягостного источника пропитания труд становится источником жизнерадостного творчества. Трудовой героизм входит в быт, в будни.

В первые годы нэпа, лет десять назад, близорукие авторы писали о прошедшем «героическом периоде русской революции», сочиняли «проблемные» романы, «гербы» которых скулят о «похмелье социалистических будней». Этим «авторам» было невдомек, что героизм внутренне присущ всей революции, во все ее периоды, что поступательное движение революции с каждым шагом все шире разворачивает смелые дерзания и героические достижения масс. Социалистическая действительность вырабатывает новое племя людей, для которых героизм все больше становится бытом, натурой.

Упадочные и насквозь проникнутые пессимизмом писания идеологов последней стадии капитализма о губительной роли техники, машины, отнимающей якобы радость у человека, мертвящей и обесцвечивающей жизнь, — эти lamentации оборачиваются против тех, кто владеет средствами производства в капиталистическом обществе. Социалистическая практика наносит сокрушительный удар по технофобам, по современным «разрушителям машин». Она неопровержимо доказывает пагубное влияние не производительных сил, а капиталистических производственных отношений. Она показывает, как социалистическая собственность на средства производства превращает машинную технику в условие культурного подъема и многогранного развития индивидуума.

Как всякое революционное движение, стахановское движение встречает сопротивление со стороны косных, бюрократических элементов. Оно сталкивается с противодействием рутинеров и «упорствующих консерваторов из среды хозяйственных и инженерно-технических работников». Местами оно встречает прямое противодействие недобитых классовых врагов пролетариата. Рабочий класс Советского союза сметет всякое сопротивление его победному продвижению вперед, и в этом ему, несомненно, поможет основная масса советской технической интеллигенции. Стахановское движение опрокинуло старые технические нормы и прорвало тесный круг лженаучных «пределов». Перед технической мыслью СССР поставлена почетная задача пересмотра старых норм и расчетов и перестройки технологического руководства промышленностью в соответствии с новым революционным движением пролетариата.

Стахановское движение означает огромное ускорение темпов нашего развития. Оно еще и еще раз бьет по мертворожденной правооппортунистической «теории потухающей кривой». Стахановское движение вносит революционную поправку в наше планирование. Оно по-новому поставило вопрос о выполнении второй пятилетки. Это движение создает реальную основу для выполнения второй пятилетки в четыре года в ряде важнейших отраслей, и притом со значительной экономией средств благодаря снижению себестоимости и возможности уменьшения капитальных вложений.

Подчеркивая значение стахановского движения для дальнейшего укрепления социализма в нашей стране и для роста зажиточности трудящихся, товарищ Сталин в то же время указал и на его значение в деле будущего перехода от социализма к коммунизму, так как высокая производительность труда и изобилие всякого рода предметов потребления должны явиться коренным условием перехода от распределения по труду к распределению по потребностям.

Товарищ Сталин показал, что стахановское движение является началом такого культурно-технического под'ема рабочего класса, который уничтожит противоположность между умственным и физическим трудом. Товарищ Сталин вскрыл и выяснил с предельной четкостью основную закономерность и пути ликвидации этой противоположности в СССР.

«Некоторые думают, — говорит товарищ Сталин, — что уничтожения противоположности между трудом умственным и трудом физическим можно добиться путем некоторого культурно-технического поравнения работников умственного и физического труда на базе снижения культурно-технического уровня инженеров и техников, работников умственного труда до уровня среднеквалифицированных рабочих. Это совершенно неверно. Так могут думать о коммунизме только мелкобуржуазные болтуны. На самом деле уничтожения противоположности между трудом умственным и трудом физическим можно добиться лишь на базе под'ема культурно-технического уровня рабочего класса до уровня работников инженерно-технического труда. Было бы смешно думать, что такой под'ем неосуществим»¹⁾.

Стахановское движение представляет собой начатки такого культурно-технического под'ема, которому суждено историей подорвать и уничтожить основы противоположности между умственным и физическим трудом.

Вот почему значение стахановского движения состоит еще и в том, что «оно подготавливает условия для перехода от социализма к коммунизму» (Сталин). Говоря о значении стахановского движения в деле нашего продвижения по пути к конечной цели, товарищ Сталин обратил особое внимание на роль науки в этом процессе и на связь науки с практикой социалистического строительства. Наука является величайшей революционной силой, когда она идет в ногу с практикой и освещает путь практике. Но наука превращается в тормоз, когда она отстает от практики. Товарищ Сталин указал на резкое

¹⁾ Сталин. Речь на Первом всесоюзном совещании стахановцев, стр. 9. Партиздат. 1935.

отставание теории от практики, на то, что старые технические нормы перестали соответствовать действительности и что необходима решительная борьба с теми консервативными представителями науки, которые стоят за спиной этих отживших технических норм и пытаются их отстаивать как якобы современные нормы.

Выступления товарища Сталина являются вехами на победном пути социалистической революции. Вместе с тем каждое выступление товарища Сталина служит вехой в развитии марксистско-ленинской теории, вписывает новую страницу в историю революционной мысли, надолго оплодотворяя все отрасли марксистской теории.

Речь товарища Сталина на совещании стахановцев должна стать не только руководством к действию, но и предметом тщательного и углубленного изучения как образец материалистической диалектики. Острейший анализ, проникающий в ткань социальных процессов, сочетается в ней с мощным творческим синтезом, глубокая пронизательность — со строгой деловитостью и практичностью, широкие теоретические обобщения — с предельной конкретностью. Речь товарища Сталина является шедевром единства и взаимопроникновения революционной теории и практики, наилучшим образцом подлинной науки, которая «не признает фетишей, не боится поднять руку на отживающее, старое и чутко прислушивается к голосу опыта, практики»¹⁾.

Товарищ Сталин, разрабатывая задачи дальнейшей борьбы, в своей речи поставил целый ряд важнейших вопросов марксистской теории и дал им гениальное решение применительно к новому этапу социалистического строительства. Речь товарища Сталина, являющаяся программой борьбы партии и трудящихся за создание условий для перехода от социализма к коммунизму, представляет собой вместе с тем дальнейшую разработку и развитие марксизма-ленинизма.

Речь товарища Сталина ставит огромные задачи перед всеми трудящимися нашей страны. Она возлагает новые, почетные обязанности на технические науки, дает замечательную разработку важнейших проблем исторического материализма. Новыми материалами обогащено марксистско-ленинское учение о двух фазах коммунизма и об условиях перехода от социализма к коммунизму. В свете стахановского движения возводится на новую ступень учение об уничтожении противоположности между умственным и физическим трудом. Товарищ Сталин дает образец систематизации и дальнейшей разработки на новом историческом материале вопросов положительного разрешения и марксистской критики принципа поравнения как материального, так и духовного, в частности культурно-технического. Вплотную встает благодарнейшая задача изучения диалектики социалистического соревнования, изучения формирования нового, социалистического труда, начиная от первых субботников, через ударничество, к новой, стахановской форме соревнования. Необходимо изучение этого процесса во всех его связях и опосредствованиях, во взаимозависимости с техникой, с процессом организации производ-

¹⁾ Сталин. Речь на Первом всесоюзном совещании стахановцев, стр. 22. Партиздат. 1935.

ства и распределения, с системой заработной платы, с эволюцией сознания и культурной революции.

Постановка вопроса о нашей революции как первой в истории пролетарской революции, успевшей обнаружить свои благотворные материальные результаты, является ценнейшим вкладом в понимание истории революций, освещением ее с новой стороны. Проблема свободы и необходимости в новых условиях, соотношение стихийности и сознательного руководства, слияние интересов общества и личности, анализ процессов преодоления пережитков капитализма в экономике и сознании людей, изучение новой фазы культурной революции — все эти вопросы подняты на огромную высоту.

Важнейшим условием освоения и разработки вопросов, поставленных в речи товарища Сталина, является внедрение стахановских методов во все области научно-исследовательской работы. Само собой разумеется, что речь идет не о механическом перенесении физических приемов работы в качественно иную область, а об усвоении всего того ценного, что может быть использовано для улучшения организации научной работы.

Стахановское движение должно быть развернуто не только в области производства: оно должно быть распространено и на область научной работы.

Освоение техники и специализация труда. Разве это не относится к области научной работы? Овладение предметом, методикой и техникой научной работы есть одно из важнейших условий успешного ее выполнения.

Правильное разделение труда. Разве это не относится к области научной работы? Разве в наших научных институтах имеется четкое разделение труда? Всем известно, насколько понижается производительность труда, когда силы расплываются. А ведь за счет правильного разделения труда можно повысить эффективность и производительность труда.

Уменьше считать минуты и секунды. Разве мы научились дорожить минутами и секундами в нашей работе? Разве мало минут и часов ежедневно тратится попусту? По всем этим линиям вполне возможно и необходимо развёртывание стахановского движения в области научной работы.

Товарищ Сталин, указывая на очередные задачи по развёртыванию стахановского движения, говорил:

«В о - п е р в ы х. Задача состоит в том, чтобы помочь стахановцам развернуть дальше стахановское движение и распространить его вширь и вглубь на все области и районы СССР. Это с одной стороны. И с другой стороны — обуздать все те элементы из хозяйственных и инженерно-технических работников, которые упорно цепляются за старое, не хотят двигаться вперед и систематически тормозят развёртывание стахановского движения. Чтобы распространить во-всю стахановское движение по всему лицу нашей страны, для этого одних лишь стахановцев, конечно, недостаточно. Необходимо, чтобы наши партийные организации включились в это дело и помогли стахановцам довести движение до конца...»

«В о - в т о р ы х. Задача состоит в том, чтобы помочь перестроиться и возглавить стахановское движение тем хозяйственникам, инженерам и техникам, которые не хотят мешать стахановскому движению, ко-

торые сочувствуют этому движению, но не сумели еще перестроиться, не сумели еще возглавить стахановское движение. Я должен сказать, товарищи, что таких хозяйственников, инженеров и техников имеется у нас не мало. И если мы поможем этим товарищам, то их будет у нас несомненно еще больше. Я думаю, что, если эти задачи будут выполнены нами, стахановское движение развернется во всю, охватит все области и районы нашей страны и покажет нам чудеса новых достижений»¹⁾.

Эти задачи, поставленные товарищем Сталиным, являются для нас директивой как в области научной, так и в области пропагандистской работы.

Противники стахановского движения и все препятствия к его развертыванию должны быть сброшены с пути самым беспощадным образом.

Последние месяцы 1935 г. ознаменовались исключительными по своему значению, в высшей степени яркими фактами нашей действительности. Встречи вождя партии и правительства во главе с товарищем Сталиным с передовиками колхозных полей, с передовиками заводов и фабрик, с комбайнерами, с колхозниками-победителями Таджикистана и Туркменистана знаменуют новую полосу в нашем развитии. Взволнованные, насыщенные глубоким смыслом и деловитостью, полные любви и преданности великому Сталину, нашей родине, нашей партии, полные энтузиазма, замечательные речи и выступления представителей «чудесного сплава» нашей страны войдут в историю революции как классическое выражение тех неисчерпаемых сил и родников народного творчества и народных талантов, которые пробудили советская система и социалистический способ производства.

Величавая, классическая простота этих встреч, теснейшая связь руководителей партии и правительства с самыми широкими народными массами, поднимавшимися и поднимающимися к сознательному, коммунистическому отношению к труду, к общественной собственности, к своему пролетарскому государству, — яркий образец подлинно народной, советской демократии.

Замечательна героика гражданской войны, когда только что родившаяся советская республика, находясь в огненном кольце, отражала на всех фронтах натиск империалистов и белогвардейской контрреволюции. Прекрасна героика трудовых будней социалистического строительства эпохи первой пятилетки, когда возводились корпуса наших гигантов, когда рабочие массы, проникнутые энтузиазмом, в пятидесятиградусный мороз и при сильной жаре брали мировые рекорды кладки кирпича, монтажа предприятий, нанося удары по отвратительным по своей мерзости действиям и планам вредителей и кулаков. Величественна героика народных масс советской родины нашего периода и ее лучших представителей — славных стахановцев.

Душой и направляющей силой во все периоды всего этого движения является наша могучая, славная коммунистическая партия во главе с ее гигантом, величайшим человеком современности, любимым, родным и мудрым Сталиным!

¹⁾ Сталин. Речь на Первом всесоюзном совещании стахановцев, стр. 25, 27—28. Партиздат. 1935.

Советская страна к своему совершеннолетию

В. Берестнев

Восемнадцать лет минуло с тех пор, как героический рабочий класс, руководимый гением нашей партии, гением Ленина и Сталина, совершил Великую пролетарскую революцию и установил диктатуру пролетариата. Восемнадцать лет революции — это целая эпоха. В огне гражданской войны, в победоносной борьбе с полчищами белогвардейцев и иностранных интервентов, преодолевая голод, сопротивление враждебных сил, преодолевая величайшие трудности и разруху, росла и крепла пролетарская диктатура. Она росла и мужала в борьбе с капиталистическими элементами нашей страны, проводя победное наступление на рельсах новой экономической политики. Она росла и крепла, создавая в невиданно короткие сроки могучую социалистическую индустрию, осуществляя сплошную коллективизацию и ликвидацию кулачества как класса, создавая несокрушимый фундамент социалистической экономики.

Под руководством великого Сталина партия и рабочий класс в союзе с трудящимися массами крестьянства дали тот «последний и решительный бой» русскому капитализму, о котором говорил Ленин в начале нэпа, и добились величайшей победы.

Эта победа имеет всемирноисторическое значение. Выполнен исторический завет Ленина: «Россия нэповская стала Россией социалистической» (Молотов). Социализм в нашей стране, на одной шестой части земного шара, победил окончательно и бесповоротно. На XVII с'езде нашей коммунистической партии гениальный стратег пролетарской революции товарищ Сталин говорил: «Доказано на опыте нашей страны, что победа социализма в одной, отдельно взятой стране — вполне возможна. Что можно возразить против этого факта?» Этот факт — эта победа социализма в СССР — открывает перед пролетариатом и трудящимися массами широчайшие перспективы хозяйственного развития, невиданного расцвета социалистической культуры и роста материально-культурного уровня масс, эта победа имеет величайшее значение в борьбе международного пролетариата и трудящихся масс за торжество коммунизма во всем мире. В начале нэпа Ленин говорил, что «главное свое воздействие на международную революцию мы оказываем своей хозяйственной политикой». В настоящее время это воздействие неизмеримо больше. Неизмеримо выросла могучая притягательная сила коммунизма среди угнетенных масс трудящихся всех капиталистических и колониальных стран, являющихся в СССР растущую базу мировой пролетарской революции, мощный

оплот в борьбе против свирепствующего фашизма и империалистических, грабительских войн.

Среди бушующей стихии мирового кризиса, свергнувшего трудящиеся массы в нищету и лишения, СССР стоит гордо, как скала, как маяк, освещающий путь к освобождению, к благополучию и счастью народов, к избавлению от войн, от классового угнетения, от колониального порабощения.

Восемнадцатую годовщину Великой пролетарской революции наша страна победоносной пролетарской диктатуры отмечала в период начавшегося великого перелома в соотношении сил на международной арене, на арене борьбы между социализмом и капитализмом, когда на пороге второго тура революций и войн победа социализма в СССР становится фактором величайшего революционного подъема международного рабочего движения, движения угнетенных масс трудящихся, фактором сплочения их вокруг СССР как базы мировой пролетарской революции для борьбы против озверелого фашизма, против диктатуры империалистической буржуазии.

VII всемирный конгресс Коммунистического Интернационала, проходивший под знаком победы социализма в СССР и растущего подъема революционного движения во всем мире, дал глубокий анализ переживаемого капиталистическим миром этапа экономического кризиса и сдвигов в соотношении классовых сил и определил новые задачи коммунистических партий в борьбе за единство революционного движения, за победу пролетарской революции.

Шестой год продолжается мировой экономический кризис. Рабочий класс и трудящиеся массы подвергаются жесточайшей эксплуатации, невиданно выросла безработица. Некоторое неравномерное улучшение экономической конъюнктуры сопровождается в ряде стран дальнейшим ухудшением. Аграрный кризис привел и продолжает приводить к разорению миллионы крестьянских хозяйств. Капитализм развивается под знаком депрессии особого рода, и несмотря на частичное улучшение конъюнктуры ему не удастся ни преодолеть всеобщего кризиса, ни достигнуть относительной стабилизации.

Противоречия капитализма достигли исключительной остроты. Рухнула версальская система. Вашингтонский договор разорван в клочки. Весь капиталистический мир охвачен лихорадкой вооружения. Капитализм ищет выхода в грабительской войне. Фашистская Германия бешено готовится к войне. Фашистская Япония хищнически грабит и насилует великий китайский народ. Фашистская Италия терзает Абиссинию. Капиталистический мир — и в первую очередь оплот звериного фашистского шовинизма и реакции — Германия и военно-фашистская Япония — готовит войну против Советского союза. В Германии, Испании, Венгрии, Японии и в ряде других стран фашизм справляет свои гнусные кровавые оргии. Дикий террор, разнузданное варварство, средневековое мракобесие, погромный антисемитизм, огни костров, сжигающие творения человеческого гения, топоры фашистских палачей — вот что несет с собой фашистская диктатура.

Рабочий класс и трудящиеся массы всего мира все больше и больше обращают свой взор в сторону страны социализма, в которой волей пролетариев и трудящихся творится новая, счастливая жизнь, где нет безработицы, где у каждого труженика есть уверенность в завтрашнем дне, где с каждым

днем повышается материально-культурный уровень, где строится зажиточная жизнь рабочих и колхозников и где коммунистическая партия, руководимая Сталиным, ведет народ к новым невиданным успехам.

Победа социализма в СССР убеждает миллионные массы рабочего класса и крестьянства, массы мелкой буржуазии и передовой интеллигенции в необходимости единства действий рабочего класса, единства пролетарского и широкого народного фронта в борьбе против фашизма, в защиту Советского союза. «Идея штурма зреет в сознании масс» (Сталин). Героическая борьба германской коммунистической партии, борьба астурийских горняков и австрийских шуцбундовцев, мощные выступления французского пролетариата и победоносное продвижение героической красной армии Китая свидетельствуют о начинающемся новом подъеме революционного рабочего движения, в котором слышны уже грозные раскаты грядущего штурма капитализма.

* * *

Восемнадцатую годовщину Великой пролетарской революции наша родина встречала с величайшими успехами во всех областях победоносного строительства бесклассового, социалистического общества.

Из году в год, из месяца в месяц растет могучая сила Советского союза. Волей партии и рабочего класса, под водительством великого Сталина наша страна превращена в могучую мировую державу. Советский союз в международных отношениях завоевал первенствующую роль, с его значением вынуждены считаться все государства мира. Государство труда, непоколебимо отстаивающее дело мира, пользуется горячими симпатиями широчайших народных масс всех стран.

В результате окончательной и бесповоротной победы социализма в нашей стране Советский союз из страны, в которой рядом друг с другом существовали различные экономические уклады, превратился в страну, где господствует социалистический уклад, на основе которого растет и ширится единство социалистических интересов рабочих и колхозников.

Принятое по инициативе товарища Сталина февральским пленумом ЦК ВКП(б) и VII всесоюзным съездом советов решение о «дальнейшей демократизации избирательной системы в смысле замены не вполне равных выборов равными, многостепенных — прямыми, открытых — закрытыми» является новым крупнейшим шагом в развитии советской демократии. Ленин говорил еще в первые годы советской власти, что советская власть есть «высшая форма демократизма, даже более: начало социалистической формы демократизма». Этот новый шаг в развитии социалистической демократии осуществляется в нашей стране на основе победы генеральной линии партии, на основе того, что политика партии, политика развития и укрепления пролетарской диктатуры, привела к созданию новой, социалистической индустрии, к разгрому кулачества и победе колхозного строя, привела к утверждению социалистической собственности.

Дальнейшее развитие пролетарской демократии является величайшим фактором укрепления пролетарской диктатуры, ускорения построения бесклассового, социалистического общества, вовлечения в активное строитель-

ство социализма новых масс трудящихся и преодоления пережитков капитализма в экономике и сознании людей.

Советский союз — великая семья народов. Политика партии Ленина — Сталина, политика хозяйственного и культурного развития всех национальностей, вызывает к жизни, к активному участию в строительстве социализма новые гигантские силы. Гиганты социалистической индустрии, десятки тысяч тракторов, комбайнов, невиданный расцвет национальной по форме, социалистической по содержанию культуры совершенно изменили лицо национальных республик, где миллионы рабочих и колхозников с величайшим энтузиазмом строят новую жизнь. Каждый из народов, населяющих великий Советский союз, любит свой язык, свою культуру, и эта любовь является любовью к их общей дорогой социалистической родине, борьба за процветание которой сплачивает народы Союза в одну могучую, непобедимую силу.

К восемнадцатой годовщине Великой пролетарской революции наша страна пришла с величайшими победами в области развития народного хозяйства.

Осуществляя социалистическую реконструкцию хозяйства на базе новейшей техники, мы попрежнему невиданными в истории темпами развертываем строительство социалистической индустрии. В текущем году в народное хозяйство вкладывается 21,1 млрд. рублей и вводятся в строй сотни новых предприятий стоимостью в 23,3 млрд. рублей. На 2 млн. тонн увеличивается выплавка чугуна. и на 2,2 млн. тонн — выработка стали. Гигантски расширяется мощность машиностроения. По продукции промышленности мы теперь заняли второе место в мире (после США) и первое место в Европе. По добыче нефти, чугуна, по машиностроению, тракторостроению мы заняли первое место в Европе. Лозунг «Догнать и перегнать в технико-экономическом отношении передовые капиталистические страны» успешно проводится в жизнь. Гигантски выросли производительные силы социализма. По всей стране множатся леса гигантских строек, прокладываются дороги, новой индустриальной жизнью начинают жить национальные республики и бывшие окраины. Уверенно, руководимый волей неслышимого большевика и одного из самых талантливых организаторов нашей партии тов. Кагановича, двинулся вперед транспорт, перекрывая план погрузки и превышая старые «предельные» нормы.

Крупнейшим достижением в овладении техникой является построенный своими руками московский метро, заслуженно вызывающий восхищение иностранцев. После Беломорско-Балтийского канала имени Сталина грандиозное строительство развернулось на трассе канала Волга — Москва. Этот канал, являющийся крупнейшим речным каналом в мире, принадлежит к числу самых грандиозных сооружений обеих пятилеток. Это — подлинно великое сооружение второй пятилетки. В его строительство вкладывается 1 млрд. 400 млн. рублей.

Выдвинутый вождем народа товарищем Сталиным лозунг социалистического общества «Кадры решают все» определил собой начало новой полосы развития в нашей стране. Изжив в основном голод в области техники, партия ставит вопрос о людях, овладевших техникой, о заботливом выращивании кадров. «Из всех ценных капиталов, имеющихся в мире, — говорил това-

рищ Сталин, — самым ценным и самым решающим капиталом являются люди, кадры». Лозунг товарища Сталина всколыхнул широчайшие массы трудящихся нашей страны, стал боевым кличем многомиллионной армии строителей социалистического общества, могучим призывом к борьбе за овладение высотами техники, за развитие производительности труда, за действительно социалистическое отношение к людям. Одна из важнейших задач заключается в том, чтобы выжать из техники все, что она может дать.

На призыв вождя рабочий класс отозвался новым подъемом в борьбе за высокую производительность труда, за освоение техники. Из искры почина забойщика Стаханова в Кадиевке развернулось могучее пламя движения рабочего класса во всех отраслях народного хозяйства страны. Замечательный почин Стаханова встретил живейший отклик по всей стране и поднял на новую, высшую ступень социалистическое соревнование. Ответом Стаханову были удары молота кузнеца Бусыгина, повышение машинистом Донецкой дороги Кривоносом скорости товарных поездов до скорости пассажирских, превышение во много раз мастером обувной фабрики «Скорород» тов. Сметаниным установленных норм. За этим последовали новые достижения и в других отраслях: рекордыковки коленчатого вала дали кузнецы завода им. Сталина тт. Лапин, Хромилин, Бабков, текстильщицы фабрики им. Ногина Е. и М. Виноградовы и Тася Одинцова перешли на обслуживание 216 станков, увеличив коэффициент полезного действия до 94% против 85—90%.

Дело Стахановых, Бусыгиных, Кривоносов, Виноградовых становится делом сотен тысяч передовых пролетариев нашей социалистической родины. Творческая мысль, кипучая энергия, проверка практикой новых методов работы и новых форм организации труда открывают огромные возможности.

На Первом всесоюзном совещании стахановцев великий вождь народа и учитель товарищ Сталин указал, что огромное значение стахановского движения заключается в том, что оно ломает старые технические нормы, повышает производительность труда в такой степени, что перекрывает производительность труда в передовых капиталистических странах, «открывает, таким образом, практическую возможность дальнейшего укрепления социализма в нашей стране, возможность превращения нашей страны в наиболее зажиточную страну».

Стахановское движение является живым, практическим воплощением в жизнь учения Ленина и Сталина о значении развития производительности труда и освоения новой социалистической техники для победы коммунизма.

Гениально предвидя в первых субботниках зародыши переворота в развитии производительности труда, «имеющего всемирно-историческое значение», великий Ленин писал, что «производительность труда, это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя. Капитализм создал производительность труда, невиданную при крепостничестве. Капитализм может быть окончательно побежден и будет окончательно побежден тем, что социализм создает новую, гораздо более высокую производительность труда». «Коммунизм, — писал Ленин, — есть высшая, против

капиталистической, производительность труда добровольных, сознательных, объединенных, использующих передовую технику рабочих»¹⁾.

Гениальное предвидение Ленина теперь воплощается в жизнь в нашей стране миллионами рабочих, осваивающих «передовую технику», строящих новую лучшую, веселую, счастливую жизнь под руководством большевистской партии, под руководством гениального продолжателя дела Ленина, великого вождя народа товарища Сталина. Глубочайший анализ значения, корней и сущности стахановского движения, данный товарищем Сталиным на Первом всесоюзном совещании стахановцев, возвещает новый этап в победном строительстве социализма и вносит в сокровищницу марксизма-ленинизма новый ценнейший вклад. Товарищ Сталин указал, что стахановское движение «войдет в историю нашего социалистического строительства как одна из славных ее страниц».

Стахановское движение, говорит товарищ Сталин, «является в основе своей глубоко революционным», оно «представляет будущность нашей индустрии», потому что «оно содержит в себе зерно будущего культурно-технического под'ема рабочего класса, что оно открывает нам тот путь, на котором только и можно добиться тех высших показателей производительности труда, которые необходимы для перехода от социализма к коммунизму и уничтожения противоположности между трудом умственным и трудом физическим». Огромное значение стахановского движения заключается в том, что оно «подготавливает условия для перехода от социализма к коммунизму» (Сталин).

Нарком тяжелой промышленности тов. Орджоникидзе также высоко оценил значение стахановского движения в деле борьбы за выполнение второй пятилетки в четыре года. «Хорошая организация стахановского движения в Донбассе, — говорил он, — может вывести Донбасс на первое место во всей тяжелой промышленности и открывает ему возможность выполнить план второй пятилетки в четыре года, поднимая на огромную высоту производительность труда и заработок рабочего».

Стахановское движение должно стать движением миллионов, ибо в нем находится неиссякаемый родник творческой энергии рабочего класса, осваивающего технику и сознательно участвующего во всей системе производства, понимающего значение этого освоения для всего народного хозяйства.

Одним из ярких показателей борьбы за освоение техники, имеющим огромное значение в развитии социалистической экономики, является развернувшееся в этом году движение за рентабельность тяжелой индустрии. В результате большевистского выполнения указаний товарища Сталина предприятия нашей тяжелой промышленности должны в текущем году подняться на новую ступень в развитии расширенного социалистического воспроизводства, отказываясь от дотации и давая дополнительно в фонд накопления 700 млн. рублей.

Растет и крепнет индустриальная база социализма в нашей стране: 40 тысяч предприятий крупной промышленности, вооруженных новой тех-

¹⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XXIV, стр. 342.

ников, и 283 тыс. предприятий мелкой промышленности—таковы итоги индустриализации страны. Наличие таких мировых гигантов тяжелого машиностроения, как Краматорский и Уральский заводы, является прочной базой для дальнейшего ускоренного развития социалистической техники. А мощная тяжелая промышленность, развитие машиностроения являются таким рычагом технического оснащения нашей Красной армии, который делает ее крепким часовым советских границ и крупнейшим фактором борьбы за мир.

В области сельского хозяйства наша страна также имеет огромные успехи. На основе победы колхозного строя и вооружения сельского хозяйства машинной техникой растет зажиточность колхозного крестьянства. 250 тыс. коллективных хозяйств и 5 тыс. совхозов имеют теперь на своих полях до 300 тыс. тракторов, 40 тыс. комбайнов, 35 тыс. автомобилей и множество других сельскохозяйственных машин. Только весной и летом на колхозные и совхозные поля промышленность направила 21 тыс. комбайнов и около 100 тыс. тракторов. Небывалыми темпами идет техническое перевооружение сельского хозяйства. В этом году работают 20 880 мощных гусеничных «сталинцев» и 14 570 тракторов-пропашников. Мощность тракторного парка достигает 5661 тыс. лошадиных сил. Электрифицируются 10 тыс. колхозов. Растет механизация сельскохозяйственных работ. Уже в текущем году механизированная уборка зерновых достигает 37%, молотья — 75%, пахота под яровые — 75%.

Сельское хозяйство быстрыми темпами преобразуется в мощное производство индустриального типа. Сельскохозяйственный труд начинает превращаться в разновидность индустриального труда. Высокое и с каждым днем растущее техническое оснащение сельскохозяйственного производства и здесь ставит задачу освоения техники. Для сельского хозяйства требуются теперь в большом количестве трактористы, комбайнеры, шоферы, механики, машинисты. Организованная в годы первой пятилетки подготовка кадров массовых квалификаций дала деревне около 5 млн. трактористов, комбайнеров, штурвальных, механиков и др. Создание и рост высокой техники в сельском хозяйстве во второй пятилетке в огромной степени увеличивают потребность в квалифицированных кадрах. И если в 1933 г. из ВКСХШ было выпущено 2,8 тыс. человек, из сельскохозяйственных вузов — 4,9 тыс. и из техникумов — 25 тыс. человек, то в 1934 г. из ВКСХШ вышли 10 тыс. человек, из сельскохозяйственных вузов — 7,9 тыс., из техникумов — 13 тыс. человек. Эти многочисленные и все возрастающие кадры составляют огромную армию, которая совершенно меняет культурный облик деревни. Культурный уровень деревни гигантски вырос. Лозунг товарища Сталина — работать честно и беречь колхозное добро — нашел живой отклик у миллионов масс колхозников. Сталинский устав колхозной жизни, передача земли в вечное пользование колхозов создали прочные основы растущего и крепнущего колхозного строя. Значительно улучшилась обработка земли. Выросли урожаи. Теперь 20—30 центнеров урожая там, где раньше было 8—9, — случаи далеко не редкие. Растет движение за максимально производительное использование трактора и комбайна. В отношении трактороиспользования мы в 5 раз перекрыли среднегодовую нагрузку на трактор в США. Решения партии и

правительства о новой системе оплаты трактористов, комбайнеров и машинистов послужили стимулом для лучшего освоения техники. Уборка в текущем году выявила таких комбайнеров, как Колесов, Палагутин, Вендерников, Шестерня, Кочетков и др., выработавших по 600—1000 га на комбайн, трактористов бригады Сарженко, Волошина, Волкова и др., вспахавших по 1000—1600 и выше га каждым трактором.

Совещание передовых комбайнеров и комбайнерок также показало, что колхозы и совхозы, выполняя указание товарища Сталина, уже выдвинули тысячи энтузиастов социалистического труда, овладевших техникой.

«Достижения наши не малы, — говорил товарищ Сталин на совещании передовых комбайнеров и комбайнерок 1 декабря 1935 г. — Если в среднем по всему СССР выработка на комбайн поднялась у нас вдвое за один год, то это немалое достижение. Это достижение особенно важно в условиях нашей страны, где технически подкованных людей все еще мало. Наша страна всегда отличалась недостатком технически подкованных кадров, особенно в области земледелия. Техническая подготовка кадров в рамках целой страны — это очень большое дело. Она требует десятилетий. И если мы в сравнительно короткие сроки добились того, что из вчерашних крестьянских сынов и дочерей выработали отличных комбайнеров и комбайнерок, перекрывающих нормы капиталистических стран, то это значит, что у нас дело выращивания технических кадров идет вперед семимильными шагами».

Крупнейшей победой сельского хозяйства в текущем году является досрочное выполнение государственного плана хлебосдачи. Государственные обязательства выполнены на месяц раньше чем в прошлом году и на два месяца раньше чем в 1933 году. По всем видам хлебосдачи колхозно-крестьянским сектором план выполнен на 101,8%, совхозы сдали хлеба на 15% больше чем в прошлом году, также перевыполнив задание. Эти успехи являются доказательством того, что социалистическое сельское хозяйство, опирающееся на мощную технику, работающее по плану, одержало крупную победу в борьбе за организационно-хозяйственное укрепление колхозов, за рост зажиточности и довольства.

Значительных успехов социалистическое сельское хозяйство достигло в выполнении указаний партии и правительства об увеличении поголовья скота для скорейшего разрешения проблемы животноводства. Развертывающиеся в настоящее время работы по обмолоту и по копке свеклы свидетельствуют о той же организованности и сознательности, которыми характеризовались успехи в области зернового хозяйства.

Тот факт, что движение за высокую производительность труда под знаменем сталинского соревнования в деревне первыми подняли женщины — героини колхозного труда, — во главе с Демченко, является фактом величайшего значения. Только колхозный строй обеспечил женщине возможность стать свободной от подневольного труда и полностью проявить себя в деле борьбы за победу социалистического строя.

«Только колхозная жизнь, — говорил товарищ Сталин, — могла сделать труд делом почета, только она могла породить настоящих героинь-женщин в деревне. Только колхозная жизнь могла уничтожить неравенство и поста-

вить женщину на ноги». В нашей стране труд это — дело доблести, чести и героизма. История не знает женщин-героинь из народа. Капитализм обрекает женщин — работниц и крестьянок — на жалкое, забытое, подневольное существование. В деревне только колхозный строй «делает женщину трудовую равной всякому мужчине трудовому» (Сталин). Поэтому товарищ Сталин назвал встречу руководителей партии и правительства с пятисотницами торжественным днем, где демонстрировались «успехи и способности освобожденного труда женщины». Поэтому правительство наградило 38 героинь колхозного труда высшей наградой, поэтому вся страна окружила их величайшей любовью и почетом.

На основе победившего и растущего колхозного строя мы достигли огромных успехов. Темпы развития социалистического сельского хозяйства приближаются к темпам развития промышленности. Выросли запасы хлеба и продовольствия в стране. Эти успехи обусловили отмену карточной системы на все продовольственные продукты. Решение партии и правительства об отмене карточной системы означает крупнейший шаг в выполнении важнейшего задания второй пятилетки — повысить уровень потребления трудящихся в 2—3 раза. Оно знаменует собой еще более быстрое и всестороннее улучшение материального и культурного благополучия трудящихся. В то время когда мы отменяем карточки и ускоряем наше движение навстречу богатой жизни, в буржуазных странах изголодавшиеся трудящиеся массы переходят на суррогаты, на сокращение потребления, и без того урезанного. Капитализм обрекает трудящихся на голод и вымирание.

Отмена карточной системы создает новые возможности для еще большего расцвета советского хозяйства и обеспечивает еще более широкое развертывание культурной советской торговли, еще лучшее обслуживание потребителя. Отмена карточек и снижение цен ведут к повышению реальной заработной платы, служат стимулом к дальнейшему росту производительности труда.

На основе невиданных успехов в строительстве социалистического хозяйства мы изменили лицо нашей страны и подняли на огромную высоту материальный и культурный уровень жизни трудящихся. Рабочий класс и трудящиеся нашей страны не знают безработицы. С каждым годом растет количество рабочих и служащих. Фонд заработной платы за последние годы увеличился в 5 с лишним раз. Расходы на социальное страхование достигли в настоящем году свыше 6 млрд. рублей. Рядом с новыми корпусами наших гигантских заводов и электростанций выросли новые светлые корпуса рабочих жилищ. Там, где раньше была голая степь, теперь выросли целые города; десятки теплоцентралей, сотни новых коммунальных учреждений, театров, школ, больниц, институтов, лабораторий меняют облик городов. Большевикскими темпами под руководством товарища Сталина перестраивается Москва — столица нашей родины. Решение партии и правительства о реконструкции и благоустройстве Москвы является фактом огромной исторической важности. Перестраиваются и другие города Советского союза. Нет ни одного уголка в стране, где не кипела бы горячая строительная работа. Со сказочной быстро-

той меняется облик колхозной деревни. Колхозное село — это уже не старая, обветшавшая деревня с ее нищетой и бескультурьем. Пролетарский город поднимает колхозную деревню в культурном отношении на небывалую высоту, подготавливая все условия для окончательного уничтожения созданной капитализмом противоположности между городом и деревней.

За последние годы построены тысячи электростанций, школ, клубов, яслей, больниц. Вместе с машинами в деревню пришли новые грейдерные дороки, телеграф, телефон, радио, кино, возникли новые постройки: гаражи, каменные конюшни, скотные дворы, силосные башни. За один год колхозы купили свыше 10 тыс. автомобилей и теперь предъявляют спрос на несколько тысяч грузовиков. Развитие и механизация колхозного производства, рост новых кадров, труд которых становится разновидностью индустриального труда, обуславливают огромную и все растущую жажду культуры и знаний, стремление колхозников улучшить свой быт, сделать свою жизнь культурной и радостной.

На почве гигантских успехов в хозяйственном развитии и роста материального благосостояния советского народа пышно расцветает социалистическая культура. Во всех уголках нашей необъятной страны идет упорная работа по завоеванию высот культуры и науки. Наша страна стала грамотной. Только в начальной и средней школах воспитывается более 25 млн. детей. Свыше полумиллиона учителей воспитывает наше новое, молодое поколение — будущих строителей коммунистического общества. В высших учебных заведениях и техникумах учится 1 млн. 300 тыс. человек. Широчайшие массы трудящихся тянутся к знанию. Широко развернулась работа различных курсов, школ для взрослых, курсов по подготовке и повышению квалификации кадров, политико-просветительная работа клубов, изб-читален, библиотек, различного рода форм заочного образования. Выпускаемая в колоссальных тиражах научная и художественная литература не удовлетворяет все же широко растущие потребности массового читателя. Тираж газет в 1934 г. достиг 38,5 млн. экземпляров. Сочинения Ленина и Сталина расходятся в десятках миллионов экземпляров. Товарищ Сталин, партия, правительство уделяют неослабное внимание делу воспитания нового поколения. Дети в нашей стране окружены горячей любовью, вниманием и заботой. Одними только дошкольными учреждениями у нас охвачено 8 млн. детей. С началом учебного года сотни новых светлых школ наполнились шумной и радостной детворой.

Велика любовь нашего отца и учителя — товарища Сталина — к детям, к новой, счастливой поросли свободных людей социалистического общества. Партия и правительство следят за тем, чтобы школа в нашей стране стала одним из самых благоустроенных учреждений, чтобы учитель пользовался вниманием и помощью всей советской общественности, чтобы учащиеся были окружены заботой, чтобы они имели хорошие учебники, тетради, перья, чтобы учеба была глубоко идейной, интересной и радостной.

В капиталистических странах сокращается количество школ, растет безработица среди учителей. Фашизм выступает против науки, против образова-

ния, учебу заменяют военной муштрой, воспитанием звериного национализма и антисемитизма.

Наше государство проявляет величайшие заботы о детях и матери. Перед женщиной в нашей стране раскрыты широчайшие перспективы. Растут участие и активность женщины в общественной и производственной жизни, в управлении государством, в науке и культурной работе. Из забытой и темной трудящаяся женщина превратилась в активного участника социалистического строительства. В настоящее время 330 тыс. женщин являются членами сельсоветов, 2500 — председателями сельсоветов, 50 тыс. избраны в городские советы. Экономический кризис обрек миллионы женщин капиталистических стран на безработицу, голод и проституцию. Фашизм стремится превратить женщину в рабыню, в родильную машину, в лишенное всех политических и общественных прав существо.

Советская молодежь — наше будущее, наша гордость. Растет и крепнет новое поколение ровесников Великого Октября, задачей жизни которого является построение коммунизма. «Именно молодежи, — говорил Ленин, — предстоит настоящая задача создания коммунистического общества». Наша советская молодежь живет в счастливое время, перед ней открыты широчайшие перспективы, она окружена любовью и заботой партии и всего народа. Авангард советской молодежи — славный ленинский комсомол — вырос и закалился в борьбе за победу социализма, всегда оставаясь верным делу партии Ленина — Сталина. На заводах и в шахтах, на колхозных полях, в лабораториях и в школах учится молодежь борьбе с классовыми врагами, с оппортунистами, овладевает наукой и техникой. Наша партия воспитывает молодежь в духе пролетарского интернационализма, в духе преданности делу коммунизма, делу партии, в духе ненависти к эксплуататорам, к мрачному наследию старого мира. Молодежь воспитывается на опыте героической борьбы партии, рабочего класса и Великой Октябрьской революции, на примерах прекрасной жизни и борьбы лучших людей человечества: Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, — на примерах героев гражданской войны: Ворошилова, Буденного, Чапаева, Щорса и др., — на примерах жизни таких мастеров культуры, как Горький, Барбюс, Роллан, Циолковский. Новые люди растут в нашей стране, героические люди социалистического общества. Они завоевывают высоты стратосферы и широты Арктики, показывают примеры доблести и геройства в борьбе за овладение наукой и техникой, укрепляют обороноспособность нашей страны, совершая подвиги, достойные наших передовых бойцов за социализм.

Наш народ впитывает в себя идеи, традиции, методы большевизма. «Наша партия все больше обрастает слоем непартийных большевиков. Кто они, эти непартийные большевики? Слесаря, токаря, столяры, доярки, свинарки, скотницы наших колхозов, ударники наших полей, колхозные бригадиры, трактористы, комбайнеры, инженеры, хозяйственники, ученые, летчики, машинисты, парашютисты, мичуринцы, челюскинцы, «ворошиловские стрелки», лучшие бегуны, пловцы, физкультурники, люди, проникнутые желанием быть лучшими во всем и сделать нашу страну лучшей в мире. Они воспитаны нашей партией и ленинским комсомолом, каждый из них носит в себе частицу тех качеств, которые составляют отличительные черты большевизма. Они выросли

в ту эпоху, когда героизм становится массовым и обычным явлением. Их героические дела смыкают их с большевизмом» (Мануильский).

В упорной борьбе за победу социализма во всех областях хозяйственного и культурного строительства партия и рабочий класс выдвинули и воспитали сотни и сотни тысяч «управителей из рядов своего класса» (Ленин), свою пролетарскую интеллигенцию. Через высшую школу и «внешкольным» путем взрастила наша родина армию советской интеллигенции. Директора предприятий, начальники цехов, председатели колхозов, бригадиры наших полей, выдвиженцы из рабочих и крестьян, прошедшие школу управления в государственном аппарате, многие тысячи районных, советских, партийных и профсоюзных работников — вот кто вместе с производственно-техническими, научными и культурными работниками составляет армию нашей интеллигенции, нашу величайшую силу, наше величайшее достижение.

Старая интеллигенция, люди, которые были, по словам Ленина, «пропитаны предрассудками своего класса и которых мы должны переучить», в большинстве перешли на позиции пролетариата, влились в армию советской интеллигенции. Наша советская интеллигенция является теперь неотрывной и равноправной частью пролетариата, тружеников нашей великой родины. В стране, руководимой мощным гением большевизма, гением Сталина, в стране, где совершен коренной переворот в общественных отношениях, где выкорчевываются пережитки капитализма в экономике и сознании людей, единый коллектив работников, пролетариев физического и умственного труда, овладевает высотами техники, науки, культуры, дружно засыпая вырытую капитализмом пропасть между физическим и умственным трудом, успешно подготавливая торжество коммунизма. Советская наука служит миру, жизни и счастью человечества. Всесторонняя и всеобъемлющая практика социалистического строительства является неисчерпаемым источником для невиданного в истории человечества развития науки. В институтах и лабораториях, на опытных установках и библиотеках, в кабинетах и в научных экспедициях Арктики, на ледяных вершинах гор, в субтропиках бьет ключом многогранная творческая научная мысль. Никогда в истории человечества наука не знала такой живой связи с жизнью, не получала такого плодотворного «социального заказа», какой пред'являет социалистический строй. Передовые бойцы социалистического строительства своей инициативой ломают установленные «научные» расчеты и нормы, перекрывают мировые рекорды производительности труда, выдвигают новые вопросы и задачи, над которыми должны поработать не только прикладные науки, но и науки наиболее обобщающего характера.

На Первом всесоюзном совещании стахановцев товарищ Сталин указал, что старые нормы оказались ненаучны, что они не отвечают новым условиям: новой технике, новым скоростям технологического процесса и, что особенно важно, — новым, совсем другим, рабочим, требованиям культурно выросших и овладевших техникой, сознательных и активных строителей социалистического общества. Отмечая, что «данные науки всегда проверялись практикой, опытом», товарищ Сталин потребовал ликвидации отрыва, отставания науки от практики, ибо «наука потому и называется наукой, что она не признает фетишей, не боится поднять руку на отживающее, старое и чутко прислу-

шивается к голосу опыта, практики». Эти указания вождя являются программой борьбы за ускорение темпов развития научной мысли, за повышение качества научной работы, за укрепление живой, плодотворной связи с жизнью, с практикой, с борьбой миллионов трудящихся, с энтузиазмом, радостно строящих новую, веселую и счастливую жизнь.

Мировой научный центр все более передвигается в страну социализма. Проходившие при исключительном внимании партии и правительства международные научные конгрессы (конгресс физиологов, выставка иранского искусства и др.) свидетельствуют о том, что только в нашей стране для ученых широко открыты все пути к претворению в жизнь каждого завоевания человеческой мысли. Имена Павлова, Бурденко, Мичурина, Циолковского, Лысенко и многих других являются гордостью нашей родины. Велики внимание партии и лично товарища Сталина к развитию науки и забота о ее людях. Заслуженным почетом и славой окружает наша родина деятелей науки. В капиталистических странах, где наука превращена в средство выжимания прибавочной стоимости, где наука служит капиталу, где ее задачей является участие в подготовке империалистических войн, где у ученых нет уверенности в будущем, где свирепствующий фашизм убивает живую творческую мысль, где торжествуют мракобесие и расовые теории, где ученых изгоняют и преследуют шовинистические и антисемитские дегенераты и палачи, — там наука вырождается, там преграждается путь ее развития. Фашизм — враг науки и культуры. Фашизм провозглашает, что «образование — смерть для народа», что «ни один немец не хочет иметь интеллекта». Фашизм закрывает школы и научные учреждения. На 20% уменьшилось число учащихся в средних школах Германии. Фашистские «цивилизаторы» хотят сократить и число студентов на 24,3%. На 23% упала посещаемость германских библиотек. Сокращаемых учителей заменяют фельдфебели, книги — военный устав, учебу — военная маршировка. Вместо изгоняемых, заключаемых в концлагери ученых назначаются фашистские штурмовики «от науки». Был изгнан из Германии знаменитый химик Габер, изобретатель синтетического азота. Даже таких ученых, как националистический историк Онкен, громят новые «фельдфебели в Вольтерах».

Фашизм — злейший враг культуры. Научную работу он заменяет патологическим бредом. Реакционнейшие стороны философии Гегеля, шовинистическое учение Ницше, интуитивизм, мистику, средневековую чертовщину подбирают фашисты, превозносят «геополитику», расовые теории, воскрешают язычество.

Все лучшее, все передовое среди ученых, среди интеллигенции капиталистических стран тянется к стране победившего пролетариата, ибо только пролетариат обеспечивает действительное развитие науки и культуры для счастья всего человечества. Знаменательной является речь американского ученого Вальтера Кэннона, произнесенная им в Ленинграде на конгрессе физиологов. С величайшим гневом говорит он о том, что «всемирная экономическая депрессия привела к значительному уменьшению материальной поддержки научной работы; близится парез (неполный паралич), грозит паралич. Много сделавшие ученые с мировым именем смещены и терпят лишения. Некоторые

университеты закрылись... Во многих странах после мировой войны и особенно в связи с финансовой депрессией последних лет, охватившей весь мир, произошло сильное ограничение ассигнований на научные исследования. В Соединенных штатах все ассигнования на научную работу равны всего лишь полупроценту всего федерального бюджета; в настоящий момент эти ассигнования снижены более значительно чем любые другие разделы государственных расходов... Чувство неуверенности настолько усилилось, что стало трудно сосредоточить внимание на научных проблемах. Кроме того многие опытные научные работники вынуждены были покинуть посты и заняться деятельностью, для которой они не имеют квалификации и в которой они не могут использовать свою специальную подготовку».

Капитализм, фашизм несут смерть науке и культуре. Только социализм обеспечивает невиданный в истории расцвет науки и культуры.

Все больше и больше сторонников и друзей среди интеллигенции во всех странах завоевывает себе Советский союз, все больше и больше крупнейших представителей науки и искусства становится под знамя борьбы с фашизмом, под знамя защиты культуры. Конгресс защиты культуры, на котором участвовали крупнейшие писатели Европы и Америки, показал, что передовая интеллигенция капиталистических стран ищет выхода из условий маразма, безыдейности, мракобесия, порнографии, на которые обрекает культуру и искусство капитализм, и переходит на путь борьбы с фашизмом, на путь защиты Советского союза, на путь единого народного фронта.

Молодое советское искусство — это искусство большой идеи, идеи социализма. За исключительно короткий срок в нашей стране во всех областях искусства выросли талантливейшие люди, которые подняли наше искусство на большую высоту. Старые кадры работников искусств вместе с возвращенными революцией художниками слова, кисти, резца являются тем чудесным сплавом, который черпает свои силы из единства искусства с жизнью, с трудом, с творческим подъемом миллионов людей, созидающих новый, светлый мир. И потому так ценит, так любит советский народ своих художников, которых товарищ Сталин назвал «инженерами душ», поэтому таким вниманием и заботой окружены у нас работники искусства, пропагандирующие в художественных образах великие идеи социализма, героизм и гуманизм пролетариата. Имена Горького, Шолохова, Островского, Качалова, Бродского и многих других знает вся страна. «Мастера советского искусства знают, что право на величественные симфонии нашего завтра не будет достигнуто без кровавых боев с капитализмом — строим умирающим, но не умершим, строим, который в предсмертных конвульсиях бешеным зверем фашизма будет не раз еще пытаться задушить нашу родину, ее свободу, ее радости, ее песни, ее искусство» («Правда», 4 окт. 1935 г.). На защиту родины встают вся советская интеллигенция, все ученые и художники, для того чтобы биться за победу и процветание нашей родины.

Всемирноисторические победы во всех областях строительства социализма, величайшие возможности движения вперед завоеваны партией и рабочим классом в жестокой борьбе партии и рабочего класса с классовыми врагами,

с их троцкистско-зиновьевской, контрреволюционной агентурой, с оппортунистами всех мастей, в борьбе с трудностями и недостатками. Классовый враг еще не добит окончательно. Он еще пытается оказывать сопротивление победоносному наступлению пролетарской диктатуры. Под его предательским ударом пал на боевом посту один из лучших большевиков, прекрасный человек, трибун пролетарской революции — тов. Киров. Весь советский народ сплотившись вокруг коммунистической партии, еще выше поднял знамя борьбы, знамя непримиримой ненависти к врагам народа, знамя непоколебимой веры в победу социализма, знамя Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина.

Крепить мощь диктатуры пролетариата, крепить единство большевистских рядов, повышать революционную бдительность, непримиримо бороться с врагами народа, с удесятеренной энергией строить новую, счастливую жизнь нашей родины, расширять и укреплять базу мировой пролетарской революции — вот наши боевые задачи в новом, девятнадцатом году пролетарской революции.

Под руководством коммунистической партии, под руководством горячо любимого вождя народа, друга и учителя трудящихся нашей страны и всего мира — товарища Сталина мы пойдем к новым, еще более славным победам.

Проблема равенства в „Капитале“ Маркса

А. Леонтьев

В современных условиях победоносного социалистического строительства правильное понимание равенства имеет крупнейшее теоретическое и практическое значение. В целом ряде выступлений товарища Сталина марксистско-ленинское понимание равенства блестяще разработано в борьбе с мелкобуржуазными уравнилельскими представлениями о социализме в нынешней обстановке¹⁾. Пролетарское понимание равенства в смысле уничтожения классов было выработано Марксом и Энгельсом в процессе преодоления всевозможных утопических социалистических «систем», значительная часть которых имела своим краеугольным камнем расплывчатое и неопределенное представление о «равенстве вообще». Домарксовский, уравнилельский социализм в большей или меньшей степени пребывал в идеологическом плену у буржуазии. Требование равенства он не критически брал в том смысле, в каком это требование было выставлено буржуазией в ее борьбе против феодализма и крепостничества. Чтобы окончательно освободить социализм из этого буржуазного плена, необходимо было раскрыть истинное содержание буржуазного понимания равенства.

Исчерпывающая критика тех или иных идеологических явлений требует вскрытия реальных основ этих явлений. Лишь исторический материализм, открытый Марксом, дает возможность глубокой и неотразимой критики всяких извращенных и ложных форм идеологии классового общества. Общественное бытие определяет общественное сознание, последнее является отражением первого. Маркс замечает в одном месте в «Капитале», что несравненно легче вскрыть аналитически земное ядро туманных религиозных представлений, нежели вывести самые эти представления из условий действительной жизни. Между тем лишь второй метод является, по словам Маркса, подлинно материалистическим и, следовательно, единственно научным.

Критика буржуазных и мелкобуржуазных представлений о равенстве не могла быть достаточной до тех пор, пока не были вскрыты их реальные источники. Надо было показать, почему на базе данных отношений «общественного бытия» возникают данные формы «общественного сознания». Исчерпывающий характер критика антипролетарских представлений о равенстве приобрела лишь тогда, когда эти представления были выведены из реальных условий общественной жизни. Острый скальпель исторического материализма сошел все сакраментальные и мистические одеяния с традиционных представлений о равенстве. Перед глазами предстал их истинный характер идеологического продукта исторически ограниченного строя общественного производства.

¹⁾ Сталин. Речь на совещании хозяйственников 23 июля 1931 г.; беседа с немецким писателем Э. Людвигом; доклад на XVII съезде ВКП(б).

Уже в своей полемике против Прудона Маркс определяет действительный характер того равенства, которое лежит в основе товарного производства и обмена. Он вскрывает тот реальный эквивалент, извращенным отражением которого являются мелкобуржуазные уравнилельные теории. В «Капитале» Маркс с непревзойденным мастерством обнажает корни буржуазной идеи равенства, показывая, как из этих корней вырастают соответствующие идеологические представления. Этим самым был дефетишизирован и развенчан расплывчатый лозунг «равенства вообще», служащий излюбленной формой маскировки классовой буржуазной идеологии. Этим самым была создана прочная основа для ясного и четкого противопоставления идее равенства буржуазии пролетарского понимания равенства в смысле уничтожения классов.

Познание неразрывно связано с практикой. Из практических потребностей рабочего движения вырос «Капитал». Научное исследование Маркса было неразрывно связано с революционной борьбой рабочего класса. Исследование сущности буржуазного равенства теснейшим образом связано со всей историей борьбы марксизма против буржуазных и мелкобуржуазных представлений о равенстве; оно составляет важнейший этап этой борьбы.

Ленин придавал огромное значение тому анализу сущности буржуазного равенства, который дан Марксом в «Капитале». Разоблачая обман трудящихся масс общими фразами о свободе и равенстве, Ленин обычно ссылаясь на анализ буржуазной свободы и буржуазного равенства в «Капитале». Он многократно подчеркивал, что еще Маркс в «Капитале» раскрыл истинный характер буржуазного равенства как простого слепка с отношений товарного производства¹⁾. И он считал необходимым возможно шире популяризовать высказывания о равенстве, имеющиеся в «Капитале»²⁾.

1. Товар и его два фактора

Как известно, в «Капитале» Маркс ставит своей целью «раскрытие экономического закона движения»³⁾ капиталистического общества. Именно этим путем Маркс дает несокрушимое оружие в руки пролетариата как могильщика капитализма и строителя социализма. Исходным пунктом своего анализа Маркс берет товар⁴⁾, ибо «товарная форма продукта труда или стоимостная форма товара есть форма экономической клеточки буржуазного общества»⁵⁾. В этой экономической клеточке буржуазного общества «анализ вскрывает... все противоречия (или зародыш всех противоречий)»⁶⁾ капитализма. Уже ана-

¹⁾ См. Ленин. Собр. соч. Т. XXIV, стр. 159, 289, 310, 315, 398, 422, 515; т. XXV, стр. 469.

²⁾ См. Ленин. Собр. соч. Т. XXIX, стр. 458. Письмо тов. В. Адоратскому.

³⁾ Маркс «Капитал». Т. I, стр. 6. 1934. Этого, впрочем, не понимали некоторые из современников Маркса. Так, Фрейлиграт писал Марксу в связи с выходом первого тома «Капитала» следующее: «... на Рейне многие молодые купцы и фабриканты в восторге от твоей книги. В этой среде она достигнет своей настоящей цели...» (Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. XXV, стр. 520).

⁴⁾ «Г-н Вагнер забывает... что предметом для меня является не «стоимость» и не «мелочная стоимость», а «товар» (Маркс «Замечания на книгу Адольфа Вагнера». Собр. соч. Т. XV, стр. 456). «Я исхожу из простейшей общественной формы, в которой продукт труда представляется в современном обществе, это — «товар» (там же, стр. 467).

⁵⁾ Маркс «Капитал». Т. I, стр. 2.

⁶⁾ Ленин «Философские тетради», стр. 326. Ср. также стр. 173: «... простая форма стоимости, отдельный акт обмена одного, данного, товара на другой, уже включает в себе неразрывную форму все главные противоречия капитализма».

лиз товара вскрывает реальную основу буржуазных представлений о равенстве, показывает противоречия, характеризующие буржуазное равенство. Дальнейшее исследование: переход от товара к деньгам, превращение денег в капитал, производство прибавочной стоимости, превращение прибавочной стоимости в капитал и т. д. — дает исчерпывающую картину тех общественных отношений, идеологическим отображением которых является буржуазное понимание равенства. Вместе с тем раскрывается вся сумма глубочайших противоречий, заложенных в том «равенстве», которое является одновременно исторической базой и демагогическим лозунгом, общественной реальностью и обманчивой видимостью буржуазного общества. Экономический анализ Маркса до конца вскрывает действительную сущность тех форм бытия, которым в качестве формы сознания соответствует буржуазное представление о равенстве.

Товар, эту «простейшую экономическую конкретность»¹⁾, Маркс анализирует сначала в той «форме, в которой он проявляется»²⁾. Он берет товар в том виде, как тот появляется на поверхности буржуазного общества, в котором все богатство общества «на первый взгляд»³⁾ выступает как «огромное скопление товаров»⁴⁾. Стало быть, он берет товар в форме его непосредственной данности. Он сначала анализирует «самое простое, обычное, основное, самое массовидное, самое обыденное, миллиарды раз встречающееся, о т н о ш е н и е буржуазного (товарного) общества: обмен товаров»⁵⁾. За этой «беспокойной сменой» явлений Маркс раскрывает их закон. Если бы сущность и явление совпадали, всякая наука была бы бесполезна, не раз подчеркивал Маркс. Задача науки заключается именно в том, чтобы за многообразием, за пестротой, за кажущейся беспорядочностью явлений объективной действительности раскрыть их сущность, их внутреннюю закономерность. Но эти внутренние закономерности не проявляются в чистом виде. Задача науки состоит точно так же в том, чтобы показать, как раскрытые ею законы проявляются в многообразии явлений. Лишь таким путем достигается глубокое и полное познание действительности во всех ее связях и отношениях.

Исходя из непосредственного явления — товара, Маркс приходит к скрытой за этим явлением сущности, к специфическому общественному отношению — стоимости. Всякий товар есть, с одной стороны, потребительная стоимость, а с другой стороны, — меновая стоимость. Потребительная стоимость является вместе с тем носителем меновой стоимости. Дальнейший анализ меновой стоимости показывает, что последняя есть лишь форма проявления содержащейся в товаре стоимости, и тогда Маркс переходит к анализу последней. Исследовав субстанцию стоимости и характер труда, создающего стоимость, Маркс переходит к рассмотрению формы стоимости. Эта форма «очень бессодержательна и проста»⁶⁾. Тем не менее, замечает Маркс, ум человеческий безуспешно пытался проникнуть в ее тайны в течение более чем 2000 лет, между тем как более сложные формы ему, хотя бы приблизительно, удавалось постичь. Это и понятно, так как изучение клеточки труднее чем изучение развитого тела. Подводя итоги анализа простой формы стоимости, Маркс замечает, что когда в начале главы говорилось, что товар есть потребительная стоимость и меновая стоимость, то, строго говоря, это неверно, ибо товар есть потребительная

¹⁾ Маркс «Замечания на книгу Адольфа Вагнера». Собр. соч. Т. XV, стр. 468.

²⁾ Там же, стр. 467.

³⁾ Маркс «К критике политической экономии», стр. 46.

⁴⁾ Там же, стр. 46; «Капитал». Т. I, стр. 47.

⁵⁾ Ленин «Философские тетради», стр. 326.

⁶⁾ Маркс «Капитал». Т. I, стр. 1.

стоимость и стоимость¹⁾. Первое выражение соответствует «обычному способу выражения», второе же соответствует требованиям научной точности²⁾. Таким образом, Маркс возвращается к меновой стоимости уже не как к непосредственно данному явлению, а как к явлению, выражающему сущность.

Товар имеет двойственную природу. Эта двусторонность товара, его двойкий характер были известны еще древним. На первой же странице «К критике» Маркс приводит цитату из Аристотеля, в которой говорится о двойном назначении вещей, о двойном способе их использования: путем непосредственного их потребления или путем обмена³⁾. Здесь мы имеем лишь описание явления в том виде, как оно дано на поверхности. Анализом двух свойств, двух сторон товара много занимались экономисты-классики. Однако и они не сумели вскрыть тех глубоких противоречий, наиболее доступным и поверхностным отражением которых является двойственность товара. Сделать это смогла лишь материалистическая диалектика Маркса. Лишь Маркс дал исчерпывающий анализ товара как единства противоположностей: потребительной стоимости и стоимости. Расщепление единого и познание противоречивых сторон его—таков путь, по которому Маркс идет в своем исследовании. Марксов анализ товара с первых же шагов связан с анализом равенства, выступающего в отношениях товарного мира.

Каждую полезную вещь можно рассматривать со стороны качества и со стороны количества. Полезность вещи делает ее потребительной стоимостью, и потребительные стоимости отличаются величайшим качественным разнообразием. В товарпроизводящем обществе потребительная стоимость служит вещественным носителем меновой стоимости. Эта последняя выступает прежде всего как количественное отношение. Каково бы ни было меновое отношение двух товаров, его всегда можно выразить в виде уравнения, в виде равенства. Для этого нужно лишь взять соответствующие количества приравняваемых товаров. «Совершенно безразлично к характеру своего природного бытия и безотносительно к специфической природе тех потребностей, которым они служат в качестве потребительных стоимостей, товары в определенных количествах равны друг другу, взаимно замещают друг друга при обмене, выступают как эквиваленты и таким образом, несмотря на свою пеструю видимость, представляют одно и то же единство»⁴⁾.

«Равенство обмена» — таково явление, встречающееся на каждом шагу в реальной действительности. «Ежедневный опыт показывает нам, что миллионы и миллиарды таких обменов приравнивают постоянно все и

¹⁾ Маркс «Капитал». Т. I, стр. 75. Следует иметь в виду, что в «К критике», а также в первом издании первого тома «Капитала» Маркс еще пользуется одним и тем же термином, «меновая стоимость», для обозначения как количественного отношения обмениваемых товаров, так и отличного от этой формы содержания (стоимости). Однако лишь антимарксистский пошляк вроде Рубина может сделать отсюда вывод, что Маркс тогда еще не различал содержания стоимости и ее формы (см. Рубин «К истории текста первой главы «Капитала» Маркса». «Архив Маркса и Энгельса». Т. IV. 1929).

²⁾ Гильфердинг, а за ним и Рубин, капитулируя перед буржуазной критикой Маркса (со стороны Бем-Баверка, Франка, Петри и др.), выдвинули версию о том, будто в своем исследовании товара Маркс не дает обоснования своей теории стоимости, а этим обоснованием является лишь теория товарного фетишизма — это «социологическое введение» к экономической системе Маркса, по словам Рубина (см. Гильфердинг «Бем-Баверк как критик Маркса»; его же «К постановке проблемы политической экономии у Маркса»; Рубин «Очерки по теории стоимости Маркса», стр. 56 и др. 4-е изд.). Эта версия является ярким образцом грубейшего извращения теории Маркса под флагом ее «защиты» и «толкования».

³⁾ См. Маркс «К критике политической экономии», стр. 46.

⁴⁾ Там же, стр. 47—48.

всякие, самые различные и несравнимые друг с другом, потребительные стоимости одну к другой»¹⁾. Это «равенство обмена» вводит в заблуждение многочисленных представителей мелкобуржуазного утопического социализма. Речь идет о том направлении в уравнительном социализме, которое своей альфой и омегой делает фокусы в области обращения: реформу денег, введение рабочих денег, даровой кредит и т. п. Представители этого направления некритически отождествляют явление, как оно дано на поверхности, с сущностью вещей. Они не видят глубоко противоречивого характера «равенства обмена», который вскрывается на дальнейших ступенях анализа. Грубый эмпиризм в познании действительности имеет своей оборотной стороной абстрактный и оторванный от жизни рационализм, сочиняющий всякие утопические рецепты на предмет преобразования действительности.

С первых же шагов своего анализа товара Маркс характеризует противоречие, заключающееся в этом «равенстве обмена».

Быть потребительной стоимостью является необходимым условием для товара. Зато, с другой стороны, вещь может быть потребительной стоимостью, не будучи стоимостью, не будучи товаром²⁾. Но если потребительная стоимость есть необходимая предпосылка для товара, то, с другой стороны, именно отвлечение от потребительных стоимостей есть то, что характеризует меновую стоимость и стоимость³⁾. Таким образом, количественное уравнение товаров требует отвлечения от их качественной разнородности, между тем как эта качественная разнородность в свою очередь является предпосылкой и условием их количественного уравнения.

Один и тот же товар обменивается на целый ряд других товаров в самых разнообразных пропорциях. Из этого простого факта с очевидностью вытекают два вывода: во-первых, всевозможные меновые отношения одного и того же товара выражают нечто равное; во-вторых, следовательно, меновая стоимость может быть лишь способом выражения или формой представления «какого-то отличного от нее содержания»⁴⁾. Это содержание и есть стоимость товара. Маркс рассматривает сначала стоимость независимо от ее формы, оговаривая заранее, что «дальнейший ход исследования приведет нас опять к меновой стоимости, как необходимому способу выражения, или необходимой форме проявления стоимости»⁵⁾.

Если два товара равны между собой, то такое равенство свидетельствует лишь о том, что в обоих товарах существует нечто третье равной величины, что они равны чему-то третьему. В чем же может заключаться это общее товарам свойство? Оно не может заключаться в потребительных стоимостях, ибо последние качественно различны и потому количественно несравнимы. Но если отвлечься от потребительной стоимости товаров, то у них останется лишь одно свойство, а именно, что они продукты труда. Однако, отвлекаясь от потребительной стоимости, мы тем самым отвлекаемся от конкретного характера заключающегося в товаре труда. «Вместе с полезным характером продуктов труда исчезает и полезный характер представленных в них работ, исчезают, следовательно, различные конкретные формы этих работ; последние не различаются более между собой, а сведены все к одинаковому человеческому труду, к абстрактно человеческому труду»⁶⁾.

¹⁾ Ленин «К. Маркс». Собр. соч. Т. XVIII, стр. 16.

²⁾ Маркс «К критике политической экономии», стр. 47; «Капитал». Т. I, стр. 55—56.

³⁾ Маркс «Капитал». Т. I, стр. 50 и 51.

⁴⁾ Там же, стр. 49.

⁵⁾ Там же, стр. 51.

⁶⁾ Там же, стр. 50.

После отвлечения от потребительных стоимостей товаров от них остается лишь «простой ступок лишенного различий человеческого труда, т. е. затраты человеческой рабочей силы безотносительно к форме этой затраты»¹⁾. «Как кристаллы этой общей им всем общественной субстанции, они суть стоимости»²⁾. Таким образом, «тот труд, который образует субстанцию стоимости, есть одинаковый человеческий труд, затрата одной и той же человеческой рабочей силы»³⁾.

Таким образом Маркс переходит от равенства обмена к равенству труда, производящего товары. Путь к этому переходу открыт анализом противоречивого характера «равенства обмена».

В стоимостях товарного мира представлена совокупная рабочая сила общества, которая фигурирует здесь как одинаковая рабочая сила, хотя в то же время она состоит из бесчисленных индивидуальных рабочих сил. «Вся рабочая сила данного общества, представленная в сумме стоимостей всех товаров, является одной и той же человеческой рабочей силой: миллиарды фактов обмена доказывают это»⁴⁾.

Однако самый процесс уравнивания труда определяется характером труда, производящего товары. Этот труд является общественным трудом, но он обладает специфическим видом общности.

«Условия труда, создающего меновую стоимость, как они вытекают из анализа меновой стоимости, суть общественные определения труда или определения общественного труда, но не просто общественного, а в особенном роде. Это специфический вид общности. Прежде всего безразличная простота труда есть равенство работ различных индивидов, взаимное отношение их работ друг к другу как равных, а именно благодаря фактическому сведению всех работ к однородному труду. Труд каждого индивида обладает этим общественным характером равенства постольку, поскольку он представляется в меновых стоимостях, и он представляется в меновых стоимостях лишь постольку, поскольку он относится к труду всех других индивидов как к равному»⁵⁾.

Стало быть, «общественным характером равенства» труд производителя обладает лишь в обществе, базирующемся на производстве товаров. В таком обществе весь общественный труд представляет собой не что иное, как совокупность индивидуальных работ, самостоятельных друг от друга и в то же время связанных друг с другом. В этом заключено противоречие, и этим противоречием характеризуется равенство труда, свойственное товаропроизводящему обществу.

В условиях товарного производства труд не является общим, совместным, коллективным трудом ассоциированных производителей. Напротив, это разрозненный, раздробленный труд индивидуальных производителей, хотя бы таким «индивидуальным производителем» был концерн, в котором работает четверть миллиона рабочих и служащих. Общественный характер труда осуществляется не путем сознательного коллективного руководства, а стихийным процессом приравнивания отдельных работ как в сфере производства, так и в сфере обмена. Лишь путем этого опосредствования частный труд принимает характер своей противоположности — труда общественного.

Таким образом уже анализ двух факторов товара и субстанции стоимости дает первое представление о противоречивом характере

¹⁾ Маркс «Капитал». Т. I, стр. 51.

²⁾ Там же.

³⁾ Там же.

⁴⁾ Ленин «К. Маркс». Собр. соч. Т. XVIII, стр. 16.

⁵⁾ Маркс «К критике политической экономии», стр. 51.

того равенства, которое составляет отличие товарного производства. Количественное равенство обмениваемых товаров предполагает отвлечение от их качественных различий, но в то же время эти качественные различия потребительных стоимостей являются предпосылкой самого уравнивания товаров как меновых стоимостей. Это противоречие наиболее очевидное: оно выступает уже на поверхности явлений. Далее, если товары равны между собой, то это свидетельствует о наличии в них чего-то третьего, которое отлично от каждого из товаров, но в то же время определенным образом присуще каждому из них. Наконец, равный человеческий труд, составляющий субстанцию стоимости, есть труд общественный, но лишь такой общественный труд, который состоит из самостоятельных работ различных индивидов. Дальнейшее раскрытие противоречий, характеризующих равенство труда, воплощенного в товаре, Маркс дает в своем анализе двойственного характера труда, представленного в товаре.

2. Двойственный характер труда

Выяснив субстанцию стоимости, исследовав специфические общественные черты труда, создающего стоимость, Маркс переходит к характеристике двойственного характера труда, представленного в товарах. Этому пункту своего учения Маркс, как известно, придавал большое значение. Раскрытие двойственного характера труда он считал одной из своих самых больших заслуг в политической экономии¹⁾. Он указывал, что этот пункт «является центральным и от него зависит понимание политической экономии»²⁾.

Учение Маркса о двойственном характере труда, представленного в товарах, имеет также кардинальное значение для понимания действительной сущности того равенства человеческого труда, которое свойственно производству товаров и проявляется в их обмене.

Противоречие товара, представляющего собой единство потребительной стоимости и стоимости, выражает специфический двойственный характер труда, представленного в товаре: это, с одной стороны, труд конкретный, а с другой стороны, труд абстрактный. В качестве конкретного труд создает потребительную стоимость товара; в качестве абстрактного труд создает его стоимость. «В то время как труд, создающий меновую стоимость, есть труд абстрактно-всеобщий и равный, труд, определяющий потребительную стоимость, есть труд конкретный и особенный, который сообразно форме и материалу разбивается на бесконечно различные виды труда»³⁾.

Абстрактно-всеобщий труд, создающий стоимость, есть равный труд. Это равенство труда не есть «субъективное приравнивание индивидуальных работ»⁴⁾. Наоборот, это — объективное равенство, «которое общественный процесс насильственно устанавливает между неравными работами»⁵⁾. Это вместе с тем не какая-то трансцендентальная идея равенства, как получается в изображении меньшевика-идеалиста Рубина. Наоборот, это равенство труда есть одна из сторон реального процесса товарно-капиталистического производства, в котором оно имеет свои глубокие корни. Отдельные работы неравны между собой, они неодинаковы, они качественно различны, как конкретные работы портного, сапожника и т. п. Результатом этого различного по своему характеру конкретного труда являются раз-

¹⁾ Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. XXIV, стр. 6.

²⁾ Маркс «Капитал». Т. I, стр. 54. См. также Собр. соч. Т. XXIV, стр. 6.

³⁾ Маркс «К критике политической экономии», стр. 55.

⁴⁾ Там же, стр. 78.

⁵⁾ Там же.

личные потребительные стоимости. «Но как меновые стоимости, они представляют одинаковый, лишенный различий труд, т. е. труд, в котором индивидуальность тех, кто трудится, стерта. Поэтому труд, создающий меновую стоимость, есть абстрактно-всеобщий труд»¹⁾.

Мы видели, что мир товаров отличается большим разнообразием: потребительные стоимости чрезвычайно различны и разнохарактерны по своим качествам. Но в то же время товарный мир отличается большим единством в том смысле, что самые различные товары в определенных пропорциях приравниваются друг к другу и обмениваются друг на друга. Теперь мы видим, что труд, производящий товары, при всем качественном различии разнообразных видов конкретного труда представляет собой в то же время качественно одинаковый, лишенный различий абстрактный труд. В процессе товарного обмена «люди приравнивают самые различные виды труда»²⁾.

Стало быть, равенство человеческого труда, образующего субстанцию стоимости, не только не исключает, но, наоборот, предполагает качественные различия труда, овеществленного в товарах. Если бы любые два обмениваемых товара не были качественно различными потребительными стоимостями, никто не стал бы их обменивать. «Сюртук не обменивается на сюртук». Но они являются различными потребительными стоимостями лишь как продукты качественно различных видов полезного труда, лишь как продукты конкретного труда. Поэтому «равенство работ... (во всех отношениях) различных друг от друга, может состоять лишь в отвлечении от их действительного неравенства, в сведении их к тому общему характеру, которым они обладают как затраты человеческой рабочей силы, как абстрактно-человеческий труд»³⁾.

Как стоимость два товара — скажем, сюртук и холст — имеют одну и ту же субстанцию — однородный, лишенный различий труд. Но вместе с тем портняжество и ткачество — различные виды труда. Маркс показывает, однако, что эта разнородность отнюдь не является абсолютной. На более низких ступенях общественного развития портняжество и ткачество являются лишь видоизменениями труда одного и того же индивида. «Человек портняжил целые тысячелетия, прежде чем из человека сделался портной»⁴⁾. Однако на протяжении тех тысячелетий, когда человек портняжил, не будучи портным, портновский труд не входил частицей в ту специфическую систему общественного разделения труда, которая служит основой товарного производства. Лишь после того как «из человека сделался портной», труд портного стал выступать вместе с тем в виде лишенного различий человеческого труда, составляющего субстанцию стоимости. «Производство товаров есть система общественных отношений, при которой отдельные производители созидают разнообразные продукты (общественное разделение труда), и все эти продукты приравниваются друг к другу при обмене»⁵⁾.

Общественное разделение труда является условием товарного производства. Напротив того, товарное производство не является необходимым условием существования общественного разделения труда⁶⁾. При товарном производстве совокупный производственный процесс общества расщеплен между самостоятельными индивидуальными производителями. Общественное разделение труда опосредствуется обменом продуктов индивидуального труда.

Отдельные виды производительной деятельности человека несмотря на

¹⁾ Маркс «К критике политической экономии», стр. 48.

²⁾ Ленин «К. Маркс». Собр. соч. Т. XVIII, стр. 16.

³⁾ Маркс «Капитал». Т. I, стр. 89.

⁴⁾ Там же, стр. 56.

⁵⁾ Ленин «К. Маркс». Собр. соч. Т. XVIII, стр. 16.

⁶⁾ Маркс «Капитал». Т. I, стр. 55.

свое качественное различие представляют собой «один и тот же человеческий труд»¹⁾. Измерение стоимости рабочим временем предполагает сведение различных видов труда к простому труду. «Чтобы измерять меновые стоимости товаров заключающимся в них рабочим временем, нужно свести различные виды труда к лишенному различий, однородному, простому труду, — короче, к труду, который качественно одинаков и различается поэтому лишь количественно»²⁾.

Это сведение сложного труда к простому — важнейшая сторона об'ективного процесса уравнивания труда, установления равенства различных видов труда. Маркс подчеркивает, что это сведение, выступая как абстракция, есть, однако, такая «абстракция, которая в общественном процессе производства совершается ежедневно»³⁾. Простой труд — это не досужая выдумка и не идеалистическая норма. Это конкретная реальность материального процесса производства. «Эта абстракция всеобщее-человеческого труда существует в среднем труде, который в состоянии выполнять каждый средний индивид данного общества: это — определенная производительная затрата человеческих мышц, нервов, мозга и т. д. Это — простой труд, к которому может быть приучен каждый средний индивид и который он, в той или другой форме, должен выполнять. Самый характер этого среднего труда различен в разных странах и в разные эпохи культуры, но он выступает данным в каждом существующем обществе. Простой труд составляет подавляющую часть общей массы труда в буржуазном обществе, как в этом можно убедиться из любой статистики»⁴⁾. Маркс здесь развивает ту мысль, которую он изложил еще в «Нищете философии». Уже в своей полемике против Прудона Маркс показывает, что в условиях капиталистического строя подавляющая часть общей массы труда в обществе состоит из простого труда. Капитализм делает простой труд основой промышленности. Сложный труд сводится к простому. Мерилом стоимости служит лишь количество труда, безотносительно к его качеству. Различные роды труда уравниваются путем разделения труда и подчинения человека машине. Человеческая личность оттесняется на задний план. «Часовой маятник сделался точной мерой относительной деятельности двух работников, точно так же как он служит мерой скорости двух локомотивов... Время — все, человек — ничто: он только воплощение времени. Теперь уже нет более речи о качестве. Количество решает все: час за час, день за день; но такое уравнивание труда не есть дело вечной справедливости г. Прудона: оно просто-напросто результат современной индустрии»⁵⁾.

Маркс особенно подчеркивает, что это уравнивание труда имеет своей основой реальные условия материального производства, условия капиталистического машинного производства. Именно машинная техника капиталистического предприятия широчайшим образом нивелирует прежде разнохарактерный и разнородный труд. Этим создается возможность всеобщего приравнивания и уравнивания труда, характерного для той ступени развития, когда товарное производство и обмен становятся всеобщими и всеохватывающими.

«На фабрике, работающей с помощью машин, труд одного рабочего почти ничем не отличается от труда другого; рабочие могут различаться только количеством времени, употребляемого ими на работу. Тем не менее эта количественная разница делается, с известной точки зрения, качественной, поскольку время, употребляемое на труд, зависит отчасти от причин

¹⁾ Маркс «Капитал». Т. I, стр. 57.

²⁾ Маркс «К критике политической экономии», стр. 49.

³⁾ Там же.

⁴⁾ Там же, стр. 50.

⁵⁾ Маркс «Нищета философии», стр. 55.

чисто материальных, каковы, например, физическое сложение, возраст, пол; отчасти же от моральных, чисто отрицательных условий, каковы, например, терпение, бесстрашие, прилежание. Наконец, если и встречается качественная разница в труде различных рабочих, то это — качество наихудшего качества, которое далеко не представляет собою специальной отличительной особенности. Вот каково в последнем счете положение вещей в современной промышленности. И по этому-то, уже осуществившемуся равенству машинного труда гражданин Прудон проводит рубанком «уравнение», которое он надеется повсюду осуществить в «будущем времени»¹⁾.

Как известно, всеобщий характер товарное производство приобретает лишь при капитализме, когда товаром становится самая рабочая сила непосредственного производителя. Цеховое ремесло сменяется крупным производством капитала. Сначала это мануфактура с ее разделением труда. Ей на смену приходит фабрика, основанная на машинном производстве. Этот переворот в материальном процессе производства создает наиболее широкие предпосылки для осуществления всеобщего равенства труда, проявляющегося во всеобщем развитии товарного обмена. Труд цеховых ремесленников носит в значительной степени индивидуальный характер: личное искусство, навыки, сноровка играют решающую роль. Лишь машина и крупное производство создают такое положение, при котором простой труд составляет подавляющую массу общего труда общества.

Нивелировка труда в материальном процессе общественного производства, широкое распространение простого безразличного труда, безразличное отношение индивидов к перемене вида деятельности, наиболее ярко выступающее, как указывал Маркс, в Америке, в этой самой современной стране капитализма, — все это составляет реальную базу общественного процесса уравнивания труда.

Таким образом, марксов анализ двойственного характера труда, представленного в товарах, знаменует собой следующий шаг по пути познания противоречивого характера, который свойственен равенству товарного производства. Равенство абстрактного труда имеет место наряду с качественным различием разнообразных видов конкретного труда. Но равенство труда, создающего стоимость, не только предполагает этот различный характер конкретных работ. Само равенство насильственно устанавливается общественным процессом между неравными работами. Равенство труда не только есть одна сторона процесса, другая сторона которого заключается в неравенстве труда. Само это равенство может состоять лишь в отвлечении от действительного неравенства конкретных работ²⁾.

3. Форма стоимости

Возвращаясь после анализа двойственного характера труда к меновому отношению товаров, как форме проявления стоимости, Маркс делает следующее замечание: «Каждый знает — если он даже ничего более не знает, — что товары обладают общей формой стоимости, резко контрастирующей с пестрыми натуральными формами их потребительных стоимостей, а именно: денежной формой»³⁾. Загадку этой денежной формы Маркс раскрывает, исследуя развитие форм стоимости, начиная с простой.

¹⁾ Маркс «Нищета философии», стр. 55—56.

²⁾ Извращение действительного содержания марксова анализа равенства, заключающегося в товарном производстве и обмене, характерно как для механистической ревизии марксизма, так и для меньшевистской идеалистической концепции Рубина. Как механисты, так и фальсификаторы марксизма в идеалистическом духе (Гильфердинг, Рубин) объявляют закон стоимости законом равновесия товарно-капиталистического общества. Равенство труда толкуется ими односторонне, без учета того неравенства, которое является его необходимой стороной.

³⁾ Маркс «Капитал». Т. I, стр. 62.

Уже в анализе простой формы стоимости Маркс вскрывает те противоречия, которые в своем дальнейшем развитии ведут к выделению денежного товара из общей среды товарного мира. Здесь мы видим, каким образом проявляется равенство труда в товаропроизводящем обществе, каким образом оно осуществляется в условиях фактического различия качественно разнородных работ.

Лишь в приравнивании товаров друг к другу, в их стоимостном отношении товар получает форму стоимости, отличную от его натуральной формы. «Когда, напр., сюртук, как стоимостная вещь, приравнивается холсту, заключающийся в первом труд приравнивается труду, заключающемуся во втором. Конечно, портняжный труд, создающий сюртук, есть конкретный труд иного рода, чем труд ткача, который делает холст. Но приравнивание к ткачеству фактически сводит портняжество к тому, что действительно одинаково в обоих видах труда, к их общему характеру человеческого труда. Этим косвенным путем, таким образом, утверждается, что и ткачество, поскольку оно тклет стоимость, ничем не отличается от портнячества, следовательно, есть абстрактно человеческий труд. Лишь выражение эквивалентности разнородных товаров обнаруживает специфический характер труда, образующего стоимость, таким образом, что разнородные виды труда, заключающиеся в разнородных товарах, оно действительно сводит к тому, что у них есть общего, к человеческому труду вообще»¹⁾.

Маркс подчеркивает, в противовес вульгарным экономистам, что форма стоимости вытекает из природы стоимости, а не наоборот. Стоимость есть общественное отношение людей, скрытое под вещной оболочкой. Труд, затраченный на производство товара, выступает в виде «предметного» свойства этого товара, в виде стоимости. Форма стоимости не отделима от товарного характера продукта труда. Маркс неоднократно подчеркивал, что главная трудность — но и главное значение — в исследовании товара представляет не аналитическое нахождение труда как субстанции стоимости, а выведение самой формы стоимости, решение вопроса, почему труд при данной системе общественных отношений неизбежно должен принимать форму стоимости.

В форме стоимости скрытая в товаре внутренняя противоположность между потребительной стоимостью и стоимостью выражается путем внешней противоположности, в форме отношения двух товаров²⁾. Каждая из сторон внутренней противоположности товара приобретает самостоятельность и поляризуется в одном из двух товаров, отношением которых является простая форма стоимости. Один из них фигурирует непосредственно лишь как потребительная стоимость, другой — лишь как меновая стоимость. Выделение денег из общего мира товаров, представляющее собой неизбежный результат развития производства товаров, является дальнейшим этапом этой поляризации.

Уже в простой форме стоимости товар, играющий роль эквивалента, поляризует в себе стоимость в противоположность потребительной стоимости. Он служит материалом для выражения, для проявления стоимости. Маркс перечисляет три особенности эквивалентной формы, заключающиеся в том, что в этой форме: 1) потребительная стоимость становится формой проявления своей противоположности, стоимости; 2) конкретный труд становится формой проявления своей противоположности, абстрактно-человеческого труда, и 3) частный труд становится формой своей противоположности, трудом в непосредственно общественной форме³⁾. Переход ко

¹⁾ Маркс «Капитал». Т. I, стр. 65.

²⁾ Маркс «Капитал». Т. I, стр. 76.

³⁾ Маркс «Капитал». Т. I, стр. 71—74.

всеобщему эквиваленту, к деньгам, придает всеобщий характер этим противоречиям.

«Специфический общественный характер независимых друг от друга частных работ состоит в их равенстве как человеческого труда». Непосредственно это индивидуальный, частный труд, которому предстоит пройти ряд испытаний, чтобы мог проявиться его общественный характер. Стоимостное отношение товаров, их приравнивание, их обмен — таков общественный процесс, через горнило которого должен пройти каждый продукт частного труда.

При товарном производстве общественные отношения людей принимают форму свойств вещей. Продукт труда — товар — становится весьма загадочной вещью, наделенной сверхчувственными свойствами. Эта загадочность возникает, как указывает Маркс, из самой товарной формы. При этой форме равенство различных человеческих работ получает «вещную форму равенства стоимостной предметности продуктов труда»¹⁾. В мозгу частных производителей общественный характер равенства разнородных работ отражается в виде стоимостного характера продуктов труда²⁾. Несмотря на то что как потребительные стоимости продукты труда весьма различны и разнообразны, как стоимости они равны.

«Люди относят продукты своего труда друг к другу как стоимости не потому, что эти вещи означают для них лишь вещные оболочки однородного человеческого труда. Наоборот. Приравнивая друг к другу в обмене разнородные продукты как стоимости, они тем самым приравнивают друг другу свои различные работы как человеческий труд вообще. Они не сознают этого, но они это делают»³⁾.

Но приравнивание, указывает Маркс, предполагает противопоставление, а тем самым — возможность неравенства. Эта возможность превращается в действительность, поскольку приравнивание сменяется действительным обменом, а внутренняя противоположность товара развивается во внешнюю противоположность относительной и эквивалентной формы стоимости. В дальнейшем это неравенство — в виде количественного несовпадения цены со стоимостью — становится всеобщей формой, в которой только и может проложиться себе путь равенство человеческого труда.

Маркс характеризует глубокую связь, существующую между всеобщим распространением отношений товарного производства и распространением представлений о человеческом равенстве: «Тайна выражения стоимости, равенство и равнозначность всех видов труда, потому что и поскольку они суть человеческий труд вообще, — может быть расшифрована лишь тогда, когда понятие человеческого равенства уже приобрело прочность народного предрассудка. А это возможно лишь в таком обществе, где товарная форма есть всеобщая форма продукта труда, а следовательно, отношение людей друг к другу как товаровладельцев есть господствующее общественное отношение»⁴⁾.

На примере Аристотеля Маркс показывает, как недостаточное распространение отношений товарного производства и соответствующих этим отношениям идеологических представлений помешало даже столь глубокому мыслителю, как Аристотель, вскрыть действительное содержание того отношения равенства, которое выражается в меновом отношении товаров. Обмен не может иметь места без равенства, а равенство — без соизмеримости, говорит Аристотель. Однако в действительности обмениваются самые разно-

¹⁾ Маркс «Капитал». Т. I, стр. 87.

²⁾ Там же, стр. 89.

³⁾ Там же.

⁴⁾ Там же, стр. 75.

родные вещи, и не может быть, чтобы они были качественно равны. Аристотель полагает поэтому, что совершаемое в обмене приравнивание чуждо природе вещей и является лишь «искусственным приемом для удовлетворения практической потребности».

Изложив эти взгляды Аристотеля, Маркс пишет: «Итак, Аристотель сам показывает нам, что именно сделало невозможным его дальнейший анализ: это — отсутствие понятия стоимости. Что есть то равное, т. е. та общая субстанция, которую представляет дом для постелей в выражении стоимости постелей? Ничего подобного «в действительности» не может существовать», говорит Аристотель. Почему? Дом представляет по отношению к постели нечто равное, поскольку он представляет то, что действительно есть равного в обоих — в постели и в доме. А это — человеческий труд. Но тот факт, что в форме товарных стоимостей все виды труда выражены как равный человеческий труд, и, следовательно, выражены равнозначными, — этот факт Аристотель не мог вычитать из самой формы стоимости, так как греческое общество покоилось на рабском труде, и, следовательно, имело своим естественным базисом неравенство людей и их рабочих сил»¹).

И Маркс, далее, замечает: «Гений Аристотеля блестяще обнаруживается именно в том, что в выражении стоимости товаров он открывает отношение равенства. Лишь исторические границы общества, в котором он жил, помешали ему раскрыть, в чем же именно состоит «в действительности» это отношение равенства»²).

Лишь в условиях товарного производства идея равенства приобретает прочность народного предрассудка. Маркс обнажает до конца корни тех реальных отношений, на базе которых вырастает эта идея равенства. Тем самым развенчивается якобы «вечный» характер этой идеи. Напротив, показывается, что она сама является историческим продуктом определенной эпохи. И вместе с тем показывается, что в условиях этой определенной исторической эпохи идея равенства становится подобной ходячей монете. Эта идея, вырастая из реальных условий, становится общим местом. В своей общей, абстрактной форме она служит в свою очередь приукрашиванию реальной действительности. Она выполняет апологетические функции. Она подобна стертой монете, обещающей больше чем в ней содержится.

Таким образом, анализ формы стоимости показывает дальнейшее развитие противоречий, заложенных в товаре и тем самым характеризующих равенство труда, заключенного в товарах. В форме стоимости равенство труда выступает как стоимостный характер товаров. Оно выступает теперь в вещной форме. Оно принимает фетишистическую оболочку. Вместе с тем равенство теперь выступает в теснейшей связи со своей противоположностью, с неравенством. Более того: равенство обнаруживается лишь среди нарушений равенства, среди которых оно прокладывает себе путь как «идеальная средняя», как «слеподействующий закон».

4. Деньги

Развитие производства и обмена товаров неизбежно приводит к появлению денег. Маркс подробно исследует развитие форм стоимости от простой формы до денежной. Он вскрывает происхождение денежной формы стоимости. Его главная задача при этом, как указывает Ленин, — «изучение исторического процесса развертывания обмена»³), начиная

¹) Маркс «Капитал». Т. I, стр. 74—75.

²) Там же, стр. 75.

³) Ленин. Собр. соч. Т. XVIII, стр. 16.

от его зародышевых форм и кончая обменом при посредстве денег. Переход от товара к деньгам означает, таким образом, не метафизическое «усложнение социальных форм вещей», как утверждает идеалист Рубин, верный своей насквозь фетишистической концепции.

Этот переход есть результат реального исторического процесса развития, заполнившего века человеческой истории. Точно так же результатом вековых исторических процессов является развитие функций денег, исследованное Марксом.

Развитие товара не устраняет присущих ему противоречий, а как и всякое развитие осуществляется в противоречиях, «создает форму для их движения»¹⁾. Переход от натурального обмена товара на товар к обмену товаров при посредстве денег связан и дальнейшим развитием основного противоречия товара. «Исторический процесс расширения и углубления обмена развивает дремлющую в товарной природе противоположность между потребительной стоимостью и стоимостью»²⁾. Вместе с тем раздвоение товара на товар и деньги создает новую ступень в развитии противоречивого характера того равенства, которым характеризуются производство и обмен товаров.

Непосредственный обмен продуктами труда неизбежно наталкивается на ограниченные рамки. Рамки эти даны не природой обмениваемого продукта, превратившегося в товар. Напротив. «Прирожденный левеллер и циник, товар всегда готов обменять не только душу, но и тело со всяким другим товаром, хотя бы этот последний был наделен наружностью, еще менее привлекательной, чем Мариторна»³⁾. Маркс добавляет, что эту неразборчивость товара его владелец компенсирует тем, что пускает в ход свои пять и более чувств. Владелец товара готов свой товар, являющийся для него лишь средством обмена, обменять на любой товар, необходимый ему для удовлетворения своих потребностей. Таким образом, непосредственный обмен продуктов труда связан с индивидуальными потребностями обменивающихся. До появления денег обмену продуктов труда, а следовательно, и превращению их в товары поставлены узкие рамки. Эти узкие рамки устраняются с появлением денег. «Следовательно, в той же самой мере, в какой осуществляется превращение продуктов труда в товары, осуществляется и превращение товара в деньги».

Противоречие состояло в том, что, с одной стороны, товары должны реализоваться как стоимость, прежде чем они могут реализоваться как потребительные стоимости; с другой же стороны, они должны предварительно доказать свой характер потребительных стоимостей, прежде чем они могут быть реализованы как стоимости. Появление денег разрешает это противоречие. Поляризация потребительной стоимости на одной стороне и стоимости—на другой раньше носила изменчивый, мимолетный характер. Теперь эта поляризация закрепляется и затвердевает. Деньги становятся всеобщим эквивалентом. Деньги являются полномочным представителем потребительных стоимостей всех товаров, на которые они могут быть обменены. Раньше процессу приравнивания отдельных продуктов труда были поставлены рамки, вытекающие из характера их потребительных стоимостей. Теперь эти рамки отпадают. Но деньги уничтожают противоречие непосредственного обмена лишь тем, что придают ему всеобщий характер, воспроизводят его на расширенной основе. Распадение товара на товар и деньги становится исходным пунктом для дальнейшего развития зияющих противоречий товарно-капиталистического производства.

Являясь «высшим продуктом развития обмена и товарного производ-

¹⁾ Маркс «Капитал». Т. I, стр. 121.

²⁾ Маркс «Капитал». Т. I, стр. 104.

³⁾ Маркс «Капитал». Т. I, стр. 102.

ства»¹⁾, деньги являются высшей ступенью развития специфического равенства товарного производства. В деньгах равенство различных работ достигает своего высшего проявления. Имея в руках монету или кредитный билет, нельзя узнать, какой именно товар превратился в данную сумму денег. По самой природе своей деньги — «радикальный левеллер»²⁾). Господство денег означает гигантское распространение продажности, отчуждаемости: «отчуждаются» не только товары, но и такие вещи, как честь, любовь и т. д., становятся рыночным товаром, предметом купли-продажи. Деньги приравнивают к общему знаменателю самые различные вещи. Все получает свою цену. И не даром в стране наиболее передового капитализма денежная оценка так укоренилась, что там о людях говорят: он стоит такую-то сумму долларов.

Вместе с тем характер «уравнительных» функций денег блестяще иллюстрирует истинную сущность равенства в условиях товарно-капиталистического производства. Само выделение денег из общей массы «рядовых товаров», из мира «товарной черни» уже характеризует нарушение равенства, которое, однако, является необходимым условием осуществления равенства товарного производства. В деньгах роль адекватной формы проявления равного человеческого труда сростается с натуральной формой того или иного товара. Историческое развитие функций денег приносит дальнейшее развитие этого нарушения равенства, являющегося вместе с тем адекватным способом реализации равенства индивидуальных работ в товаропроизводящем обществе. Это нарушение равенства теперь принимает всеобщий характер.

В условиях непосредственного обмена продуктами труда это нарушение равенства еще ограничено как ограничена самая сфера обмена. С появлением денег дело меняется. Стоимость товара теперь выражается в деньгах. Она принимает форму цены. Но, помимо качественного несовпадения цены со стоимостью, когда вместе со всеобщим распространением денежных отношений форму цены принимают вещи, не имеющие стоимости, теперь выступает количественное несовпадение между величиной стоимости и ценой товара.

Возможность этого количественного несовпадения заключена в самой форме цены, являющейся формой стоимости, получившей всеобщий характер. Величина стоимости товара выражает определенное отношение к общественному рабочему времени, имманентное процессу созидания этого товара. Величина стоимости превращается в цену, в денежное выражение меновой стоимости товара. Теперь это имманентное отношение принимает форму менового отношения, в котором данный товар находится ко вне его находящемуся денежному товару. «Но в этом меновом отношении может выражаться как величина стоимости товара, так и тот плюс или минус по сравнению с ней, которым сопровождается отчуждение товара при данных условиях»³⁾.

Превращение величины стоимости в цену является предварительным актом обмена, его введением. Когда этот акт сменяется действительным отчуждением товара, превращением товара в деньги, возможность количественного несовпадения цены со стоимостью превращается в действительность. Цена отклоняется от стоимости. Это — несомненное нарушение «равенства обмена», но лишь путем этих нарушений и может проявляться закон эквивалентного обмена.

Это не составляет недостатка формы цены, замечает Маркс, «а, наоборот, делает ее формой, адекватной такому способу производства, в котором

¹⁾ Ленин «К. Маркс». Собр. соч. Т. XVIII, стр. 17.

²⁾ Маркс «Капитал». Т. I, стр. 152.

³⁾ Там же, стр. 119.

правило может прокладывать себе путь лишь как слепо действующий закон средних чисел сферы, где правильность отсутствует»¹⁾.

Таким образом, раскрывается действительный противоречивый характер того «равенства обмена», которое неизбежно имеет своей другой стороной нарушение равенства, неравенство. Апологеты капитализма выдвигают единство, скрывая противоречия. Они подчеркивают принцип равенства, лежащий в основе обмена, не желая видеть неравенства, являющегося столь же необходимым спутником товарного производства и обмена. Непонимание противоречий, сплуженных в единстве, непонимание того, что самый принцип «равенства обмена» может осуществляться лишь как слепая тенденция к преодолению бесчисленных нарушений равенства и отклонений от него, характерно и для утопизма, желающего сохранить товарное производство на «справедливых» началах.

Уже в «Ницете философии» Маркс развенчивает лозунг «равенства обмена». Он не только вскрывает его несбыточность в том виде, как это равенство представляется утопистам «справедливого обмена», конституированной стоимости, рабочих денег и т. д. Он вместе с тем блестяще показывает, что сама эта «уравнительная» утопия есть не что иное, как извращенное, ошибочно истолкованное отражение действительного мира товарно-капиталистических отношений. Он пишет по адресу одного из предшественников Прудона, английского утописта Брэй: «Г-н Брэй не подозревает, что то уравнительное отношение, тот совершенствующий и идеал, который он желал бы ввести в мир, сам является лишь отражением существующего мира и что поэтому абсолютно невозможно перестроить общество на основе, которая есть не более, как его собственная разукрашенная тень»²⁾.

Эта разукрашенная тень является лишь извращенным, односторонним отражением действительных отношений товарного производства, при котором «уравнительное» отношение неизбежной своей стороной имеет бесчисленные нарушения равенства. Этот глубоко противоречивый характер «равенства обмена» заложен уже в самой природе товара.

Утописты в рабочих деньгах видят «равенство обмена», но не видят противоречий, заложенных в нем. Из факта приравнивания продуктов самых различных видов труда в процессе обмена они делают утопическое заключение насчет устранения «привилегий денег», насчет установления рабочих денег и воцарения тысячелетнего царства равенства и справедливости. Деньги — не только всеобщий левеллер. Они в то же время — орудие самой деспотической, самой небывалой власти человека над человеком. В деньгах «общественная сила становится... частной силой частного лица»³⁾. Деньги, это — общественное признание, общественная власть, которую индивид несет у себя в кармане. На место прежних открытых форм социальной зависимости, основанной на прямом лишении свободы, на прикреплении к земле и т. п., капитализм выдвигает безличную власть капитала, проявляющуюся в виде всеподчиняющего влияния денег. Таким образом, анализ денег ярко обнаруживает, что величайшее неравенство является необходимой оборотной стороной того равенства, которое заложено в условиях товарного производства и обмена.

И именно потому, что в деньгах деспотическая власть индивида над обществом, являющаяся оборотной стороной слепого господства общественной стихии над личностью, достигает особенно яркого проявления, критика капитализма с первых же шагов избирает деньги своим излюбленным объектом. Однако от сантиментальных и утопических lamentаций насчет того

¹⁾ Маркс «Капитал». Т. I, стр. 120.

²⁾ Маркс «Ницета философии», стр. 76, 77.

³⁾ Маркс «Капитал». Т. I, стр. 153.

«разврата», который деньги вносят в общественную жизнь, до действительного раскрытия сущности денег в товарно-капиталистическом обществе — огромная дистанция.

5. Противоречия, оставленные Рикардо

В лице Рикардо буржуазная политическая экономия достигает своего высшего развития. И тем не менее обоснованное Рикардо определение стоимости товара количеством затраченного на его производство труда было недостаточным.

Маркс высоко ценил Рикардо за его стремление проникнуть в сокровенные тайны буржуазного общества, за бесстрашие, с которым он формулировал противоречия капиталистического производства. Рикардо был самым выдающимся из классиков, которые стремились проникнуть во «внутреннюю физиологию буржуазного общества», в сущность капиталистических отношений. Но ахиллесовой пятой Рикардо было неумение перекинуть мост между сущностью и явлением, между законом и формами его осуществления. Метод Рикардо, как указывает Маркс, состоит в том, что «он исходит из определения величины стоимостей товаров рабочим временем и затем исследует, не противоречат ли остальные экономические отношения, категории этому определению стоимости, или насколько они это последнее модифицируют»¹⁾.

Маркс указывает, далее, что этот метод имеет, с одной стороны, историческое оправдание, являясь необходимой ступенью в развитии науки, а с другой стороны, он «отличается научной недостаточностью» и приводит к ошибочным выводам. Ибо этот метод «перепрыгивает через необходимые промежуточные звенья и стремится показать непосредственным образом совпадение (Kongruenz) экономических категорий между собой»²⁾.

Но все дело в том, что явления непосредственно не совпадают с сущностью. Действительное соотношение сущности и ее многообразных форм проявления требует ряда посредствующих звеньев. «Задача науки состоит именно в том, чтобы объяснить как проявляется закон стоимости; следовательно, если бы захотели сразу «объяснить» все кажущиеся противоречиями закону явления, то пришлось бы дать науку раньше науки. В том-то и состоит как раз ошибка Рикардо, что он в своей первой главе о стоимости предполагает данными и все возможные категории, которые еще должны быть выведены, чтобы доказать их адекватность закону стоимости»³⁾. Недостаток Рикардо заключался в том, что он не подвергал дальнейшему исследованию характер заключающегося в товарах труда. Он исследовал количественную сторону меновой стоимости, но даже не ставил вопроса о ее качественной стороне.

Рикардо «четко выработал определение стоимости товара рабочим временем»⁴⁾, но не исследовал формы стоимости. Он не понимал необходимости развития от товара к деньгам и придерживался совершенно ошибочной теории денег. Он не смог анализировать прибавочную стоимость как таковую в отличие от ее конкретных форм: прибыли, проценты, ренты. Все это имеет своим источником основную особенность его метода: стремление непосредственно подвести все многообразие явлений под открытый им закон определения величины стоимости рабочим временем. Его рационалистический метод упрекали в чрезмерной абстрактности. Маркс замечает, что его следовало бы упрекать скорее в недостатке абстракции. Ибо он не смог

¹⁾ Маркс «Теория прибавочной стоимости». Т. II. Ч. 1-я, стр. 11.

²⁾ Там же.

³⁾ Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. XXV, стр. 525.

⁴⁾ Маркс «К критике политической экономии», стр. 78.

объяснить тех усложненных, многообразных форм, в которых только и могут проявляться законы в капиталистической действительности.

Рикардо жил, в отличие от Аристотеля, в эпоху, когда представление о равенстве уже получило прочность народного предрассудка. Поэтому он раскрыл, в чем, в сущности, состоит отношение равенства, проявляющееся в товарном обмене. Это отношение определяется трудом, а мерилom последнего является рабочее время. Но Рикардо не смог исследовать ни абстрактного труда, ни формы стоимости. Он придерживался ошибочной теории денег. Отсюда ясно, что у него не могло быть и глубокого объяснения отношения равенства и свойственных этому отношению противоречий.

Маркс отмечает, что у Рикардо есть «отдельные места», где он «прямо подчеркивает, что труд лишь потому служит имманентным мерилom величины стоимости, что «труд есть то, в чем различные товары являются одинаковыми, их единство, их сущность». И Маркс указывает: «Чего Рикардо не исследует — это особая форма, в которой представлен труд как единство товаров»¹⁾.

Этот недостаток теории стоимости Рикардо окрылил его противников из лагеря вульгарной экономии. Эта последняя лишь доктринерски истодковывает поверхностные и извращенные представления агентов капиталистического производства, опутанных отношениями этого производства. Один из героев вульгарной экономии, Бэли, выступил против рикардовского учения об абсолютной стоимости. Стоимость — это лишь отношение, за которым ничего не скрывается. Стоимость существует лишь в обмене. Что делает соизмеримыми товары, сами по себе несоизмеримые? — спрашивает Бэли и отвечает: деньги. Бэли является поистине родоначальником меновой концепции в политической экономии. Гильфердинг, Рубин и т. д. во многом повторяют зады теоретических откровений этого открытого апологета капитализма.

Бэли пользуется тем, что Рикардо не раскрыл действительных взаимоотношений закона и явления, не анализировал формы стоимости, не показал посредствующих звеньев между величиной стоимости и ее формой. Впротывес Рикардо, ищущему закон явлений, но не могущему показать его связи с самими явлениями, Бэли провозглашает, что за фетишистической оболочкой товарных отношений нет никаких отличных от этой поверхности явлений законов. «Поверхностная форма, в которой меновая стоимость проявляется как количественное отношение, в каком обмениваются товары, есть по Бэли их стоимость. От поверхности идти далее вглубь не разрешается»²⁾. Никакой стоимости, отличной от менового отношения товаров и лежащей в основе этого отношения, по мнению Бэли и его открытых и замаскированных единомышленников, нет. При товарно-капиталистическом производстве общественное отношение людей выступает как отношение между вещами (товарами). «Эту видимость наш фетишист принимает как нечто действительное и действительно верит, что меновая стоимость вещей определяется их свойствами как вещей, вообще является их природным свойством». В этой связи Маркс саркастически добавляет: «До сих пор ни один естествоиспытатель не открыл, какие природные свойства делают нюхательный табак и картины в определенной пропорции эквивалентами друг для друга»³⁾.

«Богатство (потребительная стоимость) есть атрибут человека, стоимость — атрибут товара, — писал Бэли. — Человек или общество богаты: жемчуг или алмаз драгоценны... Жемчуг или алмаз

¹⁾ Маркс «Теории прибавочной стоимости». Т. III, стр. 107.

²⁾ Там же, стр. 108.

³⁾ Там же, стр. 100.

имеют стоимость как жемчуг или алмаз»¹⁾. Таким образом, Бэли, провозглашая стоимость, с одной стороны, лишь меновым отношением товаров, с другой стороны, изображал ее как абсолютное свойство вещи.

Рикардианцы не могли отбить нападения Бэли, так как «у самого Рикардо они не нашли ничего, что разъяснило бы внутреннюю связь между стоимостью и формой стоимости, или меновой стоимостью»²⁾.

Вульгарную стряпню Бэли наголову разбивает Маркс. Маркс указывает, что Бэли «забывает даже простое рассуждение, что, когда у фунтов полотна = x фунтам соломы, это равенство между неодинаковыми вещами, полотном и соломой, делает их одинаковыми величинами. Это их бытие как чего-то одинакового должно же отличаться от их бытия как соломы и полотна. Не как солома и полотно они равны друг другу, а как эквиваленты. Одна часть равенства должна поэтому выражать ту же стоимость, что и другая часть. Стоимость соломы и полотна не должна быть следовательно ни соломой, ни полотном, а чем-то для обоих общим и отличным от обоих, как полотна и соломы. Что это такое? На это он не отвечает»³⁾.

Определение товарной стоимости количеством затраченного рабочего времени, разработанное Рикардо, оставило неразрешимым ряд вопросов, во-круг которых разгорелась полемика. Маркс в «К критике политической экономии» в конце главы о стоимости дает сжатую формулировку этих вопросов. Второй вопрос заключается в следующем: если стоимость товара равна затраченному на его производство рабочему времени, то стоимость рабочего дня равна его продукту. Иными словами, заработная плата должна быть равна продукту труда. Известно, что в действительности происходит обратное. Стало быть, говорит Маркс, «это возражение разрешается в проблеме: каким образом производство на основе определения меновой стоимости исключительно рабочим временем приводит к такому результату, что меновая стоимость труда меньше, чем меновая стоимость его продукта? Эту проблему мы разрешаем в исследовании капитала»⁴⁾.

Или, как Маркс формулирует этот же вопрос в «Теориях прибавочной стоимости»: «Трудность: стоимость товара определяется рабочим временем, которого стоит его производство. Чем объясняется, что закон стоимостей не осуществляется в самом большом из всех обменов, служащем основой капиталистического производства, в обмене между капиталистом и наемным рабочим? Почему количество реализованного труда, которое рабочий получает в виде заработной платы, не равно количеству непосредственного труда, который он отдает в обмен на заработную плату»⁵⁾.

Ни Рикардо сам, ни тем более его последователи и ученики не были в состоянии разрешить этот вопрос. Более сложные отношения капиталистического производства они пытались объяснить непосредственно из общего закона, из закона стоимости. Они не могли найти посредствующих звеньев. Поэтому перед ними вставала «проблема, разрешение которой гораздо более невозможно, чем квадратура круга, которая может быть найдена алге-

¹⁾ Цитата приведена Марксом в «Капитале». Т. I, стр. 100.

²⁾ Там же, примечание 36-е.

³⁾ Маркс «Теории прибавочной стоимости». Т. III, стр. 108—109. Рубин, фактически воспроизводивший меновую концепцию Бэли под прикрытием якобы марксистской фразеологии, брал на себя смелость утверждать, будто именно под впечатлением аргументации Бэли против Рикардо Маркс разработал свое учение о форме стоимости. См. Рубин «К истории текста первой главы «Капитала» Маркса». «Архив Маркса и Энгельса». Т. IV, 1929. Поистине, сильнее кошки зверя нет. Достаточно ознакомиться с уничтожающими замечаниями Маркса по адресу Бэли, чтобы убедиться в полной вздорности этого утверждения, которое было нужно Рубину, чтобы подстричь Маркса под Бэли.

⁴⁾ Маркс «К критике политической экономии», стр. 80.

⁵⁾ Маркс «Теории прибавочной стоимости». Т. III, стр. 67—68.

браически»¹⁾). Они пытались разрешать противоречие между общим законом и более развитыми конкретными отношениями не путем отыскания посредствующих звеньев, а путем «прямого подчинения и непосредственного приспособления конкретного к абстрактному».

Рикардо распространяет определение стоимости рабочим временем на все товары, кроме труда. По его мнению, обмен одинаковых количеств труда имеет место лишь при обмене одного товара на другой. При обмене же товара на непосредственный труд происходит обмен неодинаковых количеств труда. Именно на неравенстве этого обмена базируется капиталистическое производство. «Рикардо не объясняет, как это исключение согласуется с понятием стоимости. Отсюда споры у его последователей. Но с верным инстинктом он делает исключение, которое в действительности не есть исключение, но является таковым в его понимании»²⁾).

Таким образом, не будучи в состоянии разрешить это противоречие реальной действительности, Рикардо во всяком случае не пытается скрыть или замазать самое противоречие. Наоборот, он признает существование этого противоречия и фактически сознается в своем бессилии объяснить его, трактуя это явление как исключение.

Не то получается у последователей Рикардо. Стремление затушевать глубокое противоречие живой действительности неизбежно приводит к тому, что их «системы» увязают в зыбучем песке самых плоских противоречий. Уже у ближайшего единомышленника Рикардо, у Джемса Милля, получается схоластика, которая у «бессовестного тупицы Мак-Кэллока» доведена «до неограниченного бесстыдства». Подобный метод разрешения противоречий ведет к тому, что это разрешение достигается лишь путем «словесной фикции», путем «фразы».

Маркс следующим образом характеризует сущность этого метода у Милля: «Где экономическое отношение, — следовательно также категории, которые его выражают, — содержит противоположности, представляет противоречие и именно единство противоречий, он подчеркивает момент единства противоположностей и отрицает противоположности. Единство противоположностей он превращает в непосредственное тождество этих противоположностей»³⁾).

И Маркс, далее, показывает, как Милль осуществляет свой метод на практике. Товар есть единство противоположностей: потребительной стоимости и стоимости. Противоположность потребительной стоимости и стоимости реализуется в виде раздвоения товара на товар и деньги. Уже в простом обращении поляризация противоположностей в товарах и деньгах находит свое развитие в том, что продажа и покупка являются различными моментами единого процесса, причем каждый из этих актов одновременно является своей противоположностью. Маркс ссылается при этом на свою критику Милля в «К критике политической экономии»⁴⁾). На том основании, что каждая продажа есть покупка и наоборот, Милль отрицает возможность разрыва между покупками и продажами, превращает товарное обращение в простой продуктообмен и декларирует «метафизическое равновесие продаж и покупок». В конце концов ему все же приходится ввести контрабандным путем в меновую торговлю категории, взятые из обращения.

При помощи этого же метода Милль пытается разрешить то противоречие, что закон стоимости не осуществляется в самом большом из всех обменов, служащем основой капиталистического производства, а именно в обмене между рабочим и капиталистом. Чтобы разделаться с этим затрудне-

¹⁾ Маркс «Теории прибавочной стоимости». Т. III, стр. 65.

²⁾ Там же, стр. 132.

³⁾ Там же, стр. 66.

⁴⁾ Маркс «К критике политической экономии», стр. 113.

нием, Милль превращает наемного рабочего в простого товаровладельца, а обмен между рабочим и капиталистом превращает в обмен между простыми товаровладельцами. «Он разрешает трудность вопроса тем, что сделку между капиталистом и наемным рабочим, которая включает противоположность реализованного и непосредственного труда, он в своей фантазии превращает в обычную сделку между собственниками реализованного труда, между товаровладельцами»¹).

Этим путем Милль закрывает себе возможность понять специфическую природу отношений между рабочим и капиталистом. Он не только не разрешает затруднения, а, наоборот, увеличивает его. Противоречие с законом стоимости выступает еще резче. Рабочий, по утверждению Милля, продает не специфический, отличный от других товар. Он продает, будто бы, труд, реализованный в продукте, т. е. товар, ничем не отличающийся от любого другого товара. Но откуда тогда берется прибыль капиталиста?!

Таким образом, стремясь «превратить отношение рабочего и капиталиста в обычное отношение продавцов и покупателей товара», Милль все больше запутывается в противоречиях, которые он пытается разрешить при помощи «словесных фикций». Милль хватается за «видимость» сделок, чтобы объяснить ее природу. Так, он приходит к своей теории насчет того, что продукт труда делится на доли между капиталистом и рабочим.

Это построение Милля, в сущности, предвосхищало пресловутую «социальную теорию распределения», извлеченную на свет божий почти сто лет спустя Туган-Барановским в качестве последнего откровения науки и выдвинутую уже после войны Гильфердингом в качестве официальной теории социал-фашизма. Это построение, однако, нисколько не спасает положения, ибо вопрос тотчас же встает снова в другой форме: в какой пропорции делится продукт между рабочим и капиталистом, и какими законами определяется эта пропорция?

Маркс разоблачает эту увертку. Ведь то, что капиталист уплачивает рабочему в качестве заработной платы, «есть часть продукта, произведенного рабочим и уже превращенного в деньги. Часть продукта рабочего, которую капиталист присвоил себе, которая ранее отнята, поступает к рабочему в виде заработной платы».

6. Капитал

«Посредствующие звенья» между товаром и капиталом, между стоимостью и прибавочной стоимостью смог раскрыть лишь Маркс. Он вскрыл сущность и формы капиталистической эксплуатации. Он показал переход от простого товарного производства к капитализму. Переход от товара и денег к капиталу отображает гигантский исторический процесс превращения простого товарного производства в капиталистическое товарное производство.

Утописты, твердящие о «равенстве обмена», негодуют по поводу денег, капитала, процента, по поводу тех категорий, которые это равенство «нарушают». И они выдвигают проекты «отмены» привилегированного положения денег среди других товаров, устранения «несправедливостей», связанных с капиталом, путем организации «взаимного и бесплатного кредита» и т. д. Основной чертой этих утопических представлений о «равенстве обмена» является их недиалектический характер. Утописты видят тождество, но не видят различий. Они видят единство, но не видят противоположностей. Они берут абстракцию, устраняя конкретность. Поэтому они толкуют о «равенстве обмена», не видя, что в этом равенстве необходимо заложено нера-

¹) Маркс «Теории прибавочной стоимости». Т. III, стр. 68.

венство, что в товаре уже заложен зародыш тех противоречий, которые в процессе исторического развития раскрываются в деньгах, в капитале и т. д. Маркс же, вскрывая противоречия товарно-капиталистического производства, показывает истинный характер той «свободы» и того «равенства», которыми характеризуются общественные отношения товаропроизводителей. Он блестяще показывает, что эта «свобода» дополняется, с другой стороны, величайшей «несвободой», а «равенство» — «неравенством». Он исследует товар как элементарную экономическую клеточку товаропроизводящего общества и показывает все дальнейшее движение и развитие заложенных в товаре противоречий. Он показывает, как из среды «равноправных» товаров необходимым образом выделяется «бог товарного мира» — всеобщий эквивалент, деньги. Он показывает, далее, превращение денег в капитал и превращение законов собственности простого товарного производства в законы капиталистического присвоения.

По видимости сделка между капиталистом и наемным рабочим представляется сделкой равноправных товаропроизводителей. Эта видимость (или кажимость, как Ленин передает этот термин Гегеля в своих «Философских тетрадах») не есть лишь выдумка досужего ума, которую можно просто сбросить со счетов, как полагают механисты. Кажимость также существенна, она составляет один из моментов противоречия, один из моментов бытия. «Кажущееся есть сущность в одном ее определении, в одной из ее сторон, в одном из ее моментов»¹⁾. Именно этой стороной дела, этой формой капиталистическая эксплуатация отличается от предшествующих форм классовой эксплуатации. Но за этой внешней формой сделки скрывается существенно отличное содержание. Излюбленный прием апологетики — выдавать эту видимость явлений за их сущность. Этим самым достигается полное извращение действительности. Кажимость, не опосредствованная сущностью, выдаваемая за сущность, создает иллюзорное представление о действительности. Сделка обмена — только вводный акт к процессу капиталистического производства. Действительный же характер отношений между капиталистом и рабочим раскрывается лишь при переходе от этого вводного акта к самому производственному процессу.

Рабочий и капиталист вначале выступали в качестве товаровладельцев, обменивающихся принадлежащими им товарами. Теперь, в процессе капиталистического производства, они приобретают новые характеристики. Обмен между ними становится формальным. Он служит лишь прикрытием, иллюзорной оболочкой для отношений жесточайшей эксплуатации, неравенства, угнетения, принудительного рабства наемного труда. Замазывание, затушевывание этого действительного характера отношений между рабочим и капиталистом проходит красной нитью через всю апологетику капитализма, начиная с ее робких, «детских» шагов и кончая геркулесовыми столбами лжи и мошенничества. Известно, что изображение отношений между рабочим и капиталистом как отношений равноправных товаровладельцев было одним из излюбленных коньков Рубина.

Маркс показывает, как капиталистическое присвоение возникает не путем нарушения или фальсификации законов товарного производства и обмена, а, напротив, на базисе самого товарного производства, в ходе его дальнейшего развития и всеобщего распространения. Марксово учение о капитале и прибавочной стоимости, основанное на его учении о товаре и стоимости, показывает, как «равенство обмена» в силу имманентных законов товарного производства становится чисто формальным, как оно превращается в основу величайшего классового неравенства, когда-либо существовавшего в истории человеческого общества. Этим самым раскры-

¹⁾ Ленин «Философские тетради», стр. 131.

ается до конца действительная природа «равенства», характеризующего отношения товарного производства. Этим раскрывается действительная сущность формального равенства, написанного на знамени буржуазии.

Маркс вскрыл двойственный характер труда, производящего товар. Но подобно тому, как товаропроизводящий труд есть единство конкретного и абстрактного труда, процесс капиталистического производства есть единство процесса труда и процесса увеличения стоимости. Классики знали определение стоимости рабочим временем, но не знали двойственного характера труда. Классики определяли сделку между рабочим и капиталистом как обмен непосредственного труда на труд овеществленный, живого труда на мертвый труд. Но они не были в состоянии разгадать загадку тех отношений, при которых мертвый труд подобно вампиру высасывает все соки из живого труда. И они тем более не были в состоянии объяснить, каким образом отношения капиталистической эксплуатации возникают не вопреки закону обмена эквивалентов, не путем нарушения эквивалентности обмена, а, напротив, на основе этого «равенства обмена».

При простом товарном производстве обмен выступает как обмен эквивалентов, равноценностей. Товаропроизводитель отчуждает продукт собственного труда, чтобы получить в обмен равноценный продукт чужого труда. Целью обмена служит удовлетворение разносторонних потребностей. Продукт труда является собственностью производителя. Продукт чужого труда производитель присваивает путем отчуждения продукта своего труда. Дальнейшее развитие товарного производства, переход от общества простых товаропроизводителей к капиталистическому товарному производству вконец изменяет дело: целью обмена между капиталистом и рабочим является для капиталиста приращение стоимости его капитала. Присвоение продукта чужого труда уже не опосредствуется отчуждением продукта собственного труда. И тем не менее обмен совершается на основании закона обмена равноценностей. Загадка разъясняется, когда анализируются конкретные исторические условия возникновения капиталистического способа производства, специфические особенности того товара, который является объектом сделки.

Маркс показал, как развитие товарного производства ведет к превращению в товар самой рабочей силы человека. В своем исследовании первоначального накопления Маркс обрисовал забываемыми красками процесс создания исторических условий, при которых рабочая сила непосредственного производителя попадает на рынок в качестве товара. Рабочая сила — товар особого рода. Его основное специфическое отличие от всех остальных товаров заключается в том, что она — источник той субстанции, которая создает стоимость. Если стоимость рабочей силы определяется подобно стоимости других товаров тем количеством рабочего времени, которое потребно для ее производства и воспроизводства, то своеобразная потребительная стоимость этого товара осуществляется в процессе самого труда. Стоимость рабочей силы и стоимость, которую она производит, — не одно и то же. Этим «расщеплением единого и познанием противоречивых частей его» Маркс открыл путь для познания тайны прибавочной стоимости.

«Соответственно закону стоимости, действующему при обмене товаров, обмениваются эквиваленты, равные количества овеществленного труда, хотя одно количество овеществлено в предмете, а другое в живом человеке. Но этот обмен только служит введением в процесс производства, посредством которого на деле получают в обмен больше труда в живой форме, чем было затрачено в овеществленной форме. Поэтому большая заслуга классической политической экономии в том, что она представила весь процесс производства как такой процесс между овеществлен-

ным трудом и живым трудом и таким образом представила капитал, в противоположность живому труду, лишь как ове­ществленный труд, т. е. как стоимость, увеличивающуюся посредством живого труда. Ее недостаток заключается здесь лишь в том, что экономисты, во-первых, были неспособны показать, как этот обмен большего количества живого труда на меньшее количество ове­ществленного труда соответствует закону обмена товаров, определению стоимости товаров рабочим временем, и, во-вторых, в том, что они поэтому обмен определенного количества ове­ществленного труда на способность к труду в процессе производства всасыванием живого труда имеющимся в наличии в образе средств производства ове­ществленным трудом»⁴).

Лишь Маркс смог раскрыть различную роль постоянного и переменного капитала в процессе капиталистического производства. Обмен переменного капитала на рабочую силу — эта сделка, происходящая на товарном рынке по всем законам эквивалентности обмена, является введением, вводным актом в процесс капиталистического производства. Присвоение же чужого, неоплаченного труда, составляющее живую душу капиталистического производства, происходит уже в самом процессе производства, который является единством процесса труда и процесса увеличения стоимости.

Таким образом, превращение денег в капитал распадается на два процесса. Первый происходит в сфере обращения. Это покупка-продажа рабочей силы. Второй происходит в сфере производства. Это — потребление купленной капиталистом рабочей силы в процессе производства. Оба процесса взаимно обусловлены. Первый является введением ко второму, а второй непосредственно связан с первым.

Уже в своем письме к Энгельсу, посвященном краткому резюме содержания «К критике», Маркс блестяще характеризует истинный характер того «равенства», которое господствует в сфере обращения, где рабочий впервые встречается с капиталистом. Как известно, в «К критике» Маркс разбирает категории товара и денег. Однако ко времени написания этого первого выпуска своего основного труда Маркс имел уже в весьма разработанном виде все свое экономическое учение в целом. В письме к Энгельсу, о котором здесь идет речь, дается характеристика перехода от товара и денег к капиталу, выходящая за рамки содержания «К критике». Вот это место:

«Рассматриваемое само по себе, это простое обращение, — а оно есть поверхность буржуазного общества, в которой стертые более глубокие процессы, из которых оно (простое обращение) пристокает, — не обнаруживает никакого различия между субъектами обмена, кроме формального и мимолетного. Это — царство свободы, равенства и основанной на «труде» собственности. Накопление, как оно здесь выступает в форме собирания сокровищ, только при этих условиях есть результат большей бережливости и т. д. Пошлая манера, с одной стороны, проповедников экономической гармонии, современных фритредеров (Бастиа, Кэри и т. д.) применять к более развитым производственным отношениям и их антагонизмам это наиболее поверхностное и абстрактное положение как их истину. Пошлая манера прудонистов и тому подобных социалистов противопоставлять соответствующие этому обмену эквивалентов (или предполагаемого таковым) идеи равенства и т. д. неравенству и пр., к которому этот обмен приводит и из которого он исходит. Зако-

⁴ «Архив Маркса и Энгельса». Т. II (VII), стр. 69—71; употребляемый здесь термин «способность к труду» Маркс в I томе «Капитала» заменил термином «рабочая сила».

ном присвоения в этой сфере является присвоение посредством труда и обмен эквивалентов, так что обмен дает лишь ту же самую стоимость, но в иной материализации. Словом, здесь все «прекрасно», но все приходит к ужасному концу и как раз вследствие закона эквивалентности. Мы подходим теперь именно к 3. Капиталу»¹).

В этом отрывке замечательно сжато и выразительно схвачена самая суть проблемы. На поверхности буржуазного общества, в сфере обращения встречаются как будто лишь равноправные товаропроизводители, и различия между ними на первый взгляд кажутся мимолетными и случайными. Такова обманчивая видимость — обманчивая, если не вскрыты «более глубокие процессы», т. е. процесс производства и свойственные ему отношения производства. Именно эти «более глубокие процессы» лежат в основе обращения, определяют это последнее. Действительное соотношение «более глубоких процессов» и их формы проявления в равной мере недоступны пониманию как открытых апологетов капитализма, так и мелкобуржуазных «уравнительных» социалистов. Апологеты норовят выдать эти поверхностные отношения, оторванные от скрытого за ними содержания, за «истину», за сущность более развитых отношений и тем самым затушевать «антагонизмы», присущие последним. «Уравнительные» социалисты из лагеря фокусников обращения плоско, некритически изображают «обмен эквивалентов» земным воплощением небесной идеи равенства, не видя тех противоречий, которые таятся уже в этой поверхностной сфере обращения. Затем, они столь же плоско противопоставляют «идею равенства» фактическое неравенство и вопят по этому поводу, бессильные понять, что само это неравенство есть вполне закономерное и естественное следствие исторического развития товарного производства и его законов.

В «Капитале» Маркс незабываемыми красками живописует тот образ, в котором вводный акт покупки-продажи рабочей силы представляется обыкновенному сознанию агентов капиталистического производства и их псевдонаучных истолкователей. Вот эти строки, полные блестящего сарказма: «Сфера обращения, или товарного обмена, в рамках которой движется покупка и продажа рабочей силы, была в действительности истинным эдемом прирожденных прав человека. В ней господствуют только свобода, равенство, собственность и Бентам. Свобода. Ибо покупатель и продавец товара, например, рабочей силы, подчиняются лишь велениям своей свободной воли. Они вступают в договор как свободные, юридически равноправные лица. Договор есть тот конечный результат, в котором их воли дают себе общее юридическое выражение. Равенство. Ибо они относятся друг к другу лишь как товаровладельцы и обменивают эквивалент на эквивалент. Собственность. Ибо каждый из них располагает лишь тем, что ему принадлежит. Бентам. Ибо каждый из них заботится лишь о себе самом. Единственная сила, которая их сводит друг с другом и ставит во взаимные отношения, есть их эгоизм, личная выгода, частный интерес. Но именно потому, что каждый таким образом заботится только о себе и никто не заботится о другом, все они в силупустановленной гармонии вещей или под покровительством всехитрейшего провидения осуществляют лишь дело их взаимной выгоды, общей пользы, общего интереса»²).

Но если вульгарная экономия удовлетворяется подобными представлениями о сущности отношений между рабочим и капиталистом, то непредубежденный наблюдатель на первый же взгляд замечает здесь многообещаю-

¹ Маркс «К критике политической экономии», стр. 214.

² Маркс «Капитал». Т. I, стр. 203.

щие симптомы тех процессов, которые совершаются по ту сторону сферы обращения, в области процесса производства: «При прощании с этой сферой простого обращения или товарного обмена, из которой рядовой фритредер... черпает взгляды, понятия, масштаб своих суждений об обществе капитала и наемного труда,—как будто кое в чем уже изменяются физиономии наших... действующих лиц. Бывший владелец денег шествует впереди как капиталист, владелец рабочей силы следует за ним как его рабочий; один многозначительно ухмыляясь и горя желанием приступить к делу; другой боязливо, упираясь, как человек, который отнес на рынок свою собственную шкуру и теперь не видит в будущем никакой перспективы, кроме одной: что эту шкуру будут дубить»¹⁾.

Дальнейшее исследование Маркса показывает во всех подробностях, как реализуется эта перспектива: дубление шкуры рабочего капиталистом. Вскрываются все тайники капиталистической эксплуатации. Показывается, как капиталист эксплуатирует рабочего. Разбираются все особенности наемного рабства.

Продав свою рабочую силу, рабочий превращается в наемного раба капиталиста. «Рабочий работает под контролем капиталиста, которому принадлежит его труд»²⁾. Его рабочая сила становится лишь одной из форм существования капитала³⁾. Потребление купленной капиталистом рабочей силы происходит в процессе производства, который является вместе с тем процессом возрастания капитала. Производство прибавочной стоимости—такова цель всего процесса. Рабочий превращается в «персонализированное рабочее время»⁴⁾, подобно тому как капиталист выступает как персонализированный капитал. В своей ненасытной жажде прибавочного труда капитал не знает границ. Он готов все 24 часа превратить в рабочий день. Он обнаруживает чудеса предприимчивости и изворотливости в деле повышения степени эксплуатации своих наемных рабочих. «При своей волчьей жадности к прибавочному труду капитал опрокидывает не только моральные, но и чисто физические максимальные пределы рабочего дня»⁵⁾. Он грабит время рабочего. Он захватывает те минуты, которые необходимы для здорового сохранения тела, для пользования свежим воздухом и солнечным светом. Он лишает рабочего сна. Он хищнически растрчивает жизненные соки рабочего населения, подобно тому как корыстный земледелец хищнически истощает землю. Он вкоре подрывает жизненную силу народа. Он беспощаден к жизни и здоровью рабочего.

Маркс подробно характеризует борьбу вокруг продолжительности рабочего дня. В этой борьбе сталкиваются два равных права, и потому решение принадлежит силе. Подводя итоги этой борьбе, Маркс исключительно ярко показывает коренное отличие, существующее между действительным положением рабочего в процессе производства и обманчивой видимостью, свойственной области обращения.

«Приходится признать, что наш рабочий выходит из процесса производства иным, чем вступил в него. На рынке он противостоял владельцам других товаров как владелец товара «рабочая сила», т. е. как товаровладелец товаровладельцу. Договор, по которому он продавал капиталисту свою рабочую силу, так сказать, черным по белому демонстрировал, что он свободно распоряжается самим собою. По заключении сделки оказывается, что он вовсе не был «свободным агентом», что время, на которое он свободно продает свою рабочую силу, есть время, на которое он при-

¹⁾ Маркс «Капитал». Т. I, стр. 203.

²⁾ Там же, стр. 215.

³⁾ Там же, стр. 241.

⁴⁾ Там же, стр. 277.

⁵⁾ Там же, стр. 301.

нужден ее продавать, что в действительности пивка не выпускает его до тех пор, пока еще «остается для высасывания хотя бы единый мускул, единая жилка, единая капля крови». Для «защиты» от своего змея-мучителя рабочие должны объединиться и, как класс, добиться государственного закона, мощного общественного препятствия, которое мешало бы им самим по добровольному контракту с капиталом продавать на смерть и рабство себя и свое потомство.

На место пышного каталога «неотчуждаемых прав человека» выступает скромная Magna Charta (великая хартия) ограниченного законом рабочего дня, которая, «наконец, выясняет, когда оканчивается время, которое рабочий продает, и когда начинается время, которое принадлежит ему самому. Quantum mutatus ab illo! (Как непохоже на преждее!)»¹⁾.

В процессе производства рабочий попадает под команду капитала. Штрафная книга фабриканта оказывается вполне достойной преемницей кнута надсмотрщика над рабами. Вся жизнь рабочего, каждый его шаг, принадлежит капиталу. Капитал, рожденный на базе мелкого производства, создает для себя адекватную основу в виде крупной машинной промышленности. На место формального подчинения труда капиталу выступает реальное. Вместе с тем происходит закрепощение формально «свободного» рабочего капиталу.

Капитал превращает процесс труда, этот естественный процесс между человеком и природой, в подневольную обузу, в проклятие, в подъяремное, постылое бремя для производителя. Труд лишается всех привлекательных черт. Производительная сила труда повышается путем разрушения и истощения рабочей силы как в промышленности, так и в земледелии.

Капитал объединяет многочисленных рабочих в процессе производства. Он развивает кооперацию наемных рабочих. Однако эта кооперация многих рабочих есть лишь результат деятельности капитала. «Связь их функций и их единство как производительного коллективного тела лежат в не их самих, в капитале, который их сводит воедино и удерживает вместе. Поэтому связь их работ противостоит им идеально как план, практически как авторитет капиталиста, как власть чужой воли, подчиняющей их деятельность своим целям»²⁾.

Уже в простой кооперации начинается процесс отделения духовных сил материального процесса производства от непосредственных производителей. При мануфактурном разделении труда эти силы противостоят рабочим «как чуждая собственность и господствующая над ними сила». Это разделение труда увечит рабочего, превращает его в «частичного рабочего». Крупная промышленность «отделяет от рабочего науку как самостоятельную силу производства и заставляет ее служить капиталу»³⁾.

Производительные силы труда выступают как производительные силы капитала. Капитал присваивает себе гигантские потенциальные силы, тающиеся в науке и технике. Подчинение сил природы человеку сопровождается подчинением человека слепым силам эксплуататорского строя.

Переход от простой кооперации и основанной на разделении труда мануфактуры к машинному производству, к фабрике, вносит существенные новые черты в отношения между капиталистом и рабочим. Лишь в виде машинного производства капитал создает себе адекватную базу. Лишь на основе машинного производства капитал реально подчиняет себе труд. Переход к машине революционизирует традиционные отношения. Выветривается патриархальщина в отношениях между капиталистом и наем-

¹⁾ Маркс «Капитал. Т. I, стр. 341—342.

²⁾ Там же, стр. 377.

³⁾ Там же, стр. 410.

ным рабочим, унаследованная от предыдущей ступени — цехового производства. Поляризация классов делает гигантский шаг вперед.

Машины революционируют до основания «формальное опосредствование капиталистического отношения, договор между рабочим и капиталистом»¹⁾). Машины открывают для капитала неистощимые золотые россыпи в виде женского и детского труда. Кровь и слезы детей рабочего класса перечекаются в звонкую монету. «На базисе товарного обмена предполагалось прежде всего, что капиталист и рабочий противостоят друг другу как свободные личности, как независимые товаровладельцы: один как владелец денег и средств производства, другой как владелец рабочей силы. Но теперь капитал покупает несовершеннолетних или полусовершеннолетних. Раньше рабочий продавал свою собственную рабочую силу, которой он располагал как формально свободная личность. Теперь он продает жену и детей. Он становится работоторговцем»²⁾). Таким образом машины производят «революцию в правовом отношении между покупателем и продавцом рабочей силы»³⁾). Эта сделка лишается даже «видимости договора между свободными лицами»⁴⁾).

Развитие машинного производства неизмеримо расширяет власть капитала над рабочим. Машина становится конкурентом рабочего. Она лишает его работы и хлеба. Она обрекает на голод его семью. Она является «средством производства прибавочной стоимости»⁵⁾).

Рабочий становится придатком машины, принадлежащей капиталисту. Не рабочий применяет средства труда, а, наоборот, средства труда применяют рабочего. Капиталистическое разделение труда уродует рабочего. Противоречие между техническими потребностями крупной промышленности и ее общественной формой при капитализме «приводит к непрерывным гекатомбам рабочего класса, безмерному расточению рабочих сил и опустошениям, связанным с общественной анархией»⁶⁾). Дамоклов меч безработицы нависает над рабочим классом постоянной угрозой: капиталистическое применение машин постоянно «угрожает вместе с средствами труда вышибить у него из рук и средства существования»⁷⁾). Оно превращает всякий общественный прогресс в общественное бедствие... «Не прав ли Фурье, называя фабрики «смягченной каторгой»?»⁸⁾). Этим вопросом Маркс заключает характеристику капиталистической фабрики.

Когда после раскрытия противоречий капиталистического производства Маркс переходит к характеристике процесса производства, взятого «в постоянной связи и в непрерывном потоке своего возобновления»⁹⁾), т. е. к характеристике процесса воспроизводства, сама сделка обмена между капиталистом и рабочим принимает существенно отличный вид по сравнению с тем, как она представлялась на первый взгляд.

«Если производство имеет капиталистическую форму, то и воспроизводство имеет такую же форму»¹⁰⁾). Капиталистическое производство, взятое в своей непрерывности, как повторяющийся акт, ярко показывает действительную сущность отношений между капиталистом и рабочим как в области обмена, так и в области производства. Анализ воспроизводства показывает единство производства и обмена.

¹⁾ Маркс «Капитал». Т. I, стр. 445.

²⁾ Там же, стр. 445.

³⁾ Там же, стр. 447.

⁴⁾ Там же.

⁵⁾ Там же, стр. 418.

⁶⁾ Там же, стр. 544.

⁷⁾ Там же.

⁸⁾ Там же, стр. 479.

⁹⁾ Там же, стр. 639.

¹⁰⁾ Там же, стр. 639.

Уже простое повторение сделки купли-продажи рабочей силы бросает свет на отношения, являющиеся условием и предпосылкой этой сделки. «Хотя капиталист и рабочий противостоят на рынке только как покупатель, деньги, и продавец, товар, но это отношение благодаря специфическому содержанию их торговой сделки с самого начала своеобразно окрашено, тем более, что при капиталистическом способе производства предполагается, что это выступление обеих сторон на рынке с тем же самым противоположным назначением постоянно повторяется или является постоянным... Противостоят друг другу в сфере обращения, на рынке в качестве покупателя и продавца. Их отношение как капиталиста и рабочего есть предпосылка их отношения как покупателя и продавца»¹⁾.

В процессе производства деятельность рабочей силы, труд, овеществляется. Но рабочая сила принадлежит не рабочему, а капиталисту. Поэтому ему принадлежит и продукт труда.

Вводным актом в процесс капиталистического производства служит покупка рабочей силы капиталистом на определенный срок. Этот вводный акт постоянно возобновляется. Но рабочая сила оплачивается по истечении того срока, на который она была отчуждена. Стало быть, капиталист оплачивает ее уже после того, как она функционировала и произвела новую стоимость. «Часть продукта, непрерывно воспроизводимого самим рабочим, — вот что непрерывно притекает к нему обратно в виде заработной платы». Конечно, оплата рабочей силы производится в денежной форме. Однако это не изменяет существа дела. Ибо «иллюзия, создаваемая денежной формой, тотчас же исчезает, если рассматривать не отдельного капиталиста и отдельного рабочего, а класс капиталистов и класс рабочих. Класс капиталистов постоянно выдает рабочему классу в денежной форме чеки на часть произведенного рабочего и присвоенного капиталистами продукта. Эти чеки рабочий столь же регулярно отдает назад классу капиталистов, получая от последнего взамен причитающуюся ему самому часть его собственного продукта. Товарная форма продукта и денежная форма товара маскируют сделку»²⁾.

Стало быть, капиталист, который на рынке противостоит рабочему, как владелец денег — владельцу товара, на самом деле покупает рабочую силу, уплачивая его владельцу часть той стоимости, которая создается в процессе потребления купленной рабочей силы. Но если в процессе воспроизводства рабочая сила оплачивается созданной ею же стоимостью, то весь вообще капитал выступает как капитализированная прибавочная стоимость. Независимо от источника появления первоначального капитала в процессе непрерывного повторения производственных кругов старый капитал исчезает, капиталист давно истратил его первоначальную стоимость в процессе своего потребления. Если он тем не менее продолжает попрежнему владеть капиталом, то ясно, что этот капитал представляет собой результат прибавочного труда рабочих — капитализированную прибавочную стоимость.

Отделение рабочего от средств производства является исходным пунктом капиталистического способа производства, постоянно вновь воспроизводится и увековечивается в процессе капиталистического воспроизводства. «Рабочий постоянно выходит из этого процесса в том же виде, в каком он вступил в него: как личный источник богатства, но лишенный всяких средств, для того чтобы осуществить это богатство для самого себя»³⁾. Ра-

¹⁾ «Архив Маркса и Энгельса». Т. II (VII), стр. 79—81.

²⁾ Маркс «Капитал». Т. I, стр. 641.

³⁾ Там же, стр. 644—645.

бочий воспроизводится как наемный рабочий. Это необходимый результат и вместе с тем необходимое условие капиталистического воспроизводства. Само индивидуальное потребление рабочего класса превращается в один из моментов процесса воспроизводства капитала. «Это — производство и воспроизводство необходимейшего для капиталиста средства производства самого рабочего»¹⁾.

В самом деле, ведь если перед вами с одной стороны — миллиардер-собственник, а с другой стороны — рабочий, вся собственность которого исчерпывается его рабочей силой, то здесь разница чисто количественная, как уверяют софисты буржуазной апологетики: один владеет собственностью «в большем масштабе», другой — «в меньшем масштабе». Все к лучшему в этом лучшем из миров. Замена Маркса вульгарной экономией уже давно стала знаменем II интернационала.

Рабочий стал в такой же степени принадлежностью капитала, как и мертвый инструмент. «Римский раб был прикован цепями, наемный рабочий привязан невидимыми нитями к своему собственнику. Иллюзия его независимости поддерживается постоянной переменной индивидуальных хозяев-наимателей и... юридической фикцией договора»²⁾.

Уже процесс простого воспроизводства капитала означает не только воспроизводство товаров, но и воспроизводство самого капиталистического отношения. Еще в своих работах сороковых годов Маркс показал, что люди в процессе производства своей материальной жизни производят не только определенные продукты труда, но и те общественные отношения, при которых производятся эти продукты труда³⁾. В «Капитале» Маркс с железной логикой вскрывает особенности процесса капиталистического воспроизводства, который воспроизводит и увековечивает условия эксплуатации рабочего, постоянно воспроизводя отделение рабочей силы от условий труда. «Он постоянно принуждает рабочего продавать свою рабочую силу, чтобы жить, и постоянно дает капиталисту возможность покупать ее, чтобы обогащаться. Теперь уже не простой случай противопоставляет на товарном рынке капиталиста и рабочего как покупателя и продавца. Двойная мельница самого процесса постоянно отбрасывает последнего как продавца своей рабочей силы обратно на товарный рынок и постоянно превращает его собственный продукт в покупательное средство в руках первого. На деле рабочий принадлежит капиталу еще раньше, чем он продал себя капиталисту. Его экономическая неволя (Hörigkeit) одновременно и опосредствуется и маскируется периодическим возобновлением его самопродажи, переменою его индивидуальных хозяев — наимателей и колебаниями рыночных цен его труда»⁴⁾.

Таким образом, анализ капиталистического воспроизводства окончательно разоблачает легенду насчет «равноправных» товаровладельцев, как-то, будто бы, являются капиталист и рабочий. Иллюзия «свободной» и

¹⁾ Маркс «Капитал». Т. I, стр. 647. Иных взглядов на сей счет придерживается Карл Реннер. Живописуя умилительную картину «мирного вставания капитализма в социализм», достойный теоретик австромарксизма не останавливается перед небольшими передержками. «Рабочий как глава своего потребительского домашнего хозяйства является собственником, руководителем предприятия; он владетелец денег и производит закупки: в меньшем масштабе по сравнению с владельцем производственного предприятия, но, тем не менее, в этой роли на равных правах и в одинаковой функции с ним». Из этой идиллии делается тот «оригинальный» вывод, что потребительская кооперация при капитализме совершенно безболезненно и бескровно «социализирует капитал». Ср. Dr Karl Renner, Staatskanzler a. D., Wege der Verwirklichung, 1928.

²⁾ Там же, стр. 648.

³⁾ См., например, «Нищету философии», письмо к Анисенкову, «Наемный труд и капитал».

⁴⁾ Маркс «Капитал». Т. I, стр. 653.

«равноправной» сделки между ними окончательно рушится. Экономическая несвобода, экономическое рабство наемного рабочего скрывается и затушевывается как раз тем актом купли-продажи рабочей силы, который на деле опосредствует отношение наемного рабства. Таким образом, вводный акт капиталистического производства, этот «истинный эдем прирожденных прав человека», предстает в своем истинном свете.

Дальнейший анализ Маркса, посвященный расширенному воспроизводству, имеет кардинальное значение для вскрытия действительной судьбы «равенства обмена» при капитализме. От простого воспроизводства воспроизводство капитала в расширяющемся масштабе отличается рядом новых черт. Оно представляет собой накопление капитала, т. е. превращение известной части прибавочной стоимости в капитал. Новый капитал представляет собой с самого начала не что иное, как капитализированную прибавочную стоимость. Его источником с самого начала является дань, вырываемая классом капиталистов у рабочего класса. В нем нет и никогда не было ни одного атома стоимости, который бы возник не из неоплаченного труда рабочего класса. «Собственность на прошлый неоплаченный труд выступает теперь единственным условием присвоения в растущем масштабе живого неоплаченного труда в настоящем. Чем больше накопил капиталист раньше, тем больше он может накапливать теперь»¹⁾.

Если раньше в качестве обманчивой видимости фигурировал «обмен эквивалентов», обмен плодов труда участников сделки, то теперь эта видимость исчезает. Капиталистическое присвоение предстает во всей своей наготы.

Маркс раскрывает содержание закона капиталистического присвоения и взаимоотношение этого закона с законом товарного производства и обмена. При этом обнаруживается, что закон капиталистического присвоения не только не означает нарушения законов товарного производства, но является, напротив, их продуктом и дальнейшим развитием. Этот анализ Маркса чрезвычайно важен для полного раскрытия содержания того «обмена эквивалентов», которым маскируется отношение капиталистической эксплуатации.

Прибавочная стоимость, выказанная первоначальным капиталом, является результатом покупки рабочей силы, совершенной в соответствии с законами товарного обращения. Более того, каждая единичная сделка покупки рабочей силы капиталистом, предшествующая капиталистическому производству, совершается по законам товарного обмена в том смысле, что капиталист всегда покупает рабочую силу, а рабочий ее всегда продает. Но это свидетельствует лишь о том, что «закон присвоения или закон частной собственности, покоящийся на товарном производстве и товарном обращении, открыто переходит благодаря своей собственной, внутренней, неустрашимой диалектики в свою прямую противоположность»²⁾.

И вслед за тем Маркс исключительно ярко характеризует эту диалектику развития: «Обмен эквивалентов, который выступал как первоначальная операция, обернулся таким образом, что обмен происходит лишь по видимости, благодаря тому, что, во-первых, часть капитала, обмененная на рабочую силу, сама есть лишь часть продукта чужого труда, присвоенного без эквивалента, и, во-вторых, — она должна быть не только возмещена создавшим ее рабочим, но возмещена с новым добавлением. Отношение обмена между капиталистом и рабочим становится, таким образом,

¹⁾ Маркс «Капитал». Т. I, стр. 659.

²⁾ Там же, стр. 660.

только видимостью, принадлежащей к процессу обращения, только формой, которая чужда самому содержанию и лишь придает ему обманчивую внешность (*mystificiert*). Постоянная покупка, и продажа рабочей силы есть форма. Содержание же заключается в том, что капиталист часть уже овеществленного чужого труда, беспрестанно присваиваемого им без эквивалента, снова и снова обменивает на большее количество живого чужого труда»¹⁾.

Первоначально собственность была основана на своем труде. На рынке противостояли друг другу лишь равноправные товаровладельцы. Теперь собственность означает для капиталиста право на неоплаченный чужой труд. Для рабочего же она означает невозможность присвоения своего собственного продукта. «Отделение собственности от труда становится необходимым последствием того закона, исходным пунктом которого было, повидимому, не тождество»²⁾.

Если на первый взгляд кажется, что капиталистическое присвоение «попирает ногами» законы товарного производства, то на самом деле оно возникает не из нарушения этих законов, а, напротив, из их точного применения. Закон обмена обуславливает лишь равенство меновых стоимостей товаров, которые обмениваются друг на друга. Их потребительные стоимости различны. Но потребительная стоимость товара — рабочая сила — обладает той особенностью, что в результате потребления этого товара создается новая стоимость.

Первоначальное превращение денег в капитал совершается по законам товарного производства. Тем не менее в результате капиталистического производства оказывается, что продукт труда принадлежит не рабочему, а капиталисту, что труд рабочего произвел не только возмещение стоимости его рабочей силы, но и прибавочную стоимость, попадающую в карман капиталиста, что рабочий в итоге остается тем же неимущим владельцем свободных рабочих рук, каким он был до начала всего процесса.

«Сказать, что появление наемного труда фальсифицирует товарное производство — значит сказать, что для того, чтобы товарное производство осталось нефальсифицированным, оно не должно развиваться. В той самой мере, в какой товарное производство по своим собственным имманентным законам развивается в производство капиталистическое, в той же самой мере законы собственности товарного производства превращаются в законы капиталистического присвоения»³⁾.

В одной из рукописей «Капитала» Маркс подробно разбирает вопрос о взаимосвязи капиталистического и простого товарного производства, рассматривает товар как продукт капитала. Товар является исходным пунктом при анализе капиталистического способа производства, с другой стороны, он выступает как продукт капитала. Такой ход изложения соответствует также историческому развитию капитала, который возникает на базе простого товарного производства и ведет, затем, к превращению его в капиталистическое. Маркс намечает три пункта для разработки.

Во-первых, только капиталистическое производство делает товар всеобщей формой продукта. Во-вторых, при капитализме товаром становится и рабочая сила человека. В-третьих, «капиталистическое производство устраняет базис товарного производства, обособленное, независимое производство и обмен товаровладельцев или обмен эквивалентов. Обмен капитала и рабочей силы становится формальным»⁴⁾.

¹⁾ Маркс «Капитал». Т. I, стр. 660.

²⁾ Там же.

³⁾ Там же, стр. 664.

⁴⁾ «Архив Маркса и Энгельса». Т. II (VII), стр. 185.

Формальный характер меновой сделки между капиталистом и рабочим был впервые раскрыт и обоснован Марксом. Именно это открытие, являющееся естественным следствием всего марксова исследования капиталистического способа производства, послужило прочной основой для разоблачения буржуазной легенды о «равенстве» капиталиста и рабочего.

«Понадобились века для того, чтобы «свободный» рабочий в результате развития капиталистического способа производства добровольно согласился, т. е. был общественно вынужден к тому, чтобы продавать за цену средств привычного существования все активное время своей жизни, даже самую свою работоспособность, — продавать свое первородство за блюдо чечевичной похлебки»¹⁾. Маркс исследовал не только функционирование уже сложившегося, так сказать, «готового», капитализма, но и возникновение этого строя. В своем анализе первоначального накопления он разрушает до тла распространённые либеральные легенды и показывает действительный исторический процесс, в котором капитал рождается, «источает кровь и грязь из всех своих пор, с головы до пят»²⁾. Этот процесс менее всего похож на идиллию. Железом и кровью создаются исторические условия для господства капитала. Ничем не ограниченное насилие играет роль повивальной бабки при рождении капитализма, причем это насилие направляется против народных масс, которые тысячами различных способов превращаются в «трудящихся бедняков», этот шедевр современной истории. Путем всевозможных форм грабежа и насилия происходит отделение производителя от средств производства. Не более привлекательными методами происходит накопление богатства в руках немногих. Так создаются исторические предпосылки, для того чтобы рабочий и капиталист могли встречаться на рынке и заключать между собой ту сделку обмена, которая превозносится апологетами капитализма как неопровержимое доказательство «равенства» между ними.

«Исходным пунктом развития, создавшего как наемного рабочего, так и капиталиста, было рабство (*Knechtschaft*) рабочего. Развитие это состояло в смене формы этого порабощения, в превращении феодальной эксплуатации в капиталистическую»³⁾.

Исследование Маркса показывает, что «только та форма, в которой этот прибавочный труд выжимается из непосредственного производителя, из рабочего, отличает экономические формации общества, например, общество рабства от общества наемного труда»⁴⁾. Система наемного труда является не чем иным, как системой наемного рабства. Однако необходимо иметь в виду, что форма существенна. Форма наемного труда создает совершенно иные перспективы исторического развития чем, скажем, форма античного рабства. Историческая миссия капитализма весьма существенно отличается от исторической миссии не только рабовладельческого, но и феодального строя. Капитализм выковывает класс-титан, берущий в свои руки дело освобождения человечества от всяких форм рабства, от всех форм эксплуатации человека человеком⁵⁾.

Анализ процесса капиталистического производства как процесса производства прибавочной стоимости, данный Марксом, служит основой для

¹⁾ Маркс «Капитал». Т. I, стр. 308.

²⁾ Там же, стр. 862.

³⁾ Там же, стр. 814.

⁴⁾ Там же, стр. 250.

⁵⁾ Маркс прекрасно показывает, как форма наемного труда и заработной платы создает тип рабочего, совершенно отличный от тела раба, и деллет его «способным к совершенно другой исторической роли». См. «Архив Маркса и Энгельса». Т. II (VII), стр. 113—119.

подного и окончательного разоблачения буржуазных представлений о равенстве. Марксов анализ товара, денег, капитала, прибавочной стоимости полностью раскрыл истинный характер буржуазного понимания равенства. Маркс показал, что буржуазная идея равенства, как и все прочие «вечные и неизбывные» истины, есть не что иное, как слепок с отношений товарного производства. Этот слепок отображает лишь поверхностную видимость этих отношений. Но за видимостью, за внешней формой проявления скрывается вкорме отличная сущность. Внутренняя сущность отношений была вскрыта Марксом, который вместе с тем показал, почему эта сущность проявляется в данных внешних формах.

Маркс обнажил реальное основание буржуазного истолкования равенства. Он показал, что корни этой идеи лежат в отношениях того способа производства, при котором на базе закона обмена эквивалентов создается величайшее неравенство, какое когда-либо существовало в истории человеческого общества; на основе «равенства обмена» вырывается глубочайшая пропасть между классами; путем обманчивой видимости сделки «равноправных товаровладельцев» осуществляется никогда ранее невиданный размах эксплуатации человека человеком.

Если лозунг формального равенства выдвигается буржуазией для обмана масс, для сокрытия действительного вопиющего социального неравенства, то есть одна область, где капитал действительно стремится к равенству. Эта область — эксплуатация рабочего класса, выжимание прибавочной стоимости из пролетариата, превращение пролетарского пота и крови в звонкую монету капиталистической прибыли.

«Равенство в эксплуатации рабочей силы — первое право человека для капитала»¹⁾, — замечает Маркс саркастически при изложении поучительной борьбы вокруг рабочего дня. Условия эксплуатации рабочих для различных капиталистов должны быть одинаковы. Душа капиталиста в этом отношении изнывает по равенству. Это стремление к равенству в условиях эксплуатации нередко облегчало распространение рабочего законодательства на всю промышленность, когда рабочим удавалось предварительно пробить брешь в каком-либо одном пункте. «Так как капитал по своей природе левеллер, т. е. требует как своего прирожденного права человека равенства условий эксплуатации труда во всех отраслях производства, то законодательное ограничение детского труда в одной отрасли промышленности становится причиной его ограничения в других отраслях»²⁾.

Но не только в условиях непосредственной эксплуатации капитал стремится осуществить равенство. Конкуренция капиталов стремится осуществить равенство также и в деле распределения высосанной из рабочих прибавочной стоимости между отдельными капиталистами. В III томе «Капитала» при анализе процесса уравнивания нормы прибыли Маркс подробно описывает этот «капиталистический коммунизм», при котором отдельные капиталисты — эти «братья-враги» — выступают как бы участниками акционерного общества, как бы пайщиками, владеющими определенными долями совокупного общественного капитала.

Таким образом «равенство обмена» перерастает в капиталистических условиях в равенство эксплуатации и равенство дележа добычи. Этим завершён круг.

¹⁾ Маркс «Капитал», Т. I, стр. 331.

²⁾ Там же, стр. 447.

Апологеты и „критики“ итальянского империализма

(К вопросу об источниках фашистской идеологии)

В. Келлер

1

В первые годы XX столетия Альфредо Ориани, писатель, чью память так чтит теперь Муссолини, говорил: «Зажгите все факелы, ибо в ночи началось уже шествие, и не бойтесь тумана: заря близко. Ее алый цвет будет походить, быть может, на цвет крови»¹⁾. Жан Кристоф, посетивший Италию в те же годы, присутствовал там при своеобразных идеологических сдвигах, наблюдал рождение новых течений мысли. «Молодые люди... отличавшиеся друг от друга характерами, воспитанием, взглядами и верой, были объединены культом этого пламени новой жизни. Ярлыки партий, мировоззрений не имели для них никакого значения: главное «мыслить смело». Быть искренними и дерзать! Они с силою трясли свой спавший народ». В дальнейшем, руководимый своим автором и наставником, Жан Кристоф понял, в чем было дело. «Это было могучее веяние, которое проносилось над итальянской молодежью всех направлений: националистами, социалистами, неокатоликами, свободными идеалистами, над всеми непримиримыми итальянцами, над всеми, преисполненными надежды и воли быть гражданами императорского Рима, властелина вселенной»²⁾. Речь шла о возникновении некоторых характернейших идеологий империализма.

Они проявлялись в публицистике, в философии, в литературе, в искусстве, с большой пестротой, в разных формах, с разными оттенками. Здесь сказывались влияния Бергсона, Жоржа Сореля, Ницше (эти три автора влияли, в частности, на Муссолини, он сам вспоминает о них неоднократно), В. Джемса. Несколько позднее разворачивается «актуальный идеализм» Джентиле³⁾. Уже после путешествия Жан Кристофа в Италию «новые веяния» получают своеобразное выражение в итальянском футуризме.

Эти разношерстные идеологи нападают на пассивность, инерцию, равно-

¹⁾ Opera omnia di Alfredo Oriani. A cura di B. Mussolini, V. XIII. La rivolta ideale. 1926, p. 379.

Уверяют, что его стиль напоминает Тацита. На наш взгляд, это, скорее, походит на скверную мелодекламацию.

²⁾ Р. Роллан «Жан Кристоф». Грядущий день, стр. 194—196. Русск. перев. 1934. Разрядка моя. — В. К.

³⁾ О Джентиле см. Б. Чернышев «Современный идеолог фашизма». «ПЗМ» № 4—5 за 1931 год. Б. Быховский «О фашисте Джентиле». Там же. № 9—10.

⁴⁾ Последний для более удобной «полемики» с ним они подменяют тем, что называется «практическим материализмом», т. е. тем, что проповедывала чиновница Глеба Успенского: «В карман норови, в карман».

душе, скептицизм, позитивизм, материализм¹⁾ (и позднее Муссолини отсюда ведет свою родословную, выводя «спиритуалистическую концепцию» фашизма «из великой реакции текущего столетия против вялого и материалистического позитивизма XIX века»²⁾). Они прославляют «идеалы», — агрессивность, «любовь к опасности», «волю к власти», «творчество», «динамику», «действие». Бергсоновский «жизненный порыв» пришелся им по сердцу: «Все живые существа... уступают одному и тому же страшному напору. Животное опирается на растение, человек возвышается над животными, и все человечество, в пространстве и во времени, представляет из себя огромную армию, галопирующую рядом с каждым из нас, впереди и позади нас, увлекаемую собственной ношей, способную преодолеть всякое сопротивление и победить многие препятствия...»³⁾ (здесь милитаристическим является самый образ).

Эмоция и воля противопоставляются рассудочному началу. «Мы, — говорит футурист Маринетти — ...не так называемые интеллигенты. Мы, прежде всего, бьющиеся сердца, пучки трепещущих нервов, инстинктивные существа, руководимые лишь божественной ослепляющей интуицией». (В дальнейшем Маринетти, как известно, не только примкнул к фашизму, но и был в нем одно время достаточно видной политической фигурой).

Уже позднее, в фашистские времена, официальный идеолог, «законодатель фашистской революции» Альфредо Рокко говорит, что, конечно, фашизм имеет свою доктрину, но прежде всего он «есть действие и чувство, и таким он должен оставаться и впредь. В противном случае он не мог бы сохранять эту огромную движущую силу, эту обновляющую мощь, которой он теперь обладает, и был бы лишь одинокой мыслью немногих избранных. Только потому, что он есть бессознательное пробуждение нашего глубокого расового инстинкта, он может приводить в движение народную душу и высвобождать непреодолимый поток национальной воли. Только потому, что он есть действие и, как таковое, актуализируется в обширной организации и огромном движении, может он определять исторический путь современной Италии»⁴⁾.

Первоначально фашизм еще резче подчеркивал свою «антитеоретичность», «ненависть к догматизму» или, проще говоря, беспринципность, возводимую в принцип. В 1921 г. Муссолини говорил: фашизм — «не партия: он движение... Фашизм день изо дня возводит здание своей воли и своей страсти». «Мы не верим в догматические программы... Мы позволяем себе роскошь быть аристократами и демократами, консерваторами и прогрессистами, реакционерами и революционерами... соответственно требованиям времени, места, среды». «Фашизм есть великая мобилизация материальных и нравственных сил. К чему он стремится? Скажем без ложной скромности: управлять нацией»⁵⁾.

Эти мотивы выдуманы не фашистами. Подобные «векания» и «настроения» были достаточно заметными уже в первые годы империалистической эпохи. Это был тот «климат», в котором выросал Муссолини. Еще в те времена, когда он был социалистом, он, как рассказывает о нем Пьетро Ненни, «ради действия охотно жертвовал доктриной». «Только бы драться» — таков был его лозунг. И когда нельзя было драться против государства —

¹⁾ В. Mussolini. La dottrina del fascismo, p. 69. Scritti e discorsi dal 1932 al 1933.

²⁾ А. Бергсон «Творческая эволюция», стр. 242. Русск. перев. 1914.

³⁾ А. Rosso. The political doctrine of fascism, p. 394. 1926.

Джентиле говорит, что фашистская доктрина «тоталитарна», что в ней — «вся воля, мысль и чувство» нации, и протестует против интеллектуализма, разлучающего мысль и действие. (Giovanni Gentile. Origini e dottrina del fascismo, pp. 36—38. 1929.)

⁴⁾ В. Mussolini, Scritti e discorsi, v. II. La rivoluzione fascista, pp. 152—153.

что ж, мы дрались друг с другом. «Это укрепляет мускулы и подготавливает дух», — заявлял он. Его системой было не иметь системы. Действие, действие, действие. Таково было его кредо»¹⁾. Сам о себе он говорил и теперь еще говорит совсем в духе приведенного выше заявления Маринетти: «Я должен прислушиваться к голосу моей крови... Я как животное, я предчувствую погоду. Когда я доверяюсь своему инстинкту, он меня никогда не обманывает»²⁾.

Подчеркивание иррациональности можно найти и у Вильфредо Парето. Но он человек старого поколения. Он хочет учитывать «иррациональность» человеческого поведения, воздать ей должное, но сам-то он претендует быть «рациональным», «логически экспериментальным» теоретиком, стоящим выше «страстей» и «интересов». Парето в «рациональном» плане рассуждает о том, как нужно создавать «деривации» — «иррациональные теории», воздействующие на «чувства и страсти». Напротив, теоретики нового поколения непосредственно эти «мифы» и «деривации» создают.

Буржуазная апологетика капитализма свободной конкуренции прибегала исключительно к построениям квази-логического порядка, долженствовавшим «воздействовать на разум». Что касается апологетов империализма, то, конечно, и у них имеются свои квази-логические построения, но этого для них недостаточно. Империалистическая пропаганда и агитация, особенно в такой нишей стране, как Италия, не могут ограничиваться этой квази-логической прозой, здесь требуются оглушительные воздействия на «чувства и страсти», экстраординарная демагогия, фантастика и мистика, военная музыка, «поэзия» и вдохновение. Безвозвратно прошли те времена, когда для защиты капитализма можно было довольствоваться прозаическим евангелием от Бен-Гама. Этой «поэзией» проникнута вся идеология итальянского национализма и в еще большей степени фашистская идеология.

Империалистический смысл «философских веяний» предвоенной эпохи очевиден. Не кто иной, как Бенедетто Кроче, уязвленный тем, что его либеральный идеализм оказался устаревшим и «превзойденным», видит в этих веяниях «дух, который возобладал в Европе, жадный дух завоевания и авантюры, насильственный и циничный»³⁾. Фашистский историк Вольпе говорит: «Это было движение и брожение итальянской буржуазии и итальянской нации... Хотели поднять внутри страны и за границей политическое значение окрепшей итальянской экономики»⁴⁾.

Трубадуры империализма вовсе не обязательно выходят из кругов самой монополистической буржуазии. Мы встречаем здесь немало мелкобуржуазных интеллигентов богемного типа, то, что может быть названо люмпен-интеллигенцией. Упомянутый Альфредо Ориани жил и умер «бедным и гордым». Классовая суть развиваемых этими идеологами теорий от этого не меняется: ее определяет не личное положение идеолога, а бытие того класса, чьи интересы он выражает. Идеология монополистического капитала может изготовляться и на чердаке.

Эта, с позволения сказать, философия «динамики» и «порыва» нужна, во-первых, для самой монополистической буржуазии, для ее политической самоорганизации. Но еще важнее отметить, что эта философия выражает не только стремление этой буржуазии к империалистической агрессии, но и стремление ее вовлечь в эту агрессию другие круги населения, соответствующим образом воздействуя на них. Без такой идеологической подготовки в национальном масштабе самая война невозможна.

¹⁾ Pietro Nenni. Six ans de guerre civile en Italie, pp. 18—19. 1930.

²⁾ Приведено у M. Sarfatti, Mussolini, p. 27.

³⁾ B. Croce. Storia d'Italia, p. 259.

⁴⁾ G. Volpe, Italia in cammino, p. 97.

Империализм трубит сбор, сзывает авантюристов и кондотьеров, проводит мобилизацию хищнических appetitов. А так как империализм стремится распространить свое влияние на возможно более широкие круги, то наряду с совершенно откровенными призывами к войне нужно иметь и более хитрые варианты, в которых дух агрессии прикрывается «творчеством», «дерзанием мысли» и другими благовидными вещами.

С этим связана и «антирациональная» сторона этой философии. Основы здесь грубая и простая. Чего хочет этим добиться империалистическая буржуазия? В обостряющихся классовых антагонизмах растет социальное недовольство не только рабочего класса, но и мелкой буржуазии. Нужно не дать этому недовольству дорасти до сознания, не допустить сюда революционную теорию. Нужно перехватить и переключить это недовольство, попытаться внушить, что во всем повинна не отечественная буржуазия, а другие страны, которые «обижают Италию». Такова основная функция этого «иррационализма».

2

Самыми типичными глашатаями итальянского империализма являются националисты. В 1923 г. они вливаются в PNF (национальную фашистскую партию); построения их теоретиков образуют один из существеннейших элементов фашистской «доктрины».

Высказывания националистов по вопросам общей экономической теории уместаются в нескольких тезисах доклада Альфреда Рокко и Филиппо Карли на III конгрессе итальянской националистической ассоциации в мае 1914 года.

Национализм, говорят Рокко и Карли, утверждает свою несовместимость с экономическим индивидуализмом и лживость всех принципов этого последнего; национализм должен вести непримиримую борьбу против экономии индивидуалистической, либеральной и социалистической, против утилитаризма, материализма, интернационализма. Неверно, что индивид — конечная цель всякой социальной деятельности и что общество — лишь сумма индивидов. «Человечество», о котором так любят рассуждать индивидуалисты, не есть общество в собственном смысле этого слова, в современном мире общество есть национальное общество, нация. Национализм подчеркивает роль и значение Государства (с большой буквы). «Индивид существует в нации, являясь по отношению к ней элементом бесконечно малым и переходящим, он должен рассматриваться как ее орган и инструмент». «Наконец совершенно лжив тот гедонистический постулат, на котором зиждется вся индивидуалистическая экономия, так же, как лжива вытекающая из него материалистическая концепция общественной жизни. Неверно, что поведение человека определяется, даже в плоскости экономических действий, единственно материальным интересом. Верно, напротив, что даже в экономической области величайшее значение имеют неэкономические мотивы¹⁾».

Какого-нибудь «учения об экономических категориях» здесь нет. Все исчерпывается этими декларативными установками. В них усматривают влияние французских монархистов (Моррас) и немцев. В другом докладе (о проблеме таможенных пошлин) на том же конгрессе Рокко с большой похвалой отзывается о Фридрихе Листе. Но, конечно, апологетика государства имеет здесь совсем не тот смысл, который она имела у немецкой «исторической школы». У немецких «историков» эта апологетика была связана с прусским путем национального объединения. Здесь она связана с империалистической

¹⁾ Цит. по Gino Arias. L'economia nazionale corporativa, pp. 10—11 (подробные извлечения; материалы конгресса являются библиографической редкостью).

эпохой. «Бесконечно малый индивид» здесь приносится в жертву государству, ведущему империалистические войны.

От прежнего «германизма» эти декларации отличаются также тем, что в них отсутствуют «социально-реформистские» мотивы.

Позднее эти декларации — с некоторыми видоизменениями — входят в «арсенал» фашизированной политической экономики и занимают там почетное место. (В частности особенно посчастливилось фразе о неэкономических мотивах экономических действий). Но в тот период, который мы здесь рассматриваем, несравненно более важную роль играла другая сторона националистической доктрины — трактовка империализма — и специально империализма итальянского.

Эти господа не хотят искать корней империализма в экономике. О причинах этого откровенно рассказал Альфредо Ориани. Экономисты, по его мнению, подходят ко всему с масштабами «меркантильного интереса» и часто впадают в «доктринерскую иллюзию, согласно которой экономический фактор есть величайший фактор жизни и истории». Экономисты говорят, что капитал благодаря промышленной депрессии начинает приносить недостаточные доходы и что этим и объясняется современная завоевательная политика¹). Нет! «Абсурдно обвинять капитал, смешным было бы приписывать ему какую-то политику — это несовместимо с самой безличностью этого капитала». «Империализм имеет более глубокие основания и более благородную физиономию»²) (подчеркнуто мною. — В. К.). «Быть сильными, чтобы стать великими, вот в чем дело: расширяться, завоевывать духовно, материально, посредством эмиграции, трактатов, торговли, промышленности, науки, искусства, религии, войны. Устраниться из схватки невозможно: значит, необходимо победить в ней... Судьба и история — женщины, и любят только смельчаков, способных изнасиловать их»³).

Империализм — везде и всегда, говорит вождь итальянского национализма Энрико Коррадини. Это — «универсальная доктрина всей жизни». Французская революция была проявлением империализма. Синдикализм есть последний и грандиознейший империализм в истории — классовый, рабочий империализм. Все человечество в целом осуществляет империализм по отношению к природе⁴). В основе всего лежит империализм отдельной личности, живого существа. «Итак, милостивые государыни и милостивые государи,

¹) Ориани имеет в виду теорию Лориа. Об этой теории мы будем говорить ниже.

²) И Муссолини говорит, что нельзя объяснить войну одними только экономическими конфликтами, «столкновением экономик». «Нужно дать себе отчет в других чувствах, которые каждый из нас имеет в своей душе и которые побудили Прудона провозгласить — вечная истина в облики парадокса, — что война «божественного происхождения» (В. Mussolini. Scritti e discorsi. I. Dall'intervento al fascismo. 15 novembre 1914—23 marzo 1919, 1934, p. 16).

Мистики — притом самых разнообразных оттенков — у этих апологетов предостаточно. Божественная война! «Ты покровительствуешь мне, летящий бог, бог быстроты и неистового спазма... Бог пота, хрипа и агонии! Аллах! Вот я становлюсь на колени и обнимаю твои ноги! Где они? Везде! Они везде на кривой мира! Я умоляю тебя принять горячий и сладкий запах, который поднимается ото всех этих трупов! (Ф. Т. Маринетти. Футурист Мафарка (1909). Русск. перев. 1916, стр. 76—77). Вот как выглядит империалистический бог, и вот как ему молятся!

³) Oriani, цит. соч., p. 272.

⁴) Под тем же углом зрения рассматривает Коррадини различные идеологии: например в искусстве классицизм есть «форма империализма»; красота как результат господства, как знак победы; «искусство торжества», «аристократическое искусство». Напротив, романтизм рождается из отрицания победы. (E. Corradini. Il nazionalismo italiano, pp. 18—19. 1914).

О неоклассицизме в Италии см. статьи тов. Колпинского («Искусство» № 4 и 5 за 1934 год. «Литературный критик» № 2 за 1935 год).

корень всего этого империализма находится в вас самих... вы сплетены из всевозможных империализмов»¹⁾.

Позднее, в 1919 г., то же самое говорит Муссолини: «Со всех сторон кричат против итальянского империализма... Все это колоссальная глупость. Не существует итальянского империализма. Не существует и английского империализма. И французского тоже... Империализм есть вечный и неизменный закон жизни. По существу, это есть не что иное, как необходимость, желание, воля к экспансии, которую несет в себе каждое существо, здоровый индивид или народ»²⁾.

И среди идеологов «революционного» синдикализма находились субъекты, которые поддерживали эту бандитскую философию и целиком соглашались, что синдикализм — это империализм. В 1911 г. (два года спустя после той лекции Коррадини, которую мы сейчас цитировали) синдикалист Оливетти писал: синдикализм как и империализм предполагает «стремление к господству, волю к могуществу; ненавидит бледное и монастырское равенство, о котором грезят коллективисты, и ведет к образованию аристократий воинственных и завоевательских, устремляющихся к захвату богатства и жизни»³⁾ (Оливетти потом стал фашистом). Отозвался и Артуро Лабриола: «Революционный синдикализм был удачно определен как вид рабочего империализма, ибо в нем выступают те же волевые и завоевательские тенденции, что и в капиталистическом империализме, то же презрение к сантиментальной и гуманитарной демократии, та же оценка значения богатства и свободных экономических сил»⁴⁾.

О цели и апологетическом смысле этой «теории» сами «теоретики» в приведенных выдержках говорят достаточно откровенно. Речь идет об оправдании империализма, о том, чтобы любой ценой придать ему «благородную физиономию». То, что это «благородство» ассоциируется (у Орнани) с изнасилованием женщин, — это апологетов ничуть не смущает. Самое важное для этих «теоретиков» — замазать, скрыть связь империализма с прибылями монополистической буржуазии. Для этого надлежит приписывать империализму какое угодно происхождение, божеское или зверское, все равно (к тому же в империалистической «философии» «бог» и «зверь» чрезвычайно походят друг на друга), только чтобы не было видно тех, кто на империалистическом грабеже наживается. Как прежняя буржуазная политическая экономия объявляла капитализм вечным и естественным состоянием человечества, так теперь империализм объявляется вечным, неустрашимым законом природы. С точки зрения этой «философии», питание амебы, распространение христианства в Римской империи, грабеж на большой дороге, успех «Общественного договора», «революционный» синдикализм и захват Триполи — тождественные явления, формы единого и вечного империализма. Для «воздействия на разум» (хотя бы и самый нетребовательный) эта поразительная «теория» слишком убога, и она, по видимому, предназначена главным образом «воздействовать на чувства».

Рассмотренная концепция не является специфически итальянской. Она не оригинальна, это перепевы того, о чем во Франции говорил Эрнест Сейер. Между тем перед апологетами итальянского империализма стояли свои, особые задачи.

¹⁾ Публичная лекция «Синдикализм, национализм, империализм» (1909). E. Corradini. Il volere d'Italia, p. 42. 1911.

²⁾ Цит. по Schneider. Making the fascist state, p. 273. Cp. Gorgolini. Le fascisme, pp. 192—193. 1923.

³⁾ Цит. по Volpe, pp. 108—109.

⁴⁾ Arturo Labriola. Socialismo contemporaneo, p. 441. 1914. Во втором издании той же книги (1922), p. 334.

Ленин в статье «Империализм и социализм в Италии» с исключительной глубиной и меткостью показал основную особенность итальянского империализма и именно в связи с этой особенностью разоблачил характернейшие построения итальянских защитников империализма.

Каковы были те особенные условия, в которых приходилось «работать» агентам итальянского империализма?

«Итальянский империализм прозвали «империализмом бедняков»... имея в виду бедность Италии и отчаянную нищету массы итальянских эмигрантов». «Итальянская эмиграция составляла около 100 000 человек в год в 70-х гг. прошлого века, а теперь достигает от $\frac{1}{2}$ до 1 миллиона, и все это нищие, которых гонит из своей страны прямо голод в самом буквальном значении слова, все это поставщики рабочей силы в наихудше оплачиваемых отраслях промышленности, вся эта масса населяет самые тесные, бедные и грязные кварталы американских и европейских городов... Франция держит сотни тысяч итальянских рабочих прямо-таки в особых гетто, от которых мелкобуржуазная сволочь «великой» нации старается отгородиться как можно больше, которых она всячески старается унижить и оскорбить»¹).

И вот как раз вокруг этих особенных условий, обостривших и ускоряющих революционизирование итальянского рабочего класса и крестьянства, вокруг этих условий, делавших Италию одним из слабых звеньев империалистической системы, развертывают апологеты итальянской буржуазии свою демагогию. Как раз эти факты они хотят извратить и повернуть в свою пользу. Из нищеты итальянских масс, из бедственного положения итальянских эмигрантов эти господа хотят сделать мотивировку и оправдание итальянского империализма!

Националисты пришли к этому не сразу. «Первый крик» итальянского национализма (журнал «Il regno», 1903—1906)—это просто нападки в духе Парето (который сам участвовал в этом журнале) на социализм и на трусливую буржуазию²). Специфическая демагогия появилась у националистов позднее.

До них эту золотую жилу разрабатывали другие люди. «Левый» социалист Артуро Лабриола уже в 1895 г. писал, что Африка нужна Италии для того, чтобы направить туда поток итальянских эмигрантов.

«Если бы мы ушли из Африки, это было бы ошибкой большей, чем то, что мы туда пошли». «Африка стоила денег и крови, постараемся извлечь из нее все выгоды, какие возможно»³).

К сожалению, приходится назвать в этой связи еще одно имя. Антонио Лабриола не удержался на той высоте, на которой одно время стоял и на которую поднялся, несомненно, благодаря своим отношениям с Энгельсом. В начале 900-х годов он развивает целую концепцию, оправдывающую итальянский империализм и его колониальные притязания⁴).

«Европейские государства находятся в непрерывном и сложном становлении... Они завоевывают, подчиняют, эксплуатируют весь остальной мир. Италия не может устраниваться из этого развития государства, которое несет вместе с собой развитие народов». Растет французская и английская власть в Средиземноморье, растет австрийское влияние на Балканах, немецкое —

¹) Ленин. Империализм и социализм в Италии (1915). Соч. Т. XVIII, стр. 290, 291.

²) Gilibrizzi, цит. соч., p. 123. A. Dresler. Geschichte der italienischen Presse, 3 Teil, SS. 9—10. 1935.

³) Arturo Labriola. Un po'di Africa. Critica Sociale, p.199. 1895. Nr. 13.

⁴) Еще раньше, в 1890 г., он говорил, что колонии нужны, что там можно устраивать социалистические поселения! Но тогда Энгельс призвал его к порядку.

в Турции. Итальянцы держат себя платонически лишь потому, что они слабы («воля к мощи» — лейтмотив всей империалистической идеологии! — В. К.). Они декларируют против войны, а в их собственном доме — брожение войны гражданской; протестуют против экспансии, а сами посылают рабочих на службу иностранному капиталу. Три международных силы угнетают Италию: первая сила — папство; вторая — международные капиталисты, которые отнимают у Италии ее прибыли; третья международная сила — это рабочие, которые «приводят наших эмигрантов за границей в состояние подчинения, приниженности».

Наш лозунг: борьба за предотвращение войны, а в том случае, когда война уже возникла, борьба за превращение войны империалистической в войну гражданскую. И если страна оказывается в роли одного из слабых звеньев империалистической системы, если в стране даже в мирное время брожение гражданской войны налицо, если пролетариат этой страны белствует и у себя дома и за границей, не ясно ли, что этот пролетариат должен быть передовым, революционным отрядом международного рабочего класса в борьбе против международной буржуазии?

Иначе получается у Лабриолы. Нужно бороться за превращение гражданской войны в империалистическую. Нужно захватить Триполи¹⁾ (да еще выразить сожаление по поводу того, что это не компенсирует ни за Тунис, ни за Египет, «потерянные для нас», «мы пришли слишком поздно...»). Тогда эмигранты не будут больше эмигрировать, они поедут в итальянское Триполи, в «новое отечество»²⁾.

Жорж Сорель злорадствовал: «Я узнал, что Артуро и Антонино в первый раз в их жизни согласны друг с другом и хотят завоевать Триполитанию»³⁾.

Вот за эту концепцию и ухватились в дальнейшем националисты.

Итак, требуется доказать, что рабочий класс и крестьянство в Италии не должны бороться с итальянской буржуазией и помещиками, а должны идти воевать. Аргументы для доказательства этого: тяжелое положение рабочего класса и крестьянства в стране; тяжелое положение итальянских рабочих за границей; «обделенность» итальянской буржуазии по части колоний; «скромное» место итальянского империализма в мировой системе империалистического грабежа.

Посмотрим, как решает эту задачу Энрико Коррадини.

Конечно, мы встречаем здесь идею нации как целого и идею солидарности классов, причем эта последняя, в частности, «обосновывается» небезызвестной теорией с.-д. ревизионистов: «рабочий и хозяин связаны друг с другом своим участием в производстве раньше, чем они соперничают друг с другом в распределении». Но этого Коррадини мало. Он обирает еще одного ревизиониста (без ссылок, разумеется), итальянского Бернштейна — Саверио Мерлино.

Мерлино (конец 90-х годов):

«В настоящее время борьба происходит не между двумя только классами, но между различными группами, которые то соединяются, то разделяются, вступают в коалицию друг с другом, борясь за интересы момента... Каждая группа имеет и общие с другими группами и противоположные интересы... Сам рабочий класс слагается из различных категорий, чьи интересы не целиком согласуются друг с другом; неквалифицированный рабочий борется с ква-

¹⁾ Когда Лабриола об этом писал, вопрос о захвате Триполитании уже подымался.

²⁾ Antonio Labriola. Scritti varii editi, e inediti, raccolti e pubblicati da B. Croce. 1906, pp. 428, 433—434, 436, 441.

³⁾ Письмо к Б. Кроче, июнь 1902. Lettere di Georges Sorel a B. Croce. La critica. 1927. fasc. VI, p. 368.

лифицированным; организованные рабочие имеют страшного врага и конкурента в безработных»¹⁾.

Коррадини (1911):

«Класс, называющийся рабочим классом, трудящимся пролетариатом, в действительности сам состоит из разных классов, притом из классов, чьи интересы часто противоречат друг другу»²⁾.

При всей различии и даже антагонизме тех «классов», из которых состоит рабочий класс, они имеют общую цель — улучшение своего экономического положения. Это и конституирует их как класс. Но ведь так же обстоит дело и с пролетариатом и с буржуазией! Тут есть, конечно, и разные интересы, но если подобное различие не мешает совместному содействию тех «классов», из которых складывается пролетариат, то почему это различие должно мешать объединению и совместному действию пролетариата и буржуазии во имя улучшения их общих экономических дел?

Дальше начинается «обыгрывание» того места, которое итальянский империализм занимает среди неравномерно развивающихся империалистических стран: «Существуют два поля распределения, большое и малое. Малое — это нация, распределение между классами, через посредство классовой борьбы, организаций, забастовок, локаутов, другое поле — мир, распределение между нациями, через посредство международной борьбы, рынков, колоний, флота и пушек». Нация есть промежуточный, посредствующий организм: берет на этом международном поле и отдает классам и отдельным личностям.

Германская экспансия на Востоке, проект багдадской дороги, английские колонии и доминионы — все это, по мнению Коррадини, способствует поднятию материального благосостояния всех германских и английских граждан, в том числе и рабочих. Англичане и немцы в силу одного того факта, что они англичане и немцы, имеют такие преимущества, которых лишены итальянцы. Коррадини жалуется, что итальянских эмигрантов обижают за границей, что они денационализуются в Южной Америке.

Жизнь одной нации связана с другими нациями. Отношения между ними для некоторых из них являются отношениями зависимости, если не политической, то экономической и моральной. Именно так обстоит дело с Италией. «По справедливой аналогии, из любви к действительному слову (*per l'amore d'efficacia verbale*); для того, чтобы показать, насколько национализм соответствует духу нашего времени (!), я называю пролетарскими такие нации, которые, как Италия, находятся в состоянии зависимости, подобно тому, как пролетариат, согласно социалистам, был и находится в зависимости от буржуазии». Поэтому национализм «становится социализмом итальянской нации». Он делает для нации то, что социализм делает для класса. Наше действие величественней и прекрасней: вместо класса — нация, вместо буржуазии, в качестве противника — весь мир!³⁾. И с полной последовательностью, поскольку «его социализмом» является национализм, Коррадини, когда начинается война 1914—1918 гг., называет ее «настоящей и истинной европейской и мировой революцией»⁴⁾.

Хотите улучшить свое положение? Завоевывайте колонии для Италии! — говорят итальянские империалисты рабочему классу.

¹⁾ S. Merlino. *Formes et essence du socialisme*, pp. 59—60. 1898.

²⁾ E. Corradini. *Le nazioni proletarie ed il nazionalismo*, p. 10. 1911. Это публичная лекция, прочитанная в Неаполе, Флоренции, Падуе и Вероне.

³⁾ *Nazione proletarie*, p. 14; *Il volere*, pp. 206—207.

⁴⁾ E. Corradini. *La marcia dei produttori*, p. 87. 1916. Не он один это делает. Войну 1914 г. называл революцией бесстыднейший немецкий социал-шовинист Ленч (в своей книжонке «Три года мировой революции»). В этой «революции», по Ленчу, Германия как страна передового капитализма была «революционером», а страны Антанты — «контрреволюционерами».

Ответ на эту теорию «бедняцкого империализма», теорию «пролетарской нации» ясен и прост. В Италии есть своя собственная империалистическая буржуазия, и то, что она берет в «международном распределении», она берет для себя.

Когда к Дамофилу из Энны, рассказывает Диодор Сицилийский, пришли его голые рабы и попросили у него одежды, он посоветовал им грабить путешественников. Античный рабовладелец лучше современного капиталиста: Дамофил, по крайней мере, не распространялся о солидарности и национальном единстве, и он, вероятно, не отбирал у своих рабов той одежды, которую им удавалось наgrabить. А после империалистических войн трудящиеся и эксплуатируемые оказываются еще более голыми, чем были раньше. Достаточно сослаться на положение пролетариата после войны 1914—1918 гг. во всех капиталистических странах.

А что касается тех подачек с барского стола, которыми буржуазия подкармливает и подкупает рабочую аристократию, меньшинство рабочего класса, то они лишь временно задерживают (но в конечном счете не могут задержать) развертывание той революционной борьбы, в которой пролетариат в союзе с угнетенными народами действительно завоевывает весь мир.

Замечательно разоблачает итальянских «теоретиков» Ленин: «Всякая страна, которая имеет больше «нашего» колоний, капиталов, войск, отнимает у «нас» известные привилегии, известную прибыль или сверхприбыль. Как среди отдельных капиталистов получает сверхприбыль тот, кто имеет машины лучше среднего или обладает известными монополиями, так и среди стран получает сверхприбыль та, которая экономически поставлена лучше других. Дело буржуазии — бороться за привилегии и преимущества для своего национального капитала и надувать народ или простонародье (при помощи Лабриола и Плеханова), выдавая империалистскую борьбу ради «прав» грабить других за национально-освободительную войну»¹).

Большую роль в этой «теории пролетарской нации» играет «демографический аргумент». Вот как Коррадини извращает факты загнивания, факты раздела и передела мира. Человек, завоевавший богатство, стремится к отдыху и наслаждению, теряет энергию, а вслед за ней и богатство. Так «отдыхает» французский рантье, так «отдыхают» целые нации. Как у богатых классов, так и у богатых стран этот «отдых» проявляется в сокращении рождаемости. И вот тут-то выступают на сцену менее богатые, но мощно рождающие страны и требуют себе места под солнцем; империализм, война убирают «отдыхающих» с дороги; здесь действует «категорический императив природы» («Война—единственная гигиена мира»,—говорит Маринетти).

В настоящее время сама Италия не может уже хвастаться высоким числом рождений. Но в 1911 г. Коррадини полон энтузиазма: «Сколько миллионов итальянцев по всему миру! Как плодovиты итальянские женщины!»

Вот где корень всего: «Зародыш войны гнездится в плодотворящем семени человеческого».

Для столь бурно произрастающего населения требуются, разумеется, колонии, требуется расширение территории. Этот мотив с особой энергией использовался при подготовке к триполитанской войне²). Если другие мотивы рассматриваемой концепции предназначены преимущественно для воз-

¹) Ленин. Империализм и социализм в Италии. Соч. Т. XVIII, стр. 291.

²) Не только националистами, но и рядом других авторов, например Михельсом (см. его Imperialismo italiano). Как известно, и «теория пролетарской нации» и «демографический аргумент» в настоящее время усиленно пропагандируют японские «социалисты». Хамада называет Японию, как страну с большим населением и малой территорией, «пролетарским государством». Напротив, Китай по отношению к Японии есть «буржуазное государство». Вывод очевиден: нужно отнять у «буржуазии» ее территорию (И. Ленин «Пропаганда войны в Японии и Германии», стр. 156—157. 1935).

действия на рабочий класс («пролетарская нация», рассуждения о лондонском рабочем, о багдадской железной дороге), то мотив создания «нового отечества» адресован скорее безземельному и малоземельному крестьянству: это демагогия, обслуживающая борьбу против аграрной революции, демагогический посул, обещание дать итальянскому крестьянству з е м л ю — вместо той, которую отняли у него помещики его «отечества» — в африканских песках. А вся концепция в целом должна обслуживать ту задачу, которая стоит перед империалистической буржуазией: обманывая эксплуатируемых, пытаться переключать их классовую ненависть в шовинистический угар. Этому, как мы видели, служит и вкратце рассмотренный выше, «иррационализм чувства и действия» — достойное введение, философская прелюдия к этой националистической пропаганде.

Что функция этих «теорий» именно такова, — это открыто признают сами националисты. «Национализм, говорит Коррадини, есть попытка пере-двинуть проблему национальной жизни из области политики внутренней в область политики внешней»¹).

Мы не должны представлять себе дело таким образом, что эти теории имеют хождение лишь в каких-то высокоакадемических кругах. Нет, наоборот, пропаганда ведется в очень широких масштабах: публичные лекции, речи, газетные статьи. В идеологической подготовке триполитанской войны (не говоря уже о войне 1914 г., где положение было более сложным) принимает участие множество народа: либеристы²) вроде Папафавы, радикалы типа Нитти, крайнеправые элементы социалистической партии, синдикалист Артуро Лабриола...³).

Помимо той словесности, образцом которой являются публицистические творения самих националистов, здесь обрывает и «изысканная словесность» — в самых разнообразных манерах и стилях. Габриэле д'Аннунцио вызывает призраки античных героев, населяющих берега Средиземного моря. Ада Негри, поэтесса сантиментального социализма, воспекает мать, у которой убили сына, но которая, конечно, не плачет.

Разумеется, не отставали и футуристы. «Пусть докучная память о римском величии будет уничтожена в сто раз большим величием Италии!» Они приветствуют итальянское правительство, «ставшее, наконец, футуристским», и «поистине футуристический ультиматум министра ди Сан Джулиано». «Итальянские футуристы, поэты, художники и музыканты! Пока длится война, оставим стихи, кисти, резцы и оркестры! Начались красные вакации гения! Мы сегодня не можем ничем восхищаться, кроме грозных симфоний шрапнелей и неистовых скульптур, которые наша вдохновенная артиллерия ваяет в неприятельских массах». «100 метров митральеза залпы взрыв скрипки трубы митральеза татаратарата»⁴). За всей этой трескотней футуристы не забывают о деле: «опьянение божественной интуицией» не мешая им очень трезво заявлять о том, чего им хочется: их идеал —

¹) Corradini. Il nazionalismo, p. 61; Le nazioni, p. 13.

²) Либеризм — итальянская разновидность манчестерства, пропаганда «экономической свободы».

³) Наиболее характерную цитату из этого последнего — о том, что Италия борется не только против Турции, но и против «плутократической Европы», — приводит, разоблачая итальянского социал-шовиниста, Ленин (т. XVIII, стр. 290. Michels, Imperialismo, p. 92). В своей книге о триполитанской войне Артуро рассматривает колониальную политику в Африке как «искупление», «возмещение» прежнего греха европейцев — работорговли; аппетитно расхваливает естественные богатства Турции — угольные залежи больше, чем в Руре! — и уверяет, что рабочий класс провел войну за Триполи гораздо лучше чем буржуазия!

⁴) La bataille de Tripoli vécue et chautée par Marinetti. 1912, p. VI, Battaglia Peso — odore, I peeti futuristi — 1912, p. 31!

«Италия военная, с интенсивным и рациональным сельским хозяйством, промышленностью и торговлей».

«Поэзия» и публицистика теснейше смыкаются друг с другом. Джованни Пасколи, сидевший когда-то в тюрьме за то, что одобрял покушение анархиста на итальянского короля, «поэт доброты, нежности и сострадания», произнес речь, в которой известная уже нам националистическая теория принимает «образную», «художественную» форму: «Великая пролетарка двинулась... раньше она отправляла своих трудящихся, которых было слишком много... в чужие края... за Альпы, за море... как негры они были там вне закона, вне человечества..., но великая пролетарка нашла для них место: обширная область... на которую смотрят как передовые дозоры малые наши острова, к которой простирается нетерпеливо большой наш остров», — там будут они работать, радуясь тому, что над ними «в бесконечном трепете ветра, идущего с нашего моря, развеивается наше трехцветное знамя»¹⁾.

4

Как отвечали на эту пропаганду итальянские социалисты, какую критику империализма они этой пропаганде противопоставляли, в частности в связи с тем же триполитанским вопросом, вокруг которого националисты и их подголоски развернули такую бешеную активность?

Мы уже видели Артуро и Антонио Лабриолу среди прямых защитников итальянского империализма. С такой же прямой защитой его выступала группа правых реформистов: Бономи, Биссолати, Кабрини и другие. Ссылаясь на Антонио Лабриолу, «этого великого учителя социализма», ссылаясь на реформистов французских, которые не устраивали забастовок по поводу оккупации Марокко, немецких, которые не бастовали по поводу Агадира, Бономи заявляет: «Тщетно и бесполезно сопротивляться естественному и нормальному развитию буржуазии». «Для нас, для меня по крайней мере, колониальная политика представляет собой неотвратимое (fatale) проявление капиталистической буржуазии. Всякое промышленное общество в известном пункте своего развития имеет потребность в новых рынках, в новых землях, в новых сферах деятельности». Если эта колониальная экспансия есть неизбежный результат современной экономической эволюции, то «почему пролетариат должен был бы видеть в ней разрушение своих надежд? Почему он должен восставать против нее и насильственно ее приостанавливать?» «Существует солидарность рода, которая не противостоит классовой солидарности, но дополняет ее: она утверждает долг высокой социальной дисциплины, без которой нет сильного народа, все равно, управляется ли он буржуазными или социалистическими законами»²⁾. Бономи и его группа в 1912 г. были исключены из социалистической партии.

Прежде чем перейти к тем, кто остался в рядах «официальной» социалистической партии, и к той «критике» империализма, которую дает, например, Филиппо Турати, отметим своеобразный «обмен вещев». Если среди прямых апологетов империализма оказывались «социалисты», то, наоборот, среди «критиков» его мы встречаем не только «социалистов», но и буржуазных экономистов; и именно эти последние задают здесь тон, их влиянием предопределяется весь характер этой «критики».

И то, что говорит об империализме осмеянный Энгельсом буржуазный экономист Ахилл Лориа, во всяком случае ничуть не хуже «теорий» Каутского и Турати. «Империализм есть завоевание и насильственный захват но-

¹⁾ Приведено у Cilibrizzi, цит. соч., стр. 174.

²⁾ Resoconto stenografico del XII congresso del Partito Socialista Italiano (Modena, 15—18 ottobre, 1911). 1912, pp. 68—69.

вых территорий старыми странами с излишним населением и капиталом». Лориа уверяет, что, с его точки зрения, империализм есть современное явление; он делает вид, что противопоставляет империализм современный римским завоеваниям и крестовым походам, но в дальнейшем изложении, без всяких уже оговорок, находит империализм в средневековых городских республиках и в Голландии XVII века. Для Лориа по существу империализм вечен. Причины его Лориа видит в «законе убывающего плодородия» (этот пресловутый «закон», выдуманный буржуазными апологетами, оказывает им множество услуг; он должен обосновывать вечность и неизменность нищеты; распространенный на все отрасли, он является основой апологетической теории распределения у англо-американцев; вредитель Чайнов использует его в своей борьбе против социалистической реконструкции сельского хозяйства; наконец, у Лориа этот закон служит для «объяснения», т. е. фактически для оправдания, империализма). Империализм, по Лориа, объясняется, в конечном счете, переходом к обработке все менее плодородных земель; это приводит к понижению нормы прибыли: для того чтобы поднять эту прибыль, капитал захватывает новые, девственные земли.

Уже эта «аграрная мотивировка» империализма сближает Лориа с Каутским¹⁾, опровергая которого, Ленин показал, что «для империализма характерно как раз стремление к аннектированию не только аграрных областей, а даже самих промышленных»²⁾.

В каутскианском же духе рассуждает Лориа о вредности империализма для самих капиталистов. Военные захваты выгодны лишь для капитала свободного, ищущего себе применения; напротив, занятый, производительный капитал заинтересован в развитии мирных коммерческих отношений. Таким образом, по Лориа, захват новых земель и необходим для капиталистов и вместе с тем вреден для них. Как это совместить? Дело в том, что Лориа отличительной чертой империализма считает его воинственный, захватнический характер; именно эта черта «не нравится» ему в империализме. Он просит не смешивать империализм, войну, насилие и реакцию с колонизацией — явлением мирным, экономическим, индустриальным. Экспансия, мол, необходима, но было бы лучше, если бы она осуществилась «демократически» и «культурно».

Рабочие, по мнению Лориа, одобряют империализм. Это объясняется как «духом социального подражания», так и надеждой получить от империалистических авантюр какие-нибудь крохи для себя, например клочок земли. Но империализм не содействует размещению излишнего населения; и если во время войны безработные используются в войсках и на военных заводах, то после войны безработица, напротив, усиливается.

Лориа говорит о связи империализма с реакцией, но говорит об этом таким образом, что фашизм³⁾, специфики которого он, конечно, не пони-

¹⁾ «Промышленность, — говорит Каутский, — может все быстрее расширять свое производство, тем же расширением сельского хозяйства все более отстает. Происходит это потому, что последнее, имея дело с живыми организмами, не может произвольно ускорять их умножение и рост» (разрядка моя. — В. К.). Это буржуазная теория, «объясняющая» отставание сельского хозяйства от промышленности в капиталистическом обществе «вечными и естественными особенностями» сельского хозяйства; фактически — это тот же «закон убывающего плодородия». И вот поэтому-то, говорит Каутский, земельная территория «должна постоянно расширяться!» (Каутский. Соч., русский перевод. Т. II. 1930, стр. 75—78).

²⁾ Ленин. Соч. Т. XIX, стр. 144.

³⁾ Он здесь не говорит об фашизме прямо, а лишь недвусмысленно на него намекает. Повидимому, это (так же, как и рассуждения о войне и безработице) позднейшее дополнение к теории, которая в основных своих чертах сложилась еще до войны 1914 года. Мы цитируем книгу Лориа по изданию 1927 г.: более ранних изданий достать не удалось.

мают, оказывается у него (это, разумеется, неверно) не и з б е ж н ы м проявлением империализма. Тем не менее Лория продолжает вздыхать о социальных реформах и уговаривает империалистов отказаться от империализма. Империализм, говорит он, — «ярый враг свободы и демократии». Империализм предполагает господство исполнительной власти над остальными органами общественной жизни. Он возрождает автократию прежних времен. «Мягкие (blande) формы парламентаризма» уступают место «колонияльно-завоевательному цезаризму». «Империализм, поглощая цвет финансовых и умственных сил нации, делает невозможным разработку и осуществление социальных реформ». И после этого он высказывает свое «самое горячее желание: чтобы мы вернулись к самой Италии, чтобы Италия остановилась на опасном пути и направила свои силы на империализм мысли (imperialismo intelletuale), единственный империализм, к которому должна стремиться цивилизованная страна»¹).

Чем не образчик «поповски-социалистической критики» империализма? У Филиппо Турати учителем был еще один буржуазный экономист — либерист Луиджи Эйнаути. Последний печатался когда-то в издаваемой Турати «Critica Sociale», но в дальнейшем покинул ее ради либерального «Corriere della sera». Безутешный редактор, скорбя об утрате «одного из усерднейших и наиболее ценимых сотрудников», обвиняет итальянскую социалистическую партию: партия осталась бесчувственной к призывам Эйнаути, партия упрямо сопротивлялась той положительной политике, которую почему-то называют реформизмом. Вот почему ушел Эйнаути. Не сохранили, не сберегли. Эти lamentации характерны. Турати все еще цепляется за либеристов, хотя они и прекращают свою игру с социализмом. Отвергнутый Турати все еще любит их и восхищается ими. Внезапный подарок: Эйнаути опубликовал статью, в которой доказывает, что Триполитания, с экономической точки зрения, почти ничего не дает для Италии. Итальянская торговля с Триполи, итальянский ввоз туда и вывоз оттуда раз в двадцать меньше чем то, что Италия имеет от торговли с Турцией. Промышленность, железные дороги, сельское хозяйство — все придется создавать в Триполи заново; нужно будет потратить сотни миллионов в надежде на то, что лет через 30 колония сможет обходиться своими силами и средствами. Что касается эмигрантов, то в Триполи смогут поселиться не миллионы, не сотни тысяч, а лишь немногие тысячи крестьян и рабочих. Турати в восторге: вот настоящая критика триполитанской авантюры! Курьезнее всего то, что Эйнаути и в голову не приходило заниматься какой-нибудь «критикой». Подделсовому сопоставляя плюсы и минусы, он целиком и полностью поддерживает триполитанскую войну; он дает типичное для либеристов «внеэкономическое» оправдание империализма; он ссылается на «моральные выгоды»; мы, говорит он, пробуждаем спящую энергию первобытных народов, мы готовим политическое величие наших потомков; мы выступаем все вместе, солидарно, откинув мелочные дела и заботы... Эту часть рассуждений Эйнаути Турати отбрасывает, а все остальное приемлет, одобряет, расхваливает²), кладет в основу своей собственной «антивоенной пропаганды».

Африканские колонии, по мнению Турати, ненужны для Италии. Итальянские завоевания он объясняет... снобизмом. «Мы не военный народ, — говорит он в парламенте (1909 год), — правда, мы имеем Эритрею и клочок Сомали, но мы держимся за них из снобизма, подобно тому как знатное семейство содержит загородную виллу, которой никогда не пользуется». Захват Триполи, говорит он на XII съезде партии (1911 год), противоречит «интересам самой нашей страны», ибо ничего не дает ей, «кроме огромного и бесполезного океана смертоносных песков».

¹) A. Loria. Corso di economia politica, 3 ed. 1927, pp. 820—828.

²) Nazionalisti alla prova! Critica Sociale. 1911, № 23—24, pp. 369—372.

Бономи считает колониальную экспансию неизбежной. Да, мы можем быть настолько марксистами (марксизм Филиппо Турати! — В. К.), «чтобы признавать в завоевании колоний отвратительную, но фатальную необходимость капиталистического развития: развития, которое является предпосылкой пришествия социализма». Но отсюда не вытекает, что нужно поддерживать триполитанскую авантюру. Существуют нации и нации: богатая страна, вывозящая в новую страну капиталы, рабочих, дешовые продукты, распространяющая там благосостояние (!) и затем в один прекрасный день устанавливающая свое политическое господство там, где ее экономическая власть была уже налицо, — это одно. Бедная капиталами, отсталая, варварская Италия — это другое. Дальше: существуют колонии и колонии. Триполи ничего не дает ни для итальянской торговли, ни для эмиграции (Эйнауди!). Наконец, существуют различные способы завоевания, например описанный выше экономический способ; существуют градации грабежа; грабеж может быть в большей или меньшей степени проникнут цивилизаторской деятельностью (*piu o meno permeato di civiltà*); захват Триполи носит чисто военный характер; это грабеж беспримесный, в чистом виде, «с тем отягчающим обстоятельством, что он совершенно бесплоден». «Я удивляюсь, как такой сильный и добросовестный теоретик, как Бономи (!), может связывать с экспансией индустриализма этот акт националистической амбиции и непредусмотрительного пиратства»¹⁾.

Нахально-апологетический смысл этой «критики» настолько очевиден, что на том же съезде один из ораторов так называемой «независимо-революционной» фракции совершенно резонно спросил: какая разница между Турати и Бономи? «Почему вы против захвата Триполи? Вы сказали: потому что Триполи ничего не стоит, потому что это захват военный... Если когда-нибудь для захвата подвернется не степь или пустыня, а плодородный оазис и если экономическое развитие Италии будет выше теперешнего, то вы уже сейчас говорите, что будете поддерживать такой захват». Тревес, с места: «В других формах, другими методами»²⁾. Картина совершенно ясная.

Но и «независимо-революционная» фракция не дала критики империализма вообще и империализма итальянского в частности, не дала и не пыталась дать той теоретической концепции, которая могла бы лечь в основу такой критики. Лидер этой фракции Лерда, выступая на том же конгрессе, отрицает, по существу, всякую теорию. «Выше чисто теоретических вопросов о будущем», по мнению Лерды, стоит важнейшая практическая задача — создать среди масс, воспитывая и классово организуя их, «мощное, возвышенное и глубокое чувство социалистической морали, последовательности и ответственности, чувство, которое должно стать этической базой всего нашего действия, чувство, которое должно стать как бы руководящим началом, как бы инстинктом (!), которое отличает в борьбе социальных действий и установок пути социализма и социалистического будущего». В предложенной Лерда резолюции ничего не говорится о Триполи. Эта резолюция «призывает пролетариат к работе по самовоспитанию и самовозвышению как к важнейшему условию подлинного социального обновления»³⁾.

Муссолини на XII съезде социалистической партии отсутствовал. Он сидел в тюрьме за антивоенные демонстрации. О нем говорили как об одном из отважных противников триполитанской авантюры. Тремя годами позднее его исключают из партии за пропаганду вступления Италии в мировую вой-

¹⁾ Resoconto del XII congresso, pp. 206—207. F. Turati. *Le vie maestre del socialismo*, 1921, p. 202 и след. См. еще его речь в палате в 1912 г. *La conquista della Libia e il partito socialista italiano*. Critica Sociale, 1912, Nr. 5, p. 71.

²⁾ Resoconto del XII congresso, pp. 177—178.

³⁾ Resoconto, pp. 32—33, 36. Здесь сказывается влияние Ж. Сореля.

ну. Но в рассматриваемый момент его влияние в социалистической партии расстет. Впереди — пост редактора «Avanti» и широкий успех на XIII и XIV с'ездах. Посмотрим, какова была позиция этого «антимилитариста». Сарфатти приводит его речь на суде (21 сентября 1911 года). По словам Муссолини, социалисты расходятся с националистами в следующем: националисты хотят великой Италии, социалисты хотят, чтобы Италия была богатой и свободной. «Я стал на точку зрения любви к отечеству; я был, быть может, отчасти непоследователен, и меня можно упрекать в слабости по отношению к национализму. Если бы я пожелал следовать строго революционным и интернационалистическим принципам, я должен был бы по поводу африканской экспедиции радоваться так, как первые христиане радовались упадку Рима: «Что мне до того, что разваливается империя, если над этими развалинами воздвигается крест». Так мог бы и я утверждать: «Если официальная Италия пускается в предприятие, которое стоит ей крови и денег, то тем самым она слабее будет сопротивляться распространению наших идей и ударам революции». Но, говорил я, так как я итальянец и люблю ту страну, в которой я родился и языком которой я говорю, то, опираясь на экономические и географические данные, я как добрый итальянец объявляю себя противником этого предприятия, ибо оно подвергает серьезной опасности те интересы нации, с которыми неразрывно связаны интересы пролетариата»¹⁾.

Эта речь показывает, что Муссолини — «антимилитарист» 1911 г. и Муссолини — шовинист 1915 г. — вовсе не так уж далеки друг от друга.

От того, что говорит Турати, это отличается лишь клеветой на революционный антимилитаризм, который, по Муссолини, должен якобы «радоваться» войне и приветствовать ее.

Борьба против подобной клеветы является в наши дни чрезвычайно актуальной. «VII всемирный конгресс Коммунистического интернационала со всей решительностью отвергает клеветнические утверждения, будто коммунисты желают войны, ожидая, что она принесет революцию. Уже руководящее участие коммунистических партий всех стран в борьбе за сохранение мира, за торжество мирной политики Советского союза доказывает, что коммунисты всеми силами стремятся затруднить подготовку и развязывание новой войны» (резолуция VII конгресса). «Отводя центральное место в нашей деятельности борьбе за мир, мы нагляднейшим образом разоблачаем измышления клеветников всех мастей, начиная от буржуазии и кончая контрреволюционными троцкистами, у которых хватает наглости утверждать, будто коммунисты за войну, будто они возлагают свои надежды на войну, будто они считают, что только война создаст ситуацию, при которой можно будет бороться за революцию, за завоевание власти» (Доклад тов. Эрколи на VII конгрессе).

Итак, в области теории итальянская социалистическая партия не только не создала оружия для борьбы против империализма, но ряд ее деятелей пользовался оружием защитников империализма.

Между тем уже в те годы была дана революционная оценка триполитанской войны. Но эту оценку дали не итальянские социалисты. Ее дал Ленин в статье «Конец войны Италии с Турцией»²⁾ (1912 год).

В Италии для партий и идеологий эта война была своего рода репетицией, и обнаружившиеся уже тогда слабости социалистической партии сказались и позднее, во время войны 1914—1918 годов.

Конечно, удаление Бономи и Биссолати из рядов партии было огромным плюсом для итальянского рабочего движения. «В Италии партия, — писал Ленин в январе 1915 г., — была исключением для эпохи II Интернационала:

¹⁾ Sarfatti, цит. соч., pp. 150—151.

²⁾ Собр. соч. Т. XXX, стр. 201.

оппортунисты с Биссолати во главе были удалены из партии. Результаты во время кризиса оказались превосходны... Мы вовсе не идеализируем итальянской социалистической партии, вовсе не ругаемся за то, что она окажется вполне прочной в случае вмешательства Италии в войну. Мы не говорим о будущем этой партии, мы говорим сейчас только о настоящем»¹⁾. Последние слова чрезвычайно многозначительны и определены. Развертывание событий показало всю их обоснованность. В предложении ЦК РСДРП (начало апреля 1916 г.) отмечается, что в Италии Тревес ведет каутскианскую политику²⁾. В статье «Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический» Ленин цитирует парламентскую речь Турати, «одно место которой вызвало необыкновенную — и заслуженную — сенсацию...» «Предположим, что обсуждение такого рода, которое нам предлагает Германия, способно разрешить в главных чертах вопросы вроде эвакуации Бельгии, Франции, восстановления Румынии, Сербии и, если вам угодно, Черногории; я добавлю вам исправление итальянских границ в отношении того, что является бесспорно итальянским и отвечает гарантиям стратегического характера...» В этом месте буржуазная и шовинистская палата прерывает Турати, со всех сторон раздаются возгласы: «Превосходно! Значит, и вы также хотите всего этого! Да здравствует Турати! Да здравствует Турати...» Турати попался!.. А вернее: попался не Турати, а попался весь социалистический пацифизм, представляемый и Каутским... Буржуазная пресса Италии была права, подхватив это место в речи Турати и ижуя по поводу него»³⁾. Тогда же Ленин подчеркивает, что это выступление — не единичный акт, что ответственность за него несет вся итальянская партия: «В Италии социалистическая партия молча примирилась с пацифистскими фразами своей парламентской фракции и своего главного оратора Турати, хотя именно теперь выступление с совершенно такими же фразами и Германии и Антанты и представителей буржуазных правительств ряда нейтральных стран, в коих буржуазия неслыханно нажилась и наживается на войне, именно теперь весь обман этих пацифистских фраз вскрылся воочию»⁴⁾.

Как определяет и расценивает свою позицию во время войны 1914 — 1918 гг. сама итальянская социалистическая партия? Приведем свидетельство одного из ее теперешних лидеров, Пьетро Ненни: «Во время войны социалистическая партия не приняла ни пораженческой тактики Ленина, ни патриотической тактики Вандервельде. «Ни поддержки, ни саботажа» — таков был ее лозунг. Это не помешало большим социалистическим организациям Милана и Болоньи быть в первых рядах по работе Красного креста и в деятельности по снабжению страны; это не помешало людям первого ранга, как

¹⁾ Ленин. Что же дальше? Соч. Т. XVIII, стр. 87.

²⁾ Ленин. Соч. Т. XIX, стр. 59—60.

³⁾ Ленин. Соч. Т. XIX, стр. 368—369. Позднее Турати следующим образом мотивировал свои социал-патриотические выступления. Он, мол, выступал в такие моменты, когда опасность угрожала территориальной целостности Италии. Ему напоминают о Либкнехте. Да, но ведь Либкнехт был против войны узурпаторской и завоевательной, а «наша» война — это война «простой территориальной защиты». «Говорят: отечество — это буржуазное отечество. Нужно разграничивать. Есть отечество буржуазное... милитаристическое и империалистическое, враждебное пролетариату; но есть и пролетарское, социалистическое отечество... которое выйдет завтра из чрева буржуазного отечества... если мы убьем мать, то и дочь не родится». Resoconto stenografico del XV congresso nazionale del Partito Socialista Italiano (Roma, 1—5 settembre 1918). 1919, pp. 193—194. Значит, нужно охранять здоровье буржуазного, империалистического «отечества»!

⁴⁾ К рабочим, поддерживающим борьбу против войны и против социалистов, перешедших на сторону своих правительств (январь 1917). Соч. Т. XIX, стр. 389.

Богатый материал о деятельности итальянской социалистической партии во время войны 1914—1918 гг. дан в выступлении тов. Джениари на III конгрессе Коминтерна (Стенографический отчет, стр. 168—169. 1922).

Турати и Прампольни, выступать за национальную защиту в мрачные часы поражения, после Капоретто»¹⁾).

Этим лишний раз подтверждается окончательный вывод Ленина. В 1921 г. на III конгрессе Коммунистического интернационала, отвечая Лаццари, возражавшему против изменения названия партии, Ленин сказал: «Итальянская партия никогда не была истинно революционной»²⁾).

Корни социал-шовинизма известны. Ленин неоднократно указывал на «экономическую, наиболее глубокую, связь именно империалистской буржуазии с победившим ныне (надолго ли?) рабочее движение оппортунизмом». «Римский пролетарий жил на счет общества. Теперешнее общество живет на счет современного пролетария. Это глубокое замечание Сисмонди Маркс особенно подчеркивал. Империализм несколько изменяет дело. Привилегированная прослойка пролетариата империалистских держав живет отчасти на счет сотен миллионов нецивилизованных народов». «Буржуазия уже родила, вскормила, обеспечила себе «буржуазные рабочие партии» социал-шовинистов во всех странах»³⁾).

В классическом, совершенно оформленном виде такая партия была налицо и в Италии: в лице партии Бономи и Биссолати. Привилегированная прослойка рабочего класса существовала, разумеется, и в Италии, как и в других странах. Свообразие положения заключалось в том, что здесь это привилегированное меньшинство было особенно незначительным. Положение Италии в экономической системе мирового империализма («обделенность» колониями—и в количественном и в качественном отношении—сравнительно с другими странами; место в мировой торговле, в борьбе за которое приходилось опираться в первую очередь на дешевизну рабочей силы, на нищенскую заработную плату итальянских рабочих) значительно суживало возможности подкупа, подкармливания верхушки рабочего класса. Конечно, верхушке могли перепадать некоторые крохи от той богатой добычи, которую внутри страны давала эксплуатация основной массы пролетариата и крестьянства, но этим только усугублялись те антагонизмы, исключительно острые проявления которых нам известны. В самом деле, в 90-е и 900-е годы в крупнейших странах Западной Европы: в Германии, во Франции, в Англии—конфликтов такой остроты и бурности, как например итальянская «Красная неделя», мы не наблюдаем.

Стихийное влияние такой ситуации сказывается и на деятельности итальянской социалистической партии. Но она не революционная партия, она лишь маневрирует, приспособляясь к стихийно-революционным настроениям масс. В результате этого маневрирования Бономи и Биссолати исключены, Турати и Тревес остаются. В 1914—1918 гг. партия не занимает вандервельдовских позиций, но ее большинство оказывается каутскианским. В 1919—1921 гг. партия примыкает к Коминтерну, но не желает порвать с оппортунистами.

Экономическая база оппортунизма здесь чрезвычайно суженная; объективно-революционные возможности огромные. Но тем напористей, тем бешеней ведется в этой стране националистическая, шовинистическая пропаганда; и эта пропаганда даже в такой неблагоприятной для нее экономической обстановке может оказать воздействие, если она не встречает должного отпора. Экономика не действует автоматически. Требуется теоретическая вооруженность, предполагающая новый этап в развитии марксизма—ленинский этап. Требуется огромная боевая, идейная, организационно-политическая работа. Требуется такая партия, какой в Ита-

¹⁾ Nenni, цит. соч., стр. 52.

²⁾ Ленин. Соч. Т. XXVI, стр. 437.

³⁾ Ленин. Империализм и раскол социализма. Соч. Т. XIX, стр. 302, 305, 310.

лии в те годы не было. «Суб'ективный фактор» выступает здесь во всем его значении.

Мы видели, как щедро рассыпаются «революционные» фразы итальянскими националистами.

Во время войны 1914—1918 гг. в еще более широких масштабах «революционную» фразеологию использует Муссолини. «Интервентистом» (сторонником вмешательства Италии в мировую войну) он становится не сразу, но все же достаточно быстро. Для превращения «антимилитаристического» Савла в шовинистического Павла потребовалось около двух месяцев.

26 июля 1914 г. Муссолини опубликовал в «Avanti» статью «Долой войну!» Он требовал абсолютного нейтралитета и угрожал правительству, что пролетариат принудит его к этому «всеми средствами». В другой статье он выражался еще определеннее. Если правительство пойдет на военную авантюру, то «мы, социалисты, прекратим перемирие, объявленное нами после «Красной недели», и будем продолжать «нашу войну» с тем большей решительностью». А в октябре он пишет статью «От абсолютного нейтралитета к активному и действительному нейтралитету». «Думаете ли вы, — спрашивал он, — что будущее государство, государство завтрашнего дня, будет ли оно социально-республиканским или просто республиканским, не будет тоже вести войн, если его будет вынуждать к этому внешняя или внутренняя историческая необходимость?.. Будете ли вы и тогда противниками войны, которая будет обозначать спасение нашей, вашей революции?»¹⁾ Он не стал дожидаться «государства будущего». Мировая империалистическая война оказалась на его взгляд и вкус, достаточно «революционной», чтобы пропагандировать участие в ней. 26 ноября 1914 г. его исключают из партии.

В основе муссолиниевской агитации лежит хорошо известная всем, кто помнит мировую войну, антантофильски-империалистическая апологетика. «Говорят: завтрашняя Европа ничем не будет отличаться от вчерашней. Абсурднейшее и ужаснейшее предположение. Если с ним согласиться, нейтралитет абсолютно имеет свой смысл. Не стоит приносить себя в жертву для того, чтобы все оставалось так, как было. Но ум и сердце отказываются верить, что вся эта кровь, проливаемая на земле трех континентов, не принесет никакого плода. Все заставляет верить, что завтрашняя Европа глубоко изменится. Больше свободы или больше реакции? Больше милитаризма или меньше? Какая из двух групп держав обеспечит нам своей победой лучшие условия для освобождения рабочего класса? Австро-немецкий блок или тройственное согласие? Ответ не подлежит сомнению». Эти обещания стоит теперь припомнить: Муссолини ручался, что после войны 1914 г. в Европе — очевидно, и в Италии — будет меньше милитаризма, меньше реакции, больше свободы... Поручкой в том были его «ум и сердце».

С одной стороны — «милитаристическая и агрессивная Германия» с ее кайзером, «клерикальная и феодальная Австрия». С другой (характерен порядок, в котором Муссолини заставляет дефилировать страны Антанты) — «героическая Сербия», «мученическая Бельгия», «республиканская Франция», «демократическая Англия» и, из песни слова не выкинешь, «автократическая Россия». Гм... Да, но «подпочва там минирована революцией!»²⁾ Муссолини это представляется аргументом, оправдывающим его выступление в роли помощника и пособника русского царизма, военно-феодального империализма!..

Обычная антантофильская словесность обильно уснащена здесь радиальной фразой.

Муссолини умело использует при этом то обстоятельство, что в некоторых группах итальянской буржуазии, связанных с немецким капиталом, и среди высшего чиновничества довольно широко распространены были «ней-

¹⁾ Sarfatti, цит. соч., pp. 170—171, 177.

²⁾ B. Mussolini. Scritti e discorsi 1914—1919, pp. 18—22.

тралисткие» тенденции¹). «Нейтраллисты» встречались среди правых партий, например среди консерваторов. О нейтралитете говорят в Ватикане. А за вмешательство в войну были, в частности, республиканцы и радикалы. К тому же Муссолини, судившегося когда-то за аятивденную пропаганду, теперь, в начале 1915 г., арестовывается (вместе с Маринетти) за пропаганду вступления Италии в мировую войну!²). Ну, конечно, он «революционер», который борется с «коалицией пацифистов», состоящей из попов, иезуитов, буржуа, монархистов и т. п.!

В речи, произнесенной им по поводу его исключения из партии, он уверял своих бывших товарищей: «Не думайте, что буржуазия в восторге от нашего интервенцизма. Она огрызается, она обвиняет нас в дерзости, она страшится, что пролетариат, вооружившись штыками, может воспользоваться ими для своих собственных целей».

Этой демагогией окрашена вся его интервенцистская деятельность. Руководимые им интервенцистские группы называются «союзами революционного действия» (*fasci d'azione rivoluzionaria*). В качестве лозунгов для своей газеты, которую он начинает издавать с 15 ноября 1914 г.³) (*Popolo d'Italia*), он берет изречения Бланки и Наполеона (своеобразное сочетание!): «Кто имеет оружие, тот имеет хлеб», «Революция — это идея, которая взялась за штыки».

Он широко пользуется демагогическими методами «переключения», которые мы старались здесь проследить, начиная от «философского обоснования» этих попыток: изображение империалистической войны как «революции», «воздействие на чувства». «Нужно действовать, двигаться, сражаться и, если необходимо, умирать. Нейтральные никогда не управляли событиями. Они всегда подчинялись им. Только кровь приводит в движение гремящие колеса истории!» «Кто слишком держится за свою шкуру, не пойдет сражаться в траншеях, но уж, конечно, вы никоим образом не встретите его и в дни сражения на улице»⁴).

Вслед за Муссолини это повторяет «социалист» Барбони. Вот что говорит об этом последнем Ленин: «Барбони, имея перед собой рабочую партию, старается софистически поддаться под революционные инстинкты рабочих. Он изображает социалистов-интернационалистов в Италии, враждебной войне, которая на деле ведется ради империалистских интересов итальянской буржуазии сторонниками трусливого воздержания, эгоистического желания спрятаться от ужасов войны. «Народ, воспитанный в страхе перед ужасами войны, вероятно, испугается также и ужасов революции».

«Омерзительная попытка подыграться под революционеров», — так клеймит эту фальсификацию Ленин⁵). Эти ленинские слова — лучшая и самая точная характеристика одного из основных мотивов итальянской империалистической апологетики.

И теперь снова итальянский фашизм широко использует эти сложив-

¹) Bourgin. La formation de l'unité italienne. 1929, p. 201. В связи с такими тенденциями царский посол в Италии Крупенский сообщил министру Сазонову (август 1914 г.): «За последние дни некоторые признаки заставляют меня опасаться, не намерена ли Италия остаться нейтральной до конца» (Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств. Серия III. 1914—1917, стр. 159).

²) Мурго. Through fascism to a world power.

³) М. Сарфатти (цит. соч., стр. 179) протестует против слухов о том, что газета была основана на французские деньги. Средства были получены, говорит сотрудница Муссолини, как аванс в счет платы за объявления. От каких фирм и могла ли получить эти средства газета другой ориентации, — об этом Сарфатти умалчивает.

⁴) Scritti e discorsi, pp. 22—23.

⁵) Ленин. Империализм и социализм в Италии. Соч. Т. XVIII, стр. 295.

шиеся еще в предвоенный период «теории» и «методы». На них строится «идеологическое обслуживание» итальянской агрессии в Абиссинии.

«Не рассуждают — верят. Не критикуют — повинуются. Не разговаривают — сражаются»¹⁾. Вот в какое состояние фашистские «философы» хотели бы привести народные массы!

Снова выдвигается «демографическое обоснование» претензий итальянского империализма. Муссолини в беседе с корреспондентом говорит о том, что нужно предоставить «возможность экспансии плодовитому народу, обработавшему всю ту землю, которую можно было обработать в своей стране, и не соглашающемуся умереть с голода»²⁾.

Повторяется противопоставление «бедного» империализма «богатому» — декламации против Англии, якобы угнетающей Италию. «Мы находим чудовищным, — говорит Муссолини в том же интервью, — что эта нация, господствующая над миром, отказывает нам в жалком клочке земли под африканским солнцем».

Изображая Италию как «освободительницу» Абиссинии, итальянские фашисты делают вид, что они проникнуты исключительной нежностью и заботливостью по отношению к абиссинским рабам. Публикуются беседы с бежавшими рабами. В газетах огромное количество фотографий: рабы с отрубленными руками, скованные по двое, повешенные на дереве, прокаженные и т. д. О рабстве в Абиссинии пространно толкует итальянский меморандум совету Лиги наций. В этом меморандуме содержится еще любопытное открытие: Собственно-Абиссиния занимает лишь треть абиссинской территории, остальные две трети — это колонии Абиссинии, которые она эксплуатирует³⁾ (как известно, Абиссиния неоднородна по своему национальному составу, но нельзя же говорить о «колониях» феодальной страны!). Лицемерный характер этих разговоров выступает со всей очевидностью перед лицом неопровержимого исторического факта, что империалистические захваты приводят лишь к закреплению рабства, а отнюдь не к его ликвидации; эта последняя может быть достигнута лишь в борьбе против империализма.

И, наконец, снова извлекается «теория пролетарской нации»: «Италия пролетарская и фашистская, — взывает Муссолини, открывая военные действия, — Италия Витторио Венето, Италия революции, подымайся!»⁴⁾.

Это — дальнейшее развертывание все той же шовинистической демагогии, которую уже двадцать лет назад разоблачил В. И. Ленин.

¹⁾ Farinata, Italia e popolo, Il popolo d'Italia; 4 ottobre, 1935.

²⁾ La nuova Italia, 19 sett. 1935. Popolo d'Italia, 18 sett. Читая подобные вещи, нужно помнить, что в Италии 90% сельского населения владеет всего 5% земельной площади, остальные 95% находятся в руках 10% земельных собственников (Андреа Марабини. Фашизм в итальянской деревне).

³⁾ Popolo d'Italia, 1, 10, 11, 12 sett. Annali del fascismo. 1935. № 6.

⁴⁾ Popolo d'Italia, 3 ottobre 1935.

Философия Ницше и фашизм

И. Вайнштейн

Фашизм представляет открытую террористическую диктатуру империалистической буржуазии. Идеология фашизма направлена на оправдание и обоснование политики и тактики этой диктатуры, проводящей с исключительной свирепостью нажим на трудящиеся массы. Борьба против фашистской идеологии является важнейшей задачей дня как борьба против реставрации мрачного средневековья в теории и на практике, как разоблачение самой оголтелой апологии мистицизма и мракобесия в науке.

Обреченный класс жадно выхватывает из арсенала своего прошлого все реакционное, узаконяющее его судорожные попытки предотвратить непреклонный ход исторического развития, задержать революцию, парализовать идею штурма, зреющую в сознании масс.

Одним из идейных истоков фашистской идеологии, несомненно, является философия Фридриха Ницше, который особенно возвеличивается и прославляется официальными теоретиками современного фашизма.

Ницше на заре своей философской деятельности увлекался Дарвином и Вагнером. Рихарда Вагнера Ницше в первой стадии своего развития рассматривал как крупнейшее явление в области мирового искусства, несравнимое по масштабу и творческому размаху. Образы Вагнера Ницше превозносил как выражение невиданного эстетического благородства и нравственного мужества. «Образы Шиллера, — говорит Ницше, — начиная с Разбойников и кончая Валленштейном и Теллем, проходят такой же путь облагораживания и также говорят нечто об образовании их творца, но масштаб у Вагнера больше, путь длиннее»¹⁾. Вагнер, согласно Ницше, «подвел современную жизнь и прошлое под световой луч познания, который был достаточно силен, чтобы можно было благодаря ему видеть все необычайным образом»²⁾. Впоследствии Ницше причислял Вагнера к числу своих болезней, выздоровление от которой он считал величайшим событием в своей жизни³⁾. Ницше рассматривал впоследствии Вагнера как идеолога революции, которая для Ницше представлялась явлением угрожающего упадка. Поэтому Ницше квалифицировал Вагнера как законченного художника декаданта, который отравающе действует на все окружающее, поскольку оно поддается его влиянию. «Вообще, человек ли Вагнер? Не болезнь ли он скорее; он заражает болезнью все, к чему ни прикасается»⁴⁾.

Венцом философской мысли Ницше является его крайний теоретико-познавательный субъективизм и воинствующий имморализм.

Переоценивая все ценности, Ницше подвергает в первую очередь переоценке ценность объективной истины, которую он относит к фи-

¹⁾ Ницше. Собр. соч. Т. II, стр. 270. 1901.

²⁾ Там же, стр. 288.

³⁾ Ницше. Собр. соч. Т. VI, стр. 4.

⁴⁾ Там же, стр. 16.

лософским предрассудкам. Ницше признает только прагматический критерий истины, рассматривая суждение со стороны его полезности или вредности для данного индивидуума. Став на указанную точку зрения, Ницше подчеркивает необходимость логических фикций, ценность вымысла, полезность фальсификации. Отречение от логических фикций и отрицание логических иллюзий для Ницше равноценно самоотречению. «Неправильность какого-нибудь суждения еще не служит возражением против этого суждения... Весь вопрос заключается в том, насколько неправильное это суждение способствует жизни, насколько оно служит сохранению жизни, сохранению рода, пожалуй, даже воспитанию рода... Отрекаясь от ошибочных суждений, мы должны будем отречься от жизни, придти к отрицанию жизни»¹⁾. Отрицание об'ективной истины и прославление логического иллюзионизма связывается у Ницше с борьбой против материализма, который он считает совершенно беспочвенной метафизикой. Ницше полагает, что современное ему естествознание нанесло последний удар материализму, доказав фиктивность материи и нереальность атомов. Известный лозунг физического идеализма «материя исчезла», связанный с кризисом буржуазного естествознания, находит в лице Ницше своего философского приверженца.

Материализм, согласно Ницше, антинаучен, имеет своей основой веру в материю, которая коренится в иллюзиях чувства, отброшенных открытиями естествознания. Ницше рассматривает материализм как философию «низших классов», которой он противопоставляет благородный идеализм, лучшим представителем которого является Платон. Ницше квалифицирует платоновское мышление как благородное, которое подчиняет себе мир, окутывая его покрывалом «бледных, холодных и серых понятий». «И в этом подчинении себе мира и в том толковании, которое ему давал Платон, кроется наслаждение, особое от того, которое предлагают нам современные физики, дарвинисты и антитеологи среди физиологов с их принципом о «minimum'e силы» и «maximum'e глупости»²⁾.

Мировоззрение Платона, т. е. об'ективный идеализм, рассматривается Ницше как истина, предназначенная для избранных. Идеалистическая философия Платона, философия рабовладельческого общества в стадии его разложения, представляется Ницше высшим мировоззрением. Мировоззрение Платона является об'ективным идеализмом, который признает об'ективную действительность мира идей. Отношение к Платону не мешает, однако, Ницше стоять на позициях суб'ективного идеализма, что подтверждается его категорическим отрицанием об'ективной истины, об'ективного содержания категорий, причины, закона, числа. «Причиной» и «действием» следует пользоваться только как чистыми понятиями, т. е. как фикциями, удобными для обозначения, вразумления, но не для объяснения. В явлениях «самих в себе» (Im «An-sich») нет ни «причинных связей», ни «необходимости», ни «психологической несвободы», там «действие» не следует за причиной», там нет царства «закона». Ведь все эти причины: сопутствование явлений, целесообразность, соотношение, принуждение, число, закон, свобода, основание, цель — выдуманы нами; и когда мы этот мир символов стараемся вообразить себе в вещах как нечто существующее «само по себе», примешать его к ним, то мы еще раз прибегаем к тому приему мышления, которым пользовались не раз, к приему мифологическому»³⁾. Ницше в приведенных словах проводит явно агностическую теорию познания, согласно которой наши понятия являются только символами и не дают никакого права говорить о мире об'ективно существующих вещей. Познание как отражение мира вещей, т. е. ма-

¹⁾ Ницше. Собр. соч. Т. II, стр. 10.

²⁾ Там же, стр. 24.

³⁾ Там же, стр. 33.

териалистическое познание, относится Ницше к мифологическому мышлению. Резко отрицательное отношение Ницше к философии Канта не мешает ему разделять одно из краеугольных положений этой философии — положение о непознаваемости объективной действительности, существующей вне человеческого сознания. Отрицание объективного содержания нашего познания Ницше связывает с трактовкой социально-этических проблем, в решении которых с наибольшей резкостью обнаруживаются основные черты его философии. Ницше рассматривает наше познание как символическую интерпретацию, совершенно чуждую объективному миру. Признание закона поэтому характеризует для Ницше вражду к расстоянию, ненависть к иерархии. «Та «законосообразность природы», — говорит Ницше, — о которой вы, физики, говорите с такой гордостью, как будто... она и существует благодаря только вашим толкованиям и плохой вашей «филологии», отнюдь не является фактом, она даже не «текст», она, скорее, наивно-гуманитарное приспособление и извращение чувств, при помощи которого вы с достаточным успехом идете навстречу демократическим инстинктам души современного человека! «Везде и всюду равенство перед законом — природа здесь не предлагает ничего иного и нисколько не лучше нас» — вот ловкая задняя мысль, в которой скрывается плебейская вражда ко всему привилегированному и автономному»¹). Плебейской законосообразности природы, представляющей лишь выражение определенных нивелирующих тенденций, Ницше противопоставляет возможность появления противоположного толкователя, который, «ставя перед собою совершенно обратную цель и обладая совершенно противоположным искусством толкования, сумеет вычитать из той же самой природы, из созерцания тех же самых явлений непреклонную реализацию (*Durchsetzung*) притязания на власть тираническую и неутомимую»²). Проблемы логики и теории познания разрешаются Ницше непосредственно под углом аристократических устремлений, которые Ницше формулирует как волю к власти, присущую избранным представителям привилегированного меньшинства.

Ницше — апологет иррационализма, властной воли, направленной на присвоение. Воля к истине, которую Ницше высмеивает, рассматривается им как форма воли к власти. Мышление, в глазах Ницше, есть фикция, базисом которой является царство вождедений. Познавательный аппарат представляет для Ницше «абстрагирующий и упрощающий аппарат, направленный не на познание, но на овладение вещами»³). Волюнтаризм Ницше и заостренно-прагматическое толкование познания показывают тесную связь Ницше и Шопенгауера, влияние которого на Ницше проходит красной нитью на протяжении всей философской деятельности последнего. Ницше в первый период своей деятельности называет Шопенгауера единственным философом XIX столетия, величайшим гением эпохи. Образ шопенгауеровского человека рассматривается Ницше как образ высшего мужества. Враждебное отношение к историческому развитию, составляющее характерную черту шопенгауеровской философии, квалифицируется Ницше как мужественное утверждение индивидуальности, противопоставляющей себя кукольной комедии вечного становления.

Прославление Шопенгауера сменяется впоследствии отрицательным отношением Ницше к философии Шопенгауера. Однако неверно считать это отрицание принципиальным. Основным стержнем ницшевской философии остается волюнтаризм, который в принципе воли к власти утверждается как смысл жизни, как пафос иерархии, как ненасытная жажда присвоения, ущемления, угнетения и эксплуатации, находящая свое выраже-

¹) Ницше. Собр. соч. Т. II, стр. 34—35.

²) Там же, стр. 35.

³) Ницше. Собр. соч. Т. IX, стр. 232. Изд. Моск. книгоизд. 1910.

ние в аристократии крови. Ницше реставрировал принцип шопенгауеровской философии в форме, адекватной вожделям и интересам нарождавшегося монополистического капитала. «Шопенгауер, — правильно характеризует Меринг эту реставрацию, — называл волю «самым дурным и низким из всего, что у нас имеется»; «ее нужно прятать, как прячут половой орган, хотя оба они составляют корень нашей жизни». Хорошо, заявила воля устами Ницше, если я дурна и низка, как вы говорите, пусть будет так, но я хочу быть такой открыто и не буду этого стыдиться. Шопенгауер назвал жизнь преступлением, так как за нее установлена смертная казнь. Хорошо, заявила воля устами Ницше, пусть это — преступление, но не жизнь есть преступление; преступление, т. е. то, что вы, филистерские душонки, называете этим словом, есть настоящая жизнь, и именно по тому, что оно есть жизнь, оно ни в какой мере не является преступлением»¹⁾. Таким образом, выкристаллизовалось в лоне шопенгауеровского волюнтаризма последнее слово ницшевской философии как идеологии бешеного наступления правящих классов на трудящихся, как теоретическое оправдание самой дикой и воинствующей реакции, как восхваление самых зверских преступлений капитала против рабочего класса.

Пафос иерархии, получающий свое высшее воплощение в «сверхчеловеке», служит для Ницше критерием познания, объективность которого он подвергает насмешке. Категории познания являются для Ницше выражением борьбы за власть, орудием углублений ступенчатости, обострения социального неравенства. Ницше рассматривал объективность познания как продукт плебейского отношения к миру.

Мир иерархичен, пронизан господством сильного над слабым, испещрен ступеньками. «Жизнь хочет созидать себя в высоту столбами и ступеньками; она хочет смотреть в далекую даль, на блаженные красоты — для этого ей нужна высота. И потому, что ей нужна высота, она нуждается в ступенях и в противоречии ступеней и в противоречии восходящих по ним»²⁾. Однако высота, которая нужна жизни, является в действительности «высотой» умирающего, но стремящегося всякими способами предотвратить смерть. Совершенно естественно, что фашизм, который в кровавом подавлении трудящихся хочет продлить жизнь умирающего класса, избрал Ницше в качестве одного из своих идеологических столпов.

Теоретико-познавательные воззрения Ницше сводятся в основном к идеалистической эклектике на прагматической основе. Мировоззрение Ницше включает элементы субъективного идеализма, объективного идеализма, кантовского агностицизма и прагматизма. В теоретико-познавательном отношении содержанием его идеологии является идеалистическая эклектика. Однако для фашистов привлекательны не столько теоретико-познавательные воззрения Ницше, сколько его социально-этические взгляды, которые сам Ницше считал краеугольным камнем своей философии. Теоретиком фашизма важен пафос «дистанции», страстная апология классового неравенства, пафос безудержной эксплуатации трудящихся, возведенный в идеал. Идеалом для Ницше является самая безудержная тирания со стороны «аристократов крови» по отношению к «черни». Право такой тирании Ницше выводит из природы самой жизни, которая в ницшевской интерпретации оказывается сама безжалостным присвоением, нанесением вреда, взаимным истреблением сильным слабым. «Сама жизнь есть в основе своей присвоение, нанесение вреда, преодоление чуждого и более слабого, подавление, твердость, навязывание собственных форм, воплощение и, по меньшей мере, даже в самом мягком виде — эксплуатация... И то тело, внутри

¹⁾ Франц Меринг. Литературно-критические статьи. Т. II, стр. 501.

²⁾ Ницше. Собр. соч. Т. I, стр. 83. 1901.

которого, как мы раньше предположили, индивидуумы относятся друг к другу как равные, — это имеет место во всякой здоровой аристократии, — это тело, если оно живое, а не отмирающее, должно делать по отношению к другим телам все то, от чего внутри его индивидуумы по отношению друг к другу воздерживаются: оно должно быть воплощенным стремлением к власти, оно будет расти, захватывать окружающее, притягивать к себе, стремиться получить перевес, — не исходя из каких-либо моральности или неморальности, а просто потому, что оно жив е т, и потому, что жизнь е с т ь стремление к власти»¹⁾.

Жизнь есть воля к власти — таков основной лейтмотив философии Ницше. Исходя из указанного лейтмотива ницшевской философии, естественно, следовало бы оправдать волю к власти со стороны рабочего класса, который ведь также принадлежит к миру живущего. Однако волей к власти Ницше наделяет только эксплуататорские классы. «Везде теперь мечтают, — говорит Ницше, — даже под научной маскировкой, о будущем строе общества, который не будет носить «эксплуататорского характера»: в моих ушах это звучит так же, как желание изобрести жизнь, которая бы воздерживалась от всех органических функций. «Эксплуатация» не есть принадлежность испорченного, или несовершенного, или примитивного общества: она принадлежит к сущности всего живущего как органическая основная функция, она есть следствие истинного стремления к власти, которое есть стремление к жизни»²⁾. Воля к власти тождественна у Ницше с волей к эксплуатации, проводимой в полном сознании ее биологической правомерности и закономерности.

Воля к эксплуатации «черни», т. е. рабочих и крестьянских масс, кучкой эксплуататоров означает для Ницше следование высшим повелениям жизни. «Вместо искусственного противопоставления доброго и злого, — говорит фашистский комментатор Ницше Боймлер, — выступает естественный порядок ранга — лучшего и худшего. В свете такого естественного иерархического порядка история открывает свой новый смысл»³⁾. Система иерархии, глубочайшего классового неравенства рассматривается фашистским теоретиком как смысл истории. Ницше увязывал смысл эксплуатации с сущностью самой жизни. Он открыто и прямо выступает как а п о л о г е т р а б с т в а, необходимого для существования аристократии. Рабство необходимо! Ницше облакает эту необходимость в мантию «трагической» фразеологии, откуда, однако, явственно выглядывает звериное лицо капиталистического хищника, выразившего на философском языке свои сокровенные чаяния. «Рабство не должно быть истреблено, оно необходимо. Мы хотим только обратить внимание на то, что постоянно все снова и снова возникают такие люди, для которых производится работа, для того чтобы вся эта огромная масса политических и торговых сил употреблялась не напрасно»⁴⁾. Необходимость рабства Ницше связывает с необходимостью существования господ, которые, ведя паразитический образ жизни, живя за счет прибавочного труда эксплуатируемой массы, составляют смысл истории. «Но твердо помните всегда, что весь этот огромный труд, весь этот пот, пыль и рабочий шум цивилизации поднят для тех, которые сумеют использовать все это, не принимая участия в самой работе, что должны существовать лишние, которые поддерживают свое существование на счет общего излишка работы, и что эти излишние люди представляют смысл и апологию всей возни»⁵⁾.

Культ личности, возвышающейся над «чернью», всетворящей и всесоизи-

¹⁾ Ницше. Собр. соч. Т. II, стр. 221.

²⁾ Там же, стр. 221—222.

³⁾ «Nationalsozialistische Monatshefte» № 49, S. 9.

⁴⁾ Ницше. Собр. соч. Т. VIII, стр. 371.

⁵⁾ Там же, стр. 373.

дающей, представляет краеугольную идею фашизма. «Все подлинно великое всегда является духовным порождением личности»¹⁾. Эта идея, направленная против всякого демократизма, заимствована у Ницше. «В демократизме видел он (Ницше) своего подлинного врага. Ибо здесь познал он под покровом научных и политических лозунгов современнейшую и поэтому опаснейшую форму христианства»²⁾. Дело, конечно, не в христианской природе демократизма, а в существовании нарождавшегося монополистического капитализма, антидемократическая тенденция которого впервые нашла свое философское выражение у Ницше. Антидемократизм Ницше, агрессивный и воинствующий, в полной мере созвучен открытой фашистской диктатуре с ее апологией социальной иерархии. Ницше клеймит демократизм как отравляющий яд, как величайшую несправедливость, искажающую сущность самой природы жизни. Апология классового неравенства, жесточайшего антагонизма эксплуататоров и эксплуатируемых сопровождается у Ницше отвращением к демократии, ненавистью к революции, направленной на уничтожение классового неравенства.

Пафос неравенства оправдывает для Ницше также и религию. Совершенно неверно считать Ницше атеистом, воинствующим борцом против религии. Религия нужна и полезна, поскольку она помогает господствующему классу усмирять и обуздывать массы. «Атеизм» Ницше является «атеизмом» эксплуататора, который не только не отвергает религии, но бережно ее охраняет как незаменимое орудие в борьбе за свое господство: «Для сильных, независимых, приуроченных и предназначенных для власти, в которых воплощается разум и искусство правящей расы, религия является скорее средством преодоления сопротивления, облегчает возможность к господству: это узы, которые связывают повелителя с подданными, узы, которые выдают и предают в руки первого совесть этих последних, все, что у них есть скрытого, интимного, все, что они охотно уберечь бы от необходимости подчиниться послушанию. И в том случае, когда отдельные натуры, отличающиеся таким благородным происхождением, благодаря своей высокой духовности, высказывают склонность к более отвлеченной, более созерцательной жизни, оставляют за собой право пользоваться наиболее тонким способом господства, ...то и самой религией можно воспользоваться как средством доставить себе покой от всего этого шума и кропотливого труда более грубых видов управления и очистить себя от грязи, неизбежной во всяких политических предприятиях»³⁾. Таким образом, религия нужна правящей касте как орудие преодоления сопротивления низших классов, а низшим классам — как средство приукрасить свою страдальческую и тягостную жизнь, облегчить свое мрачное существование. Ницше находит, что религия «наводит солнечный блеск на таких всегда измученных людей и делает даже для них выносимым их собственный вид»⁴⁾. Можно ли после подобного апофеоза религии рассматривать Ницше как атеиста? Однако находятся «комментаторы» Ницше, которые категорически настаивают на атеизме Ницше. Подобный взгляд является теоретически и политически ошибочным. Всякий идеализм неразрывно связан с религией, представляет ее утонченную форму. «Атеистическая» фразеология Ницше не должна закрывать глаза на лежащую в основе ее реакционную и поповскую суть.

Интересно, что Ницше считает, например, Эпикура типичным декадентом⁵⁾. Но Эпикур был воинствующим борцом против религии, которая якобы является предметом ненависти со стороны Ницше. Материализм Эпикура

¹⁾ А. Rosenberg «Blut und Ehre», S. 16.

²⁾ А. Bäumler «Nietzsche der Philosoph und Politiker», S. 13.

³⁾ Ницше. Собр. соч. Т. II, стр. 83—84.

⁴⁾ Там же, стр. 85.

⁵⁾ Ницше. Собр. соч. Т. VI, стр. 252.

превращает последнего в глазах Ницше в декадента, заставляет его забыть и бросить свою пышную атеистическую фразеологию. Гегель был не особенно склонен хвалить Эпикура. Однако, оценивая философию Эпикура, Гегель вынужден признать положительное значение философии Эпикура в борьбе за научное мировоззрение, против мистицизма и теологии. «То же самое действие, — говорит Гегель, — которое оказало в современном мире возникновение познания законов природы и т. д., оказала также эпикурейская философия в своей сфере, поскольку именно она была направлена против произвольных измышлений причин. Чем больше люди в новейшее время знакомились с законами природы, тем больше исчезали суеверия, чудеса, астрология и т. д. Эпикурейская манера отличалась перед другими преимущественно этой тенденцией, борьбой с бессмысленными суевериями астрологии и т. д., способ рассмотрения которых также не имеет в себе ничего разумного, также не коренится в мысли, а в представлении, и прямо-таки измышлен и, если угодно, лжив»¹). Несомненно, что приведенная характеристика эпикурейской философии, данная Гегелем, который видел ее благотворное влияние в противодействии суеверию греков и римлян, вскрывает всю нелепость ницшевского утверждения, что эпикурейство представляет собой «языческое учение о спасении», и показывает в лице Ницше врага подлинного материалистического атеизма.

Атеизм Эпикура особенно ярко подчеркивает Маркс, называющий Эпикура величайшим греческим просветителем. Маркс приводит похвалу Лукреция Эпикуру, где последний рассматривается как сокрушитель всяких суеверий:

«Жизнь человека постыдно у всех на глазах пресмыкалась
Здесь на земле, удрученная бременем вероучения,
Что из владений небесных главу простирало и сверху
Взор угрожающий свой непрестанно бросало на смертных.
Первый из смертных, кто взоры поднять к нему прямо решился,
Родом из Греции был; он ему воспротивился первый.
И ни святых бессмертных, ни молнья, ни грома раскаты
С неба его удержать не могли...
Так что религии все суеверья у нас под ногами
Вновь очутились, а мы той победою подняты к небу»²).

Подобная оценка показывает беспочвенность ницшевской характеристики философии Эпикура как языческого учения о спасении.

Некоторые считают Ницше врагом христианства. Однако «антихристианские» устремления Ницше весьма сомнительны. Ницше высказывается весьма миролюбиво в отношении христианства. «И быть может, — говорит Ницше, — у христианства и буддизма нет ничего заслуживающего большего уважения, как то искусство, при помощи которого они научают даже самого падшего подняться путем благочестия на более высокую степень иллюзорного порядка вещей и благодаря этому примириться с действительным порядком, при котором живется так тяжело, — хотя эта-то тяжесть существования и необходима!»³). Ницше оправдывает христианство как орудие примирения угнетенных классов с действительностью.

Ницше критикует религию за присущую ей «нивелирующую» тенденцию и проповедь «равенства перед богом». Но Ницше чрезвычайно бережно относится к религии, которую он считает незаменимым орудием охранения этого неравенства. «Разбивая» старые ценности, Ницше производит эту ломку под углом очищения и освобождения этих ценностей от всякого плебейского и демократического содержания. Критика «старых ценностей» у

¹) Гегель. Т. X, стр. 379.

²) Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. I, стр. 66.

³) Ницше. Собр. соч. Т. II, стр. 85.

Ницше носит сугубо реакционный характер. Франц Меринг был неправ, когда считал, что ницшевский имморализм «имеет основание как протест против отвратительного морализирования, которым проникнуто буржуазное писание истории вообще и истории литературы в частности»¹). Имморализм Ницше вовсе не имеет своей целью борьбу против лицемерной буржуазной морали, а открытую защиту морали господ, которая должна навязываться всеми и всякими средствами в борьбе против революционных классов как санкция самой свирепой и кровожадной тирании. Имморализм Ницше не только не колеблет моральных заповедей, находящихся на службе буржуазной собственности, но санкционирует самые свирепые меры в борьбе буржуазии против трудящихся, что он называет «высшим видом морали»:

«Мораль в настоящее время является в Европе моралью стадного животного; следовательно, как мы понимаем вещи, одним из видов человеческой морали, наряду с которой, перед которой и за которой возможны или должны быть многие другие, прежде всего высшие виды морали»²).

Мораль Ницше — мораль воинствующего и дерзающего хищника, открыто и цинично признающего высшей истиной подавление массы ради немногих избранных.

В буржуазной истории философии Ницше принято называть философом культуры. Ницше действительно касается проблем культуры, в решении которых он вполне предвосхищает фашистов. Ницше «критикует» капиталистическую культуру под углом зрения необходимости повышенной агрессии в отношении угнетенных классов. Ницше говорит о «культуре решимости», которая нужна высшим классам. Что же создает такую культуру? Война, отвечает Ницше. Философия культуры у Ницше неразрывно связана с апологией войны, открытой борьбы господствующей касты против трудящихся масс. «Приближается время, — говорит Ницше, — когда будет вестись борьба из-за господства над землей, — она будет вестись во имя основных философских учений. Уже теперь образуется первая группировка сил — люди упражняются в великом принципе кровного расового родства. «Нация» — гораздо более тонкое понятие чем расы, которые в сущности — открытие науки, в настоящее время усвояемое чувством. Войны являются великими истолкователями подобных понятий, да и будут таковыми впоследствии»³). Война является для Ницше высшим толкованием, реализатором высшей культуры. Высшая культура — удел небольшой кучки избранных, которые сочетают свою идеологию с богатством. Ницше поэтому говорит о необходимости для идеолога приобрести монополию на денежном рынке: «Мудрецы должны приобрести для себя монополию на денежном рынке; благодаря их образу жизни и целям получит более возвышенное направление и их богатство; а получить направление от высшего интеллекта для него абсолютно необходимо»⁴). Идеолог монополистического капитализма открыто ставит вопрос о полезности и необходимости в интересах капитала такого идеолога, который переоценивает все ценности в соответствии с требованиями своего класса.

Некоторые рассматривали Ницше как «критика» капиталистической культуры. Но Ницше усматривает декаданс современной ему культуры в ее демократизме и «стадности». Декаданс для Ницше означал поступление господствующим классом своими привилегиями и попытки оправдаться перед «низшими» классами. Ницше требует преодоления декаданса в смысле решительного и агрессивного проведения буржуазией антидемократической поли-

¹) Фр. Меринг «Мировая литература и пролетариат», стр. 186.

²) Ницше. Собр. соч. Т. II, стр. 131.

³) Ницше. Собр. соч. Т. VIII, стр. 375.

⁴) Там же, стр. 372.

тики. Ницше также критикует «декаданс» в науке, пораженной недугом демократизма: «Существует глубокое и совершенно неосознанное влияние декаданса даже на идеалы науки: вся наша социология служит доказательством этого положения. Ей можно поставить в упрек, что она знакома по опыту только с формой упадочного общества и неизбежно осуждена принимать свои собственные упадочные инстинкты за норму социологического суждения. Клонящаяся к упадку жизнь современной Европы формулирует в них свои общественные идеалы: и все они разительно похожи на идеал старых, отживших рас. Поэтому стадный инстинкт, завоевавший теперь верховенство, представляет нечто, вкорме отличное от инстинкта аристократического общества: от ценности единиц зависит то или другое значение суммы... Вся наша социология не знает другого инстинкта, кроме инстинкта стада, т. е. суммированных нулей, где каждый ноль имеет «одинаковые права», где считается добродетелью быть нулем»¹⁾. Ницше связывает декаданс со стадным инстинктом, который он считает опасной болезнью, проникающей все содержание буржуазной культуры. Критика Ницше капиталистической цивилизации в действительности ведется под углом зарождающегося империализма, который в идеологии фашизма находит себе законченное идеологическое выражение.

Проблема искусства также разрешается Ницше в плоскости решительного отрицания объективной истины и утверждения иллюзии как теоретической основы искусства. Художественная ценность представляет в глазах Ницше проекцию воли художника вовне, продукт его субъективной интерпретации, не имеющей ничего общего с объективной действительностью. «Что ценность мира лежит в нашей интерпретации, ...что бывшие до сих пор в ходу интерпретации суть перспективные оценки, с помощью которых мы поддерживаем себя в жизни, т. е. в воле к власти, в росте власти, что каждое возвышение человека ведет за собой преодоление более узких толкований, что всякое достигнутое усиление и расширение власти создает новые перспективы и заставляет верить в новые горизонты, — эти мысли проходят через все мои сочинения»²⁾.

Истина лишена всякого объективного содержания, представляет проецированную вовне ценность, которая одна существует. «Истина» таким образом не есть нечто, что существует и что надо найти и открыть, но нечто, что надо создать и что служит для обозначения некоторого процесса, еще более некоторой воли к преодолению, которая сама по себе не имеет конца»³⁾. Отрицание объективной истины и возведение в идеал иллюзии приводит Ницше к утверждению, что французская драма с присущим ей эстетическим иллюзионизмом «есть высший результат необходимого развития искусства»⁴⁾. Однако искусство, сведенное к иллюзии, перестает быть искусством, источником которого является действительность в полноте ее звуков и красок. Сервантес, Шекспир, Бальзак, Толстой как художественные гении объединяются несмотря на различие эпох глубочайшей способностью реалистического познания жизни в образах. Отрешение от жизни и обращение к иллюзии ведут к смерти искусства. Ницше и приходит к выводу о смерти искусства, которая действительно неизбежна на основе слепящей, намеченной Ницше программы эстетического преобразования: «Не личности, а более или менее идеальные маски; не действительность, а аллегорические обобщения; характеры эпохи, местные краски, ослабленные почти до невидимости и превращенные в мифы»⁵⁾.

¹⁾ Ницше. Собр. соч. Т. IX, стр. 36.

²⁾ Там же, стр. 294. 1910.

³⁾ Там же, стр. 259.

⁴⁾ Ницше. Собр. соч. Т. IV, стр. 158.

⁵⁾ Ницше. Собр. соч. Т. III, стр. 158.

Ницше ведет яростную борьбу против социализма, который он считает выражением декаданса. «Позор для всех социалистических систематиков, — говорит Ницше, — что они думают, будто возможны условия и общественные группировки, при которых не будут больше расти пороки, болезни, проституция, нужда»¹⁾. Борьба против социального неравенства представляется Ницше выражением самого яркого декаданса. Нужда, нищета и проституция, согласно Ницше, являются адекватным выражением самой жизни, которая есть эксплуатация, присвоение, неравенство и угнетение.

Социалистическая революция направлена против капиталистической системы наемного рабства, неотъемлемыми атрибутами которой являются действительно «нужда, нищета и проституция». Революция поэтому является для Ницше симптомом угрожающего декаданса, который необходимо предотвратить, симптомом перевеса «стада» над «вождями». Ницше спрашивает, как можно не видеть, «что революция разрушила инстинкт, влекший к великой организации общества»²⁾. Ницше, которому в отличие от его современных фашистских последователей нельзя отказать в известной тонкости и проницательности ума, предвидит наступление таких времен, когда «Парижская коммуна, находящая себе апологетов и защитников даже в Германии, окажется, пожалуй, только легким «несварением желудка» по сравнению с тем, что предстоит»³⁾. Предвидя неизбежность революционных бурь, угрожающих самому существованию аристократической знати, Ницше, однако, утешается надеждой, что «собственников всегда будет более чем достаточно, что помешает социализму принять характер чего-либо большего чем приступа болезни»⁴⁾. Праздное и беспочвенное утешение, беспочвенность которого особенно ярко выступает на мрачном фоне кровавого фашизма, жесточайшими пытками и репрессиями в отношении рабочего класса пытающегося охранять кучку паразитических собственников от социалистической революции, окончательно сметет систему капиталистического рабства и охраняющих ее фашистских палачей.

¹⁾ Ницше. Собр. соч. Т. IX, стр. 27.

²⁾ Там же, стр. 56.

³⁾ Там же, стр. 78.

⁴⁾ Там же.

О месте Лейбница в истории диалектики

Б. Быховский

I

Половинчатость Канта, двуликость Гете, противоречия, раздиравшие философию Гегеля, — все это дань, которою расплачивалась немецкая культура за экономическую и политическую отсталость Германии, за позднее развитие капитализма, за мелкобуржуазный путь развития, по которому плелась Германия начиная с эпохи реформации. Эту дань, которую немецкая культура платила еще в первой половине XIX века, она платила уже в XVII столетии. Мировоззрение Лейбница — яркое тому свидетельство.

Человек, которого Вико считал, наряду с Ньютоном, величайшим гением эпохи и о котором Дидро писал, что «один этот человек доставил столько чести Германии, сколько Платон, Аристотель и Архимед, вместе взятые, доставили ее Греции»¹⁾, человек этот родился за два года до заключения Вестфальского мира и умер два года спустя после заключения Раштатского мира. Родина Лейбница — Германия после тридцатилетней войны, отсталая, истощенная, теснимая Францией и Турцией извне и раздираемая междоусобицами изнутри. Лейбниц, по собственному его выражению, «был свидетелем разорения Германии, развалины которой еще дымились...; она едва дышала». В 1669 г. состоялась последняя конференция некогда могущественного Ганзейского союза: перемещение морских путей сокрушило былую торговую мощь. В результате войны, мора и голода погибло более половины населения Германии. Отсталое, полуфеодальное сельское хозяйство было разорено вконец. Упадок торговли, недостаток в рабочей силе и особенно в капиталах ослабили цеховую в основном промышленность. Бюргерство было обескровлено. Крестьянская кабала еще более усилилась. Укрепились только бесчисленные паразитические князьки. Вестфальский мир окончательно превратил в фикцию единство Германской империи, этого, по выражению Пуффендорфа, «нелепого и чудовищу подобного тела». Страна была раздроблена на 350 суверенных территорий, и некоторые из них, как княжество Лихтенштейн или ландграфство Гессен-Гомбург, занимали не более двух—трех квадратных миль. В одной только Швабии насчитывалось 97 суверенных властителей. Нетрудно представить, что означало для германской экономики это обилие таможенных барьеров, разнообразие монеты и содержание целой армии придворной челяди. К этому нужно прибавить жесточайшие религиозные распри между протестантами и католиками и непрестанные жертвы, приносимые Габсбургами за счет Германии ради испанского наследства. Германия оставалась по меньшей мере на сто лет позади передовых капиталистических стран.

Без этой отсталости Германии нельзя понять мировоззрения Лейбница,

¹⁾ Ст. «Leibnizianisme» в «Encyclopédie»

его политических идеалов и стремлений, его отношения к религии и специфических особенностей его философии по сравнению с учениями его великих учителей и современников.

Но у Лейбница была вторая родина. Его отечеством была не только Германия, но и то цветущее государство, именем которого Пьер Бейль назвал свой журнал,—его второй родиной была «Республика ученых». Лейбниц не был бы тем, чем он был, без того культурного расцвета передовых европейских стран, который принес с собой молодой и полный сил капитализм, пришедший на смену феодальному строю. Лейбниц родился не только накануне Вестфальского мира, но и накануне английской революции. Лейбниц — современник Кромвеля, великого пенсионария Яна де-Витта и Кольбера. Лейбниц жил в эпоху англо-голландских войн за мировую торговую гегемонию, в эпоху основания Английского банка и Ост-индской компании. Лейбниц вырос не только на классической древности и протестантской теологии, но и на учениях Гоббса, Декарта, Спинозы, Бейля, Паскаля и Локка, Ньютона, Гюйгенса и Бойля. Он жил, когда творили Мильтон, Свифт и Дефо, Лафонтен, Мольер, Корнель, Расин и Буало. Лейбниц был полноправным гражданином этой «République des lettres». Он жил в Англии, Франции, Голландии и Италии. Он был членом Английской и Французской академий. Его учение выросло в переписке и личном общении с идеологами передовых капиталистических стран.

Мировоззрение Лейбница — продукт скрещивания этих двух культур. Обогащенный всеми приобретениями эпохи, Лейбниц в то же время прикован к своему отсталому отечеству. Полет его мысли сдерживается тяжелым грузом бюргерской косности. Отсюда его «лассалевские» черты и примирительные тенденции в политике и религии» (Ленин). Отсюда компромиссность, междуумочность, попытки найти «золотую середину», синкретизм, проникающие все его многогранное творчество.

Философия Лейбница приспособляет передовые буржуазные идеи к условиям Германии, она преломляет их сквозь призму бюргерской ограниченности. Благодаря этому Лейбниц, с одной стороны, — просветитель и глашатай буржуазного прогресса в Германии, с другой — он вносит половинчатость и уступчивость в европейскую философию. Но Лейбниц отнюдь не простой пропагандист заимствованных на Западе идей. Его учение — оригинальный и гениальный синтез, полный блестящих догадок и плодотворных идей.

II

Для выяснения места философии Лейбница в истории диалектики обратимся сначала к вопросу о значении его естественно-научных и математических работ в развитии диалектического понимания природы.

Прежде всего необходимо коснуться космогонической и палеонтологической гипотезы Лейбница, благодаря которой он, вслед за Декартом, подготовил почву для кантовской истории неба, «пробившей первую брешь в метафизическом естествознании нового времени» (Энгельс), и для учения Ляйелля. Мы имеем в виду «Протогею»¹⁾. Примечателен уже самый замысел Лейбница — дать историю земли как введение в историю Германии. История общества мыслится здесь как прямое продолжение истории природы. Природа и общество понимаются как две ступени исторического развития.

Современное состояние земли Лейбниц рассматривает как результат длительного исторического процесса. Самый этот процесс он представляет в общем сходно с космогонией Декарта, исключая вихревую теорию. Но Лейбниц в отличие от Декарта основывает свою гипотезу на опытных данных,

¹⁾ Protogaea, sive de prima facie telluris et antiquissimae historiae vestigiis in ipsis naturae monumentis dissertatio» (L. Dutens, Leibnizii opera omnia, t. II, p. II, p. 181, seq).

полученных преимущественно в рудниках Гарца. Согласно Лейбницу, наша планета ведет свое происхождение от солнца и первоначально сама была огненно-жидким шаром, окруженным оболочкой из раскаленных паров. По мере того как этот шар терял свою теплоту, на поверхности его сначала образовались плавающие в огненно-жидкой массе шлаки (подобием которых является то, что представляется нам в виде пятен на солнце), а в дальнейшем вся остывшая поверхность шара образовала твердую несветящуюся кору. В глубине возникшей таким образом планеты сохранилась огненная масса. Образование земной коры вызвало охлаждение паров, составлявших ее оболочку. Охладившись и сгустившись, пары образовали водную поверхность, первоначально покрывавшую всю земную кору. Напряжении огненных паров в недрах земли и давление воды на земную кору послужили причиной образования трещин, а проникновение огня наружу и воды внутрь вызвало геологические смещения, вулканические явления и землетрясения, которые продолжаются и поныне. Образовались моря и суша, горы и долины. Далее, Лейбниц касается возникновения металлов, минералов и сталактитов, но особенно подробно он останавливается на анализе окаменелостей. Для него окаменелости — не игра природы и не случайность, а необходимый продукт эволюции земли, свидетельствующий о том, что историю имеет не только сама наша планета, но ее имеют и обитатели земли, что животные виды не всегда были такими, каковы они теперь, и что во время земных катаклизмов животные формы подверглись значительным изменениям. Многочисленные рыбные окаменелости служат для Лейбница основанием выдвинуть гипотезу, согласно которой первыми живыми существами были водные животные, наполнявшие океан, который покрывал всю земную поверхность. В дальнейшем образование суши повлекло за собой сначала возникновение амфибий, а затем и сухопутных животных. Таков вклад Лейбница в учение о развитии земли и животного мира, вклад, который не следует недооценивать, памятуя о господствовавших в то время заскорузлых метафизических воззрениях.

Еще больший интерес представляет полемика Лейбница с Декартом о мере движения, историческое значение которой вскрыто Энгельсом в «Диалектике природы» («Мера движения — работа»). Декарт, основываясь на теореме Галилея, признал общей мерой движения тела произведение его массы на скорость. С другой стороны, им был установлен в качестве второго основного закона механики (наряду с законом инерции) закон сохранения движения, согласно которому количество движения в природе всегда остается неизменным. Лейбниц, опираясь на работу Х. Гюйгенса о колебаниях маятника (1669 г.) и применив положение Декарта к анализу падения тел, обнаружил (в 1686 г.) неудовлетворительность установленной Декартом меры движения: «Лейбниц первый заметил, что декартова мера движения противоречит закону падения. Но, с другой стороны, нельзя было отрицать того, что декартова мера оказывается во многих случаях правильной. Поэтому Лейбниц разделил движущие силы на мертвые и живые. Мертвыми силами были «давления» или «натяжения» покоящихся тел; за меру их он принимал произведение из массы на скорость, с которой двигалось бы тело, если бы из состояния покоя оно перешло в состояние движения; за меру же живой силы — реального движения тела — он принял произведение из массы на квадрат скорости... Но далее он доказал, что мера движения mv противоречит декартовой теореме о постоянстве количества движения, ибо если бы она была действительно верна, то сила (т. е. сумма движения) постоянно увеличивалась бы или уменьшалась бы в природе»¹). Таким образом, Лейбниц показал, что декартова мера в случаях реального движения не соответствует

¹ Энгельс, «Диалектика природы». (Собр. соч. М. и Э. Т. XIV, стр. 549).

ни действительности, ни собственному декартову закону сохранения движения.

Лейбниц не ограничился тем, что установил новую меру движения, выражавшую переход от статики к динамике: он заменил и декартов закон сохранения движения законом сохранения силы. И тот и другой закон исходят из равенства причины и действия. Но в отличие от Декарта Лейбниц различает движение и движущую силу, и реальной причиной он считает не движение, а силу, лежащую в его основе. В соответствии с этим, согласно Лейбницу, «в действии содержится не более и не менее силы, чем в причине»¹⁾, и «полное действие эквивалентно своей причине»²⁾, но полное действие силы не тождественно с перенесенным механическим движением, и сказанное не является основанием для признания постоянства количества механического движения. Лейбницу были еще не известны понятия потенциальной и кинетической энергии, но его открытия предугадывают их. Используя понятие бесконечно малых, он рассматривает реальное движение как результат суммирования бесконечно малых побуждений к движению, на известной ступени переходящих в фактическое движение. Кроме того Лейбниц опирался здесь на превращение молярных движений в молекулярные. «Мне возражают,—писал он Кларку,—что два мягких или неэластичных тела при своем столкновении теряют в силе. На это я отвечаю, что дело обстоит не так. Если рассматривать только совокупную массу и ее совокупное движение, то здесь, конечно, есть потеря в силе; но последняя переносится на частицы, которые приходят в движение внутри в силу этого столкновения. Вследствие этого потеря является только кажущейся: сила не исчезла, а рассеялась в мельчайшие частицы; стало быть, она не пропала, а с нею произошло то, что происходит при размене крупной монеты на мелкие»³⁾.

Здесь мы вплотную подошли к ответу на вопрос о значении лейбницевского закона сохранения силы и связанных с ним двух мер движения в истории развития диалектической мысли в науке о природе. Энгельс следующим образом резюмирует свое исследование о двух мерах движения: «Таким образом мы находим, что механическое движение обладает действительно двоякой мерой, но убеждаемся также, что каждая из этих мер годится для определенного, ограниченного круга явлений. Если имеющееся уже налицо механическое движение переносится таким образом, что сохраняется в качестве механического движения, то оно передается согласно формуле произведения массы на скорость. Если же оно передается таким образом, что исчезает в качестве механического движения, возникая заново в виде потенциальной энергии теплоты, электричества и т. д., — словом, превращается в другую форму движения, то количество этой новой формы движения пропорционально произведению первоначально двигавшейся массы на квадрат скорости. Словом: mv — механическое движение, измеряемое механическим же движением; $\frac{mv^2}{2}$ (что этой мерой является по лупроизведению, Лейбницу еще не было известно. — Б. Б.) — механическое движение, измеряемое его способностью превращаться в определенное количество другой формы движения»⁴⁾. В этом суть открытия Лейбница: оно является завязью закона сохранения и превращения энергии. В то время как для декартова закона не существует превращения механического движения, лейбницев закон устанавливает, что полное действие силы не исчерпывается перенесенным механическим движением, т. е. предполагает превращение механического движения в другие формы. Вместе с тем это предугадание понятия

¹⁾ «Specimen dynamicum».

²⁾ Письмо к де Л'Опиталю от 15.I 1696.

³⁾ Пятое письмо Кларку, § 99.

⁴⁾ Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. XIV, стр. 558.

потенциальной энергии является выражением важнейшего диалектического принципа: покой — частный случай движения.

Однако, и это характерно для всего мировоззрения Лейбница, элементы диалектики природы неразрывно связываются им с идеализмом его философской системы. Лейбниц не делает, конечно, из своих открытий вывода о неудовлетворительности механической формы материализма. Он делает вывод о неудовлетворительности материализма как такового, и критика механистического понятия движения перерастает у него в обоснование идеализма, в утверждение, что «движение само по себе не является абсолютным и реальным»¹⁾ и истиной его является форма, энтелехия или сила²⁾. Таким образом, с одной стороны, Лейбниц извращает свои выдающиеся физические открытия, ставя их на службу идеализму, а, с другой стороны, его идеалистическая метафизика оказывается благодаря этому глубоко связанной с положительным научным содержанием.

Мы только что упомянули о бесконечно малых побуждениях к движению, из суммации которых возникает реальное движение. Эти бесконечно малые побуждения — одно из применений Лейбницем провозглашенного им в качестве универсального принципа «закона непрерывности». Прообразом этого закона послужило для Лейбница дифференциальное и интегральное исчисление, разработка которого составляет величайшую научную заслугу Лейбница. Исчисление бесконечно малых величин наряду с учением о микроорганизмах было тем научным открытием, которое определило форму его идеализма.

Маркс называет дифференциальное исчисление Лейбница (а равно и Ньютона, разделяющего с Лейбницем славу творца учения о бесконечно малых) мистическим, в том смысле, что пользование им было у них не обосновано и превращение

$$x_1 = x + \Delta x \text{ в } x_1 = x + dx \text{ или } = x + x^0$$

представлялось непонятным и необъяснимым. Приращение и пренебрежение этим приращением казались здесь совершенно не оправданными, а между тем новооткрытое исчисление давало совершенно правильные, а в геометрическом применении прямо поразительные результаты³⁾. Отсутствие рационального обоснования, разумеется, не умаляет исторической заслуги основоположника дифференциального исчисления. Новый метод был сформулирован, оправдал себя на практике и вошел в железный арсенал науки.

Дифференциальное исчисление является непосредственным развитием учения Декарта о переменных величинах. Это последнее было «поворотным пунктом в математике... Благодаря этому в математику вошли движение и диалектика»⁴⁾. «Как математика переменных относится к математике постоянных величин, так и диалектическое мышление вообще относится к метафизическому»⁵⁾. Благодаря введению в математику переменных величин «стало немедленно необходимым дифференциальное и интегральное исчисление, зачатки которого вскоре были заложены и которое было в целом завершено, а не открыто Ньютоном и Лейбницем»⁶⁾. Спираясь на работы Кавальери и Паскаля, Лейбниц в 1684 г. сформулировал метод дифференциального, а в 1686 г. интегрального исчисления. Задача нового метода состояла «в определении бесконечно малого приращения функции $f(x)$ при бесконечно малом изменении переменной x ».

Дифференциальное исчисление по самому существу своему диалектично. Объектом анализа бесконечно малых или «мгновенных приращений» является

¹⁾ «Brevis demonstratio erroris Cartesii».

²⁾ «Specimen dynamicum».

³⁾ К. Маркс. Математические рукописи («ПЗМ» за 1933 г. № 1, стр. 63 и сл.).

⁴⁾ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XIV, стр. 426, 427.

⁵⁾ Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг». Собр. соч. М. и Э. Т. XIV, стр. 122.

⁶⁾ Ф. Энгельс. «Диалектика природы». Там же, стр. 427.

самый процесс изменения величин. Закоснелые в своей раз навсегда данной определенности количества уступают здесь место становлению количества. Конечное и бесконечное выступают не как оторванные друг от друга абстракции, а в своем взаимопроникновении. «В силу моего закона непрерывности, — говорит Лейбниц, — покой можно рассматривать как бесконечно малое движение, т. е. как эквивалент некоторой разновидности его противоположности»¹⁾. «Покой, равенство и круг составляют предельные случаи движений, неравенств и правильных многоугольников, которые благодаря непрестанному изменению в состоянии исчезновения в конце концов превращаются в них»²⁾.

Энгельс, опровергая идеалистическое понимание математики, говорит о «тайне, окружающей... применяемые в исчислении бесконечно малых величин дифференциалы... будто здесь имеют дело с чистыми, свободными творениями и созданиями человеческого духа, для которых нет ничего соответственного в объективном мире. Между тем справедливо как раз обратное. Мы встречаем для всех этих мнимых величин прообразы в природе»³⁾. В одной своей части, и притом в решающей, это обвинение применимо и к Лейбницу. Не процессы природы являются для него прообразами исчисления бесконечно малых, а, напротив, рациональные принципы дифференциального исчисления являются, по его мнению, прообразами соответствующих им процессов природы. «Реальное всецело подчинено идеальному и абстрактному»⁴⁾, утверждает Лейбниц. Идеальные законы первичны, реальные процессы в природе вторичны. Лейбниц ставит здесь на голову подлинное отношение действительности к ее отражению в идеях, но он не разрывает этого отношения и не говорит, что для этих идей нет ничего соответственного в объективном мире. Напротив, дифференциальное исчисление становится у него руководящим методологическим принципом для всего понимания природы и даже для понимания общественной жизни. «Бесконечное и бесконечно малое так прочно обоснованы, — заявляет он, — что все выводы геометрии и даже все явления природы совершаются таким образом, точно оба они (т. е. бесконечное и бесконечно малое. — Б. Б.) вполне реальны»⁵⁾. Исчисление бесконечно малых становится у Лейбница прототипом самых разнообразных процессов в природе: физических, биологических, психологических. Бесконечно малые движения, бесконечно малые восприятия и «незаметный прогресс в политике»⁶⁾ — все это различные проявления закона непрерывности. Но здесь мы подошли к вопросу о том, как претворились диалектические мотивы естественно-научных и математических творений Лейбница в его философской системе, и вместе с тем к более общему вопросу о том, каково соотношение диалектики и метафизики в идеализме Лейбница и каково его место в истории диалектики.

III

Скажем прямо с самого начала: идеализм Лейбница в основе своей есть метафизический идеализм, что нисколько не мешает ему иметь выдающееся значение в истории диалектики. В этом отношении Лейбниц может быть уподоблен Канту. Кантовская логика и теория познания, равно как и его этика, базируются на метафизическом фундаменте, и тем менее Кант по праву носит имя родоначальника немецкого классического идеализма, идеализма диалектического.

¹⁾ Письмо Вариньону от 2.II.1702.

²⁾ Цит. по перев. А. Buchenau: «Rechtfertigung der Infinitesimalrechnung durch den gewöhnlichen algebraischen Kalkül».

³⁾ Ф. Энгельс. «Примечания к «Анти-Дюрингу». Собр. соч. М. и Э. Т. XIV, стр. 344.

⁴⁾ То же письмо Вариньону.

⁵⁾ Там же.

⁶⁾ «Nouveaux essais sur l'entendement humain». Avant-propos.

«Наши рассуждения, — заявляет Лейбниц, — основываются на двух великих началах: на начале противоречия, в силу которого мы считаем ложным то, что скрывает в себе противоречие, и истинным то, что противоположно или противоречит ложному, и на начале достаточного основания...»¹⁾ На начале противоречия (или на законе тождества) основаны необходимые истины, которыми оперируют математика и метафизика. Эти истины являются тождественными суждениями или сводятся к ним. Доказательство их заключается в том, чтобы посредством анализа суждения показать, что его субъект и предикат совпадают или что последний содержится в субъекте²⁾. В «Новых опытах» Лейбниц пространно полемизирует с Локком по вопросу о значении силлогизма и тождественных суждений, стараясь доказать их логическую ценность и значение. Таким образом необходимые истины Лейбниц всецело подчиняет основному закону формальной логики.

Вторым основным законом познания Лейбниц считает закон достаточного основания. Закон этот гласит: «Ничто не происходит без основания, в силу которого оно произошло именно так, а не иначе». Дидро замечает, что принцип этот не нов и им уже пользовались древние. Конечно, сам по себе принцип всеобщей обусловленности или причинности очень стар. Новизну придает ему в учении Лейбница то применение, которое он получает в логике, и то специфическое содержание, которое в него вкладывается.

Закон достаточного основания выступает у Лейбница как основоположение логики и теории познания наряду с законом противоречия, ограничивая и дополняя последний. Введение этого второго логического основоположения связано с разделением истин на два рода: необходимые и случайные, рациональные и фактические, априорные и апостериорные. Мы уже знаем, что необходимыми являются те истины, логическая природа которых исчерпывается законом противоречия: это тождественные суждения или производные от них. Необходимые истины всецело рациональны, независимы от опыта и априорны. Необходимым истинам Лейбниц противопоставляет истины случайные. «В случайных истинах, хотя предикат и содержится в субъекте, но тем не менее никогда не может быть доказано, что он принадлежит последнему. Здесь, таким образом, суждение никогда не может быть сведено к равенству или к тождеству, напротив, подобная попытка продолжалась бы до бесконечности»³⁾. Дело здесь не просто в несовершенстве нашего разума. Сам бог не видит конца такому сведению, так как «подобного конца не существует». Итак, есть истины, логическая природа которых не исчерпывается законом тождества, и закон этот непригоден в качестве критерия их истинности или ложности. «Вещь сама по себе нисколько не станет противоречивой, если она не вызовет некоторого следствия; в этом и состоит случайность»⁴⁾. Таким образом, фактические истины являются случайными, содержащими в себе неразстворимый в законе тождества остаток. Эти истины не могут быть выведены из чистого формально-логического разума, они апостериорны⁵⁾, зависимы от опыта. Для случайных истин вводится поэтому дополнительный критерий — всеобщий закон достаточного основания. Если в математике достаточно одного закона противоречия, то «для перехода от математики к физике необходим еще другой принцип... а именно — принцип достаточного основания»⁶⁾.

Учение Лейбница о двух родах истин подготовило кантовское деление

¹⁾ «Монадология» §§ 31—32.

²⁾ «De libertate».

³⁾ «Considérations sur la doctrine d'un esprit universel».

⁴⁾ «Теодицея», § 44.

⁵⁾ «Nouveaux essais», I. IV, с. IX, § 2.

⁶⁾ Второе письмо Кларку, § 4.

суждений на аналитические и синтетические. Как то, так и другое учение выражало сознание недостаточности старой формальной логики, но ни Лейбниц, ни Кант не заложили основ диалектической логики. Кант через априорные синтетические суждения пришел к трансцендентальной логике, формальной и метафизической вопреки своей миссии. Лейбниц пошел иным путем: для обоснования синтетических суждений он обратился не к человеческому рассудку, а к божественному разуму. Закон достаточного основания является выражением «моральной необходимости». Логическая необходимость, основанная на законе противоречия, дополняется моральной необходимостью, основанной на целенаправленном разуме бога. Физика приводит к богословию, закономерность — к телеологии. Но даже божественная моральная необходимость не может, согласно Лейбницу, противоречить закону тождества. Если она не является логически необходимой, то она все же должна быть логически возможной. Она может быть сверхразумной, но не противоразумной. Таким образом формальная логика сохраняет свои prerogatives даже в небесном царстве. Этот рационалистический теизм имеет свой положительный смысл, но к созданию диалектической логики такой путь во всяком случае не ведет.

Логические устремления Лейбница направлены в другую сторону — в сторону расширения и обогащения формальной логики. Он хотел дополнить логику необходимости логикой вероятности. Он хотел создать высшую формальную логику, по сравнению с которой существующая логика была бы тем, чем является азбука по сравнению с наукой, логику, к которой силлогистическая логика относилась бы как частный случай, как арифметика к алгебре. Он хотел создать своего рода универсальную математику, некую алгебру логики. Во времена Лейбница это означало расширение тесных границ силлогистической логики. Это вносило в логику свежую струю, идущую от блестящих математических открытий XVII века. Но когда в наше время, после Гегеля и Маркса, поднимают на щит ультраформальную и архиметафизическую «логистику», — это означает логическую реакционность, уход от живой жизни современной науки, попятное движение к модернизированной силлогистике.

Но возвратимся к Лейбницу. Хотя его система покоится на метафизических логических основаниях, тем не менее она глубоко проникнута идеей развития. «Я принимаю также за бесспорную истину, — пишет он в наброске своей системы, предназначенном для Евгения Савойского, — что всякое сотворенное бытие, а следовательно, и сотворенная монада, подвержено изменению и даже что это изменение в каждой монаде непрерывно»¹⁾. «Я не знаю, — отвечает он Фуше, — никаких пустых, бесполезных и бездеятельных масс. Всюду есть деятельность... Нет ни тела без движения, ни субстанции без усилия»²⁾. Тело без движения — противоречащая природе фикция³⁾. «Организованные тела точно так же, как и все другие, покоятся лишь по видимости, а не в точном смысле слова. Они подобны потоку, постоянно меняющему свои воды, или кораблю Тезея, который афиняне постоянно починяли»⁴⁾. «Настоящее всегда таит в своих недрах будущее»⁵⁾. Мы уже указывали ранее, что Лейбниц отрицает абсолютный покой, и покой для него — лишь незаметное, бесконечно малое движение. Таким образом «Лейбниц через теологию подходил к принципу неразрывной (и универсальной, абсолютной) связи материи и движения» (Ленин). Центральное понятие его филосо-

¹⁾ «Монадология», § 10.

²⁾ «Eclaircissement du nouveau système de la communication des substances pour servir de réponse au mémoire de M. Foucher».

³⁾ «Nouveaux essais...», I, II, c. I, § 12.

⁴⁾ Там же, II, XXVII, 4.

⁵⁾ Цит. письмо Вариньону.

фии — монада как простая субстанция — насквозь динамично. Субстанциальность для него тождественна с активностью, самодеятельностью. «То, что не действует, что не имеет в себе деятельной силы... никоим образом не может быть субстанцией»¹⁾. «Нельзя объяснить, в чем состоит существование субстанции, если отнять у нее деятельность»²⁾. «За это, верно, — полагает Ленин, — и ценил Маркс Лейбница».

Но является ли это основанием для признания идеализма Лейбница диалектическим? И как уживается проведение идеи развития с метафизическими, логическими основоположениями? К правильному ответу на этот вопрос мы придем, если в основу нашего анализа положим ленинский тезис о двух концепциях развития.

«Две основные... концепции развития... суть: развитие, как уменьшение и увеличение, как повторение, и развитие, как единство противоположностей (раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношение между ними). При первой концепции движения остается в тени с а м о движение, ег о д в и г [а т е л ь н а я] сила, его источник, его мотив (или сей источник переносится во вне — бог, субъект etc). При второй концепции главное внимание устремляется именно на познание и с т о ч н и к а [с а м о д в и ж е н и я]. Первая концепция мертва, бедна, суха. Вторая — жизненна. Только вторая дает ключ к «самодвижению» всего сущего; только она дает ключ к «скачкам» к «перерыву постепенности», к «превращению в противоположность», к уничтожению старого и возникновению нового»³⁾. Ленинская формулировка дает совершенно ясный и недвусмысленный критерий для решения интересующего нас вопроса. В свете этой формулировки рассмотрим лейбницеву концепцию развития и ее мнимую несовместимость с формально-логическими принципами монадологии.

Эта концепция с полной отчетливостью выражена Лейбницем в двух подчиненных известным нам основоположениям универсальных законов: в законе непрерывности и в законе неразличимости. Согласно закону непрерывности, «все порядки естественных существ необходимо образуют одну единственную цепь, в которой различные классы, подобно кольцам, так тесно сомкнуты друг с другом, что ни чувство, ни воображение не могут в точности указать ту точку, где начинается один и кончается другой: все пограничные виды, т. е. все виды, расположенные, так сказать, вдоль оси и по сечению, должны быть двойкими и отличаться признаками, которые с равным правом можно отнести к обоим смежным видам»⁴⁾. Другими словами: «В природе все идет постепенно, в ней нет скачков»⁵⁾. «Ни один переход не происходит скачкообразно... Я полагаю, что это имеет силу не только по отношению к переходам с одного места на другое, но и по отношению к переходам от одной формы к другой, из одного состояния в другое»⁶⁾. Таким образом закон непрерывности есть не что иное, как со всей возможной отчетливостью сформулированное отрицание перерывов постепенности. Это сознательная и последовательная непрерывно эволюционная концепция развития. Там, где опыт свидетельствует против принципа непрерывности, Лейбниц усматривает несовершенство и ограниченность опыта, но не нарушение универсальности закона непрерывности. Перерывы постепенности, скачки, отсутствие промежуточных звеньев — лишь видимость в пределах ограниченного кругозора. Видимость эта имеет свое достаточное основание, но это все же только видимость. «Для красоты природы, требующей раздельных, отчетливых восприя-

¹⁾ «De ipsa natura», § 15.

²⁾ Письмо Бурже от 22/III. 1714.

³⁾ «Ленинский сборник» XII, стр. 324.

⁴⁾ Цит. письмо Вариньону.

⁵⁾ «Nouveaux essais», I, IV, с. XVI. § 12.

⁶⁾ Письмо де Волдеру от 24/III — 3/IV. 1699.

тий, необходимы видимость скачков и, так сказать, музыкальные интервалы в явлениях»¹⁾). Но это лишь результат смешения в расположении видов. Такое «рациональное» обоснование видимости скачков как довод в пользу их нереальности напоминает строй мысли кантовских антиномий. Как там, так и здесь диалектический принцип отвергается и объявляется необходимой видимостью. Конечно, отрицательная диалектика Канта несравненно глубже.

Закон непрерывности, несомненно, инспирирован анализом бесконечно малых. Это не что иное, как метафизически истолкованное и обобщенное до степени универсального методологического принципа дифференциальное исчисление: метафизически истолкованное, так как оно лишено единства прерывности и непрерывности и тем самым приведено в соответствие с формальной логикой; обобщенное, так как у Лейбница оно становится принципом развития всех процессов природы. Всюду Лейбниц ищет промежуточные звенья, старается перекинуть мост от одного вида к другому, заполнить перерывы постепенности. В этом есть, впрочем, и диалектическая сторона: он релятивирует грани и абсолютные противопоставления. Лейбниц отрицает абсолютный разрыв агрегатных состояний материи: «всякое твердое тело обладает в известной степени жидкостью, а всякая жидкость — в известной мере твердостью»²⁾). Он ополчается против картезианского абсолютного разрыва между животным и человеком и с большим удовлетворением подхватывает сведения о зоофитах, стирающих непроходимую грань между животным и растением. Понятие бесконечно малых изменений в его эволюционистской трактовке становится у Лейбница как бы универсальной отмычкой. В физике — бесконечно малые движения, в этике — полуудовольствия и бесконечно малые влечения, в психологии и теории познания — бесконечно малые восприятия, а в политике — постепенные реформы, проводимые сверху.

Так разрешается мнимая трудность увязки метафизических основ философии Лейбница с пронизывающей ее идеей развития: мы имеем здесь дело с метафизической концепцией развития. Это можно проследить даже на отдельных блестящих образцах диалектики, встречающихся у Лейбница. Так например он утверждает, что «закон для покоящихся тел есть лишь особенный случай всеобщего закона для движущихся тел, закон равенства в известной мере — случай закона неравенства, закон для криволинейных фигур точно так же есть разновидность закона для прямолинейных. Это имеет общее значение, поскольку имеет место переход элементов, принадлежащих одному и тому же роду, в некоторую противоположную разновидность этого понятия»³⁾). Здесь как будто сформулировано диалектическое положение о переходе в свою противоположность. Но если присмотреться внимательнее к рассуждению Лейбница, то нетрудно заметить, что этот переход совершается на основе закона непрерывности, без перерыва постепенности, путем количественного перерастания. Это не диалектический переход в новое, противоположное качество, а ступеньевание противоположности посредством бесконечного множества промежуточных звеньев.

Наше понимание лейбницево́й концепции развития получает дальнейшее подтверждение, если обратиться к закону неразличимости, вернее, к закону тождества неразличимого. Согласно этому закону, «в природе нет двух реальных, абсолютно неразличимых существ»⁴⁾, «таким образом два физических индивида никогда не будут совершенно одинаковы, и, более того, один и тот же индивид будет переходить из одного вида в другой, так как он ни-

¹⁾ «Nouveaux essais», I. IV, с. XVI, § 12.

²⁾ «Nouveaux essais», I. II, с. I, § 9.

³⁾ «Initia rerum mathematicarum metaphysica».

⁴⁾ Пятое письмо Кларку, § 3.

когда больше одного мгновения не похож вполне на самого себя»¹⁾. В этом законе мы снова находим идею постоянной изменчивости, но на этот раз как будто обогащенную принципом качественного многообразия. Такой вывод кажется особенно правильным, так как закон этот направлен Лейбницем в первую голову против атомизма с его абсолютным тождеством частей материи. А если припомнить, что Лейбниц был горячим поборником аналогии всех вещей в природе, то в законе неразличимости, казалось бы, можно усмотреть понимание природы как единства тождества и различия. Но все это было бы натяжкой, причислванием Лейбница под Гегеля. На самом деле закон неразличимости — лишнее подтверждение того, что лейбницева идея развития не выходит за пределы метафизического миропонимания, так как единственное реальное различие, признаваемое Лейбницем, есть различие количественное. «Единственная имеющаяся здесь разница, — пишет он в «Новых опытах», — это разница между большим и малым, заметным и незаметным»²⁾. Закон неразличимости теснейшим образом связан с законом непрерывности, и Лейбниц с полной ясностью говорит об этой связи. Ведь единственным различием субстанций является большая или меньшая ясность и отчетливость восприятий, и весь мир представляется Лейбницу как непрерывный ряд различающихся по своей степени восприятий. Выдвигая против атомизма принцип неразличимости, Лейбниц хочет обосновать индивидуальность монад, но эта индивидуальность определяется местом на лестнице монад, т. е. хотя и не только нумерически, но все же чисто количественно. Но дело здесь не только в том, что Лейбниц против экстенсивной количественности атомистов выдвигает интенсивную количественность монад, но и в том, что материалистической количественности противопоставляется количественность идеалистическая.

Если учесть все это, то нет ничего удивительного в том, что мы находим у Лейбница типичные для механистического сведения формулировки. «В конечном счете все физические причины сводятся к механическим, и физическими мы называем их постольку, поскольку их механизм для нас неясен»³⁾. «То, что происходит в теле человека и всякого другого живого существа, является столь же механическим, как то, что происходит в часах»⁴⁾. При этом, конечно, подразумевается вторичность самой механики.

К закону неразличимости непосредственно примыкает один из самых замечательных диалектических взлетов лейбницевой мысли: мы говорим о его формулировке принципа всеобщей связи и взаимозависимости. Все связано со всем, учит Лейбниц. Мир состоит из бесконечного множества взаимосвязанных вещей, и нет такой вещи, которая была бы настолько мала или настолько удалена, что не принимала бы участия в этом всеобщем взаимодействии. «Каждое тело подвергается воздействию не только тех тел, которые с ним соприкасаются и чувствуют некоторым образом все то, что с последними происходит, но через посредство их испытывают влияние и тех тел, которые соприкасаются с первыми, касающимися его непосредственно. Отсюда следует, что подобное сообщение происходит на каком угодно расстоянии. И следовательно, всякое тело чувствует все, что совершается во вселенной, так что тот, кто все видит, мог бы в каждом теле прочесть, что совершается повсюду, и даже то, что совершилось или еще совершится, замечая в настоящем то, что удалено по времени и месту»⁵⁾. Каждая вещь есть звено всемирной цепи, или, вернее, петля всемирной сети вещей. Нет ничего изолированного, обособленного. «Индивидуальность заключает в себе беско-

¹⁾ «Nouveaux essais», I, III, c. VI, § 14.

²⁾ Там же, I, IV, c. XVI, § 12.

³⁾ «De secretione animalis».

⁴⁾ Пятое письмо Кларку, § 116.

⁵⁾ «Монадология», § 61.

нечность». Это уже не язык метафизика. «Тут своего рода диалектика и очень глубокая, несмотря на идеализм и поповщину» (Ленин). Тут дана четкая формулировка единства всеобщего и единичного, конечного и бесконечного. В свете этой формулировки закон достаточного основания представляется в новом аспекте: он поднимается Лейбницем на уровень категории взаимосвязи.

Но и это лишь диалектическая нить, вплетенная Лейбницем в метафизическую ткань его философии. Всеобщая связь вещей выступает в системе Лейбница как хрупкая надстройка над всеобщей метафизической разорванностью. Ведь связью этой мы обязаны предустановленной гармонии, внесенной богом в мир независимых, непроницаемых монад, не имеющих ни окон, ни дверей. Ведь развитие каждой отдельной монады не складывается в процессе всеобщего взаимодействия, а всецело преформировано, предначертано заранее и заключено в самой монаде, как растение в семени. Ведь система Лейбница категорически исключает реальное взаимодействие монад друг друга и зависимость развития каждой монады от всех остальных. Принцип взаимодействия должен спасти то, что уничтожает учение Лейбница о субстанции, и он настолько чужд посылкам монадологии, что понадобился сам господь бог, чтобы своим всемогуществом водворить этот принцип в систему Лейбница. Ведь принцип взаимосвязи потому и приобретает здесь уродливую теологическую форму, что он внесен в метафизическую систему и должен преодолеть «те милые препятствия, которые сочинила сама себе метафизика XVII и XVIII столетий — Бэкон и Локк в Англии, Лейбниц в Германии, — и которыми она заградила себе путь от понимания единичного к пониманию целого, к проникновению во всеобщую связь сущего»¹⁾. Блестящая историческая заслуга Лейбница, — что он чувствовал эту ограниченность исходных положений своей системы и надстроил над ней принцип взаимосвязи. Задача последующей философии заключалась в том, чтобы изменить самую логическую основу и на новом фундаменте возвести здание философии, достаточно просторное, чтобы не нуждаться в подобных надстройках. Разрешение этой задачи составило историческую миссию немецкого классического идеализма, но окончательно выполнена она была только на материалистической почве в учении Маркса и Энгельса.

Учение Лейбница о познаваемости объективного мира содержит в себе все положительные и отрицательные стороны его учения о гармонии монад. Связь между его теорией познания и онтологией самая прямая и тесная. Поскольку сущность монад заключается в их восприятии, учение о познании непосредственно вытекает из учения о бытии. Теория врожденных идей предопределена учением о субстанциальности монад. Перерастание бессознательных восприятий в сознательные представления неотделимо от учения о саморазвитии монады, с одной стороны, и о лестнице монад — с другой.

Особый интерес представляет своеобразная лейбницаева «теория отражения», к которой полностью относится сказанное нами о принципе взаимосвязи. Эта теория представляет прямую противоположность материалистической теории отражения. Для Лейбница воздействие объективного мира на наши органы чувств (а тем более взаимодействие общественного человека и объективного мира) не является источником познания. Напротив, прямое воздействие на нас объективной реальности безусловно исключается монадологией. Тем не менее познание отражает объективный мир. Более того, «каждая сотворенная монада представляет всю вселенную», «вселенная отображается в душе»²⁾. Отображение это осуществляется в силу предустановленной гармонии между душой и телом, а так как в силу той же гармонии каждое тело связано со всей вселенной, то и каждая душа «отображает не только

¹⁾ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XIV, стр. 339—340.

²⁾ «Монадология», §§ 62—63.

свое собственное тело, но и всю вселенную». Таким образом, Лейбниц совмещает отображение в познании объективного мира с врожденными идеями как устоями всего нашего познания. Здесь соотношение противоположно кантовскому агностицизму. Там «вещи в себе» служат реальным источником нашего опыта, но не отображаются в нем. Здесь реальные вещи отображаются в нашем познании, но не служат его источником. При всем различии обоих учений в основе того и другого лежит метафизическое понимание соотношения между объектом и субъектом познания. У Канта это метафизическое понимание приводит к агностическому дуализму, у Лейбница — к идеалистическому рационализму.

Сказанным не исчерпывается лейбницева «теория отражения». Она у него прочно увязана с известным уже нам принципом неразличимости. Так как нет двух одинаковых монад, а каждая из них отлична от других и занимает вследствие этого иное положение на лестнице монад, то в каждой душе вселенная отображается по-иному. «Всякая монада есть зеркало вселенной на свой образец»¹⁾. Но Лейбниц не нарушает этим объективности познания, не вносит субъективистского релятивизма. Каждое индивидуальное познание представляет собой иную проекцию объективного мира.

Итоги нашего анализа ясны. Методология Лейбница в основе своей выражает метафизическую концепцию развития. Источником самодвижения монады является не раздвоение единого, не внутренняя борьба противоположностей; Лейбниц переносит его во вне, приписывает его богу. Развитие у Лейбница не знает скачков и перерывов постепенности. Не борьба противоположностей, а примирение и сглаживание их, «всеобщее согласие» характерно для его образа мышления.

Лейбниц — метафизик, но Лейбниц — гениальный метафизик. В путях его метафизической системы то здесь, то там бьется диалектическая мысль. Его философия метафизична в целом, она диалектична в отдельных своих частностях. Метафизическая оболочка часто оказывается тесной для выросшей на блестящих естественнонаучных и математических открытиях методологии. Но и там, где Лейбниц вплотную подходит к диалектике, он подходит к диалектике идеалистической. Более того, элементы диалектики поставлены у него на службу идеализму. Деятельное значит для Лейбница духовное, противостоящее материальному, инертному, косному. Динамическое понимание монады является для него методом борьбы против материалистического понятия субстанции.

«Случается, — пишет Дидро, — что какой-нибудь человек обнаруживает больше гениальности в своем заблуждении, чем другой в открытии истины. Я нахожу больше творческой мысли в «предустановленной гармонии» Лейбница или в его «оптимизме», чем во всех произведениях геологов всего мира, чем в величайших открытиях в математике, в механике или в астрономии»²⁾. Великого французского материалиста, который сам дал блестящие образцы диалектического мышления, пленяли зарницы диалектической мысли, сверкающие в творениях гениального немецкого идеалиста. Именно в этих проблесках, пробивающихся сквозь метафизическую систему, — великое значение Лейбница. Именно им он обязан тем, что Маркс говорил о своем «преклонении перед Лейбницем». Именно им он обязан тем, что Ленин, работая над теорией материалистической диалектики, изучал Лейбница наряду с такими корифеями диалектики, как Гераклит, Аристотель, Гегель. И именно эта сторона философии Лейбница не существует для буржуазных фальсификаторов истории философии.

¹⁾ «Монадология», § 63.

²⁾ «Опровержение произведения Гельвеция «Человек».

К вопросу о марксистском понимании религии

(О религиозной форме отражения)

Е. Муравьев и В. Шохор

1. Религия—одна из форм отражения бытия людей

Религия наряду с прочими идеологическими надстройками является одной из форм общественного сознания людей. Окружающая людей действительность служит единственным источником, откуда сознание людей получает свой материал.

Маркс и Энгельс писали, что «сознание людей никогда не может быть чем-либо иным, как сознанным бытием»¹⁾. Сознание людей представляет собой отражение их бытия. В своих мыслях, представлениях, чувствах люди отражают объективный мир, свои отношения друг к другу, свои собственные свойства. Даже самые абстрактные понятия людей являются лишь продуктами мыслительной обработки восприятий людьми окружающей их действительности и представляют собой отражение отдельных ее сторон, черт и т. д. Самые отвлеченные представления людей могут отправляться только от этой действительности.

Допускать какой-либо другой источник представлений людей, кроме реального мира (т. е. кроме материального источника сознания), — это значит допускать существование какого-то нематериального источника, существующего вне сознания людей, т. е. бога, или же приписывать самому сознанию какой-то внутренний сверхъестественный источник, т. е. тоже допускать существование бога.

Каждая форма общественного сознания есть род отражения бытия. Признание этого положения является первой и основной предпосылкой научного подхода к рассмотрению идеологий. По этой линии проходит раздел между материализмом (который из бытия людей выводит их сознание) и идеализмом (который из сознания выводит бытие). Материалистическое объяснение идеологий заключается именно в том, чтобы выводить их из общественного бытия людей. «Если, — писал Ленин, — материализм вообще объясняет сознание из бытия, а не наоборот, то в применении к общественной жизни человечества материализм требовал объяснения общественного сознания из общественного бытия»²⁾.

Только материалистическое понимание научно. Только оно дает реальное знание. Идеализм во всех своих разновидностях в конечном счете оперирует вымыслами, спекуляциями. Мистифицируя сознание, рассматривая его как самостоятельную (субстанцию и выводя из него бытие, идеализм ставит

¹⁾ Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. IV. «Немецкая идеология», стр. 16.

²⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XVIII, стр. 12.

вещи на голову. Маркс и Энгельс дали очень меткую характеристику идеалистической философии, назвав ее «спускающейся с неба на землю».

Противопоставляя идеализму младогегельянцев свое материалистическое понимание истории, Маркс и Энгельс писали: «В полную противоположность немецкой философии, спускающейся с неба на землю, мы здесь поднимаемся с земли на небо, т. е. мы исходим не из того, что люди говорят, воображают, представляют себе, и не из словесных, мыслимых, воображаемых, представляемых людей, чтобы от них придти к подлинным людям; мы исходим из людей действительно деятельных и выводим из их действительного жизненного процесса также и развитие идеологических отражений и отзвуков этого жизненного процесса» ¹⁾.

Религия при всей иллюзорности и фантастичности своих представлений также не может быть не чем иным, как только одним из «отзвуков» общественной жизни людей, особым родом отражения их общественного бытия. Иллюзорность образов религии и трансцендентный (сверхчувственный, потусторонний) характер, придаваемый им верующими, ни в коем случае не могут являться свидетельством, наличия какого-либо другого источника религии. Наоборот, сама эта иллюзорность и этот трансцендентный характер должны и могут быть объяснены, исходя лишь из этого источника. «Если, — по словам Маркса и Энгельса, — во всякой идеологии люди и их отношения кажутся поставленными на голову, словно в камере-обсуре, то и это явление точно так же происходит из исторического процесса их жизни, подобно тому, как обратное изображение предметов на сетчатке происходит из непосредственного физического процесса их жизни...» ²⁾ «Даже туманные образования в мозгу людей, — писали Маркс и Энгельс, — и те являются сублиматами (продуктами) их материального жизненного процесса, который может быть установлен на опыте и который связан с материальными предпосылками» ³⁾.

Маркс и Энгельс называли идеологии «рефлексом реального мира», «идеальными выражениями» общественного бытия людей, «теоретическими продуктами» общественных отношений людей, «порождением материальной практики» людей и т. д.

Все эти характеристики Маркс и Энгельс целиком относили к религии.

«Религия, — писал Маркс Руге еще в 1842 г., — сама по себе лишена содержания и живет не небом, а землей» ⁴⁾. Маркс и Энгельс подчеркивали (в «Немецкой идеологии»), что «религия как таковая я не имеет ни сущности, ни царства» ⁵⁾ и что «сущность» религии, т. е. материальную основу религиозной «несущности», следует искать «лишь в материальном мире, который существует раньше, чем любая ступень религиозного развития» ⁶⁾.

В «Немецкой идеологии» говорится, что у религии (и у других видов идеологий) нет самостоятельной истории и самостоятельного развития и что только «люди, развивающие свое материальное производство и свое материальное общение, изменяют вместе с данной действительностью также свое мышление и продукты своего мышления» ⁷⁾.

О конфликтах в религиозной области (как и в области других идеологий) Энгельс писал, что они являются не чем иным, как более или менее ясным выражением борьбы классов.

¹⁾ Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. IV, стр. 16—17.

²⁾ Там же, стр. 16.

³⁾ Там же, стр. 17.

⁴⁾ Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. I, стр. 528.

⁵⁾ Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. IV, стр. 139.

⁶⁾ Там же.

⁷⁾ Там же, стр. 17.

2. Религия—вид фантастического отражения

Каждая идеологическая надстройка имеет свою, присущую ей форму отражения. Энгельс называет религию «фантастическим отражением человеческого бытия в человеческой голове»¹). «Религиозный мир как таковой» существует только как мир самосознания»²), только в сознании верующего человека. Иначе говоря, религиозные представления людей являются продуктами их воображения. Как род отражения, земной действительности религия строится из элементов, взятых из этой действительности. Но этот материал принимает в религии фантастические формы, которые придает им религиозное воображение. В некоторых буржуазных теориях проводится отождествление всякой фантазии с религией. Так например часть защитников религии объявляет каждую мечту религией. Такой взгляд на религию мы видим у некоторых русских народныхиков, у богостроителей.

Но если, исходя из этого взгляда, защитники религии делают выводы, оправдывающие религию, то, исходя из того же отождествления фантазии с религией, вульгарные материалисты делали противоположные выводы, выступая против всякой фантазии из тех соображений, что фантазия, какой бы характер она ни носила, — это поповщина. Находились и у нас такие «атеисты», «воспитатели», которые считали вредным и недопустимым для детей сказку, являющуюся, по их мнению, разновидностью поповщины.

Обе эти ошибочные точки зрения вытекают из неправильного понимания сущности и роли фантазии. В каждой фантазии есть отход мысли от действительности. Но еще Писарев различал два рода фантазии: фантазию, «поддерживающую и усиливающую энергию трудящегося человека», и фантазию, «расслабляющую человека», фантазию «праздности» и «бессилия».

«Моя мечта, — писал Писарев, — может обгонять естественный ход событий, или же она может хватать совершенно в сторону, туда, куда никакой естественный ход событий никогда не может придти. В первом случае мечта не приносит никакого вреда; она может даже поддерживать и усиливать энергию трудящегося человека... Если бы человек был совершенно лишен способности мечтать таким образом, если бы он не мог изредка забегать вперед и созерцать воображением своим в цельной и законченной красоте то самое творение, которое только что начинает складываться под его руками, — тогда я решительно не могу представить, какая побудительная причина заставляла бы человека предпринимать и доводить до конца обширные и утомительные работы в области искусства, науки и практической жизни...

Мечты первого рода можно сравнить с глотком хорошего вина, которое бодрит и подкрепляет человека во время утомительного труда»³).

Фантазию, мечту такого рода, которая, как правильно отмечал Писарев, поддерживает и усиливает энергию людей, высоко ценил Ленин. Ленин, выступая против филистерства экономистов (в «Что делать?»), в 1902 г. писал, ссылаясь на Писарева и подчеркивая необходимость различения двух родов мечтаний, что мечтаний этого рода, к несчастью, «слишком мало в нашем движении»⁴). Без фантазии этого рода не может обходиться ни один род человеческой деятельности. Без фантазии не существовало бы ни искусства во всех его видах, ни науки. В «Заметках на «Метафизику» Аристотеля» Ленин отмечал, что в каждом понятии, даже в самом простом обобщении «есть известный кусочек фантазии», что «нелепо отрицать роль фантазии и в самой строгой науке»⁵). Ленин в заключительном слове не

¹) Энгельс. «Роль труда в процессе очеловечения обезьяны». Собр. соч. М. и Э., т. XIV, стр. 459.

²) Маркс и Энгельс. Собр. соч. т. III, стр. 225.

³) Д. Писарев «Промехи незрелой мысли». Собр. соч. т. IV, стр. 206, 207, 209.

⁴) Ленин. Собр. соч. т. IV, стр. 493.

⁵) Лен. сб. XII, стр. 339. 1931.

XI съезде партии говорил об обладании фантазией, что «эта способность чрезвычайно ценна. Напрасно думают, что она нужна только поэту. Это глупый предрассудок! Даже в математике она нужна, даже открытие дифференциального и интегрального исчисления невозможно было бы без фантазии. Фантазия есть качество величайшей ценности...»¹⁾).

В фантазии этого рода мечты носят реальный характер. Эти мечты представляют собой идеалы людей, которые берутся из самой действительности, но опережают эту действительность, указывают движению путь вперед. Рисуя картины будущего, такие мечты вселяют в людей настроения уверенности, бодрости, энтузиазма. В таких мечтах известный отход (отход вперед) мысли от действительности служит продвижению вперед самой действительности. В области науки и в технике эта фантазия приводит к различного рода открытиям и изобретениям. В искусстве она дает художественную форму, которая способна делать более живым содержание произведений искусства, придавая им эмоциональную выразительность. Такая фантазия, как например басни Крылова, реалистичней сухого, мертвого, «реалистического» повествования. В представлениях, в образах фантазии этого рода могут быть, даже неизбежны ошибки, может быть известная доля вымысла (в искусстве художественный вымысел вполне законен в известных границах), но представления фантазии этого рода служат не искажению, а реалистическому изображению действительности.

Фантазию второго рода Писарев правильно определил как фантазию «праздности» и «бессилия». Он писал о ней, что мечты, рождающиеся во время праздности и бессилия и поддерживающие своим влиянием ту праздность и то бессилие, среди которых они родились, «похожи на прием опиума, который доставляет человеку обаятельные видения и вместе с тем безвозвратно расстраивают всю нервную систему»²⁾).

Такая фантазия является противоположностью фантазии первого рода. Она представляет людям действительность в ложном, искаженном свете. Она отдаляет людей от действительности, отчуждает их от мира, вызывает отвращение к миру. Она препятствует движению человечества вперед. Такая фантазия создает призрачные образы. Если в фантазии первого рода могут быть (и бывают) отдельные ошибки и известная доля вымысла, то фантазия второго рода, которую можно назвать превратной, химерической, иллюзорной фантазией, как правило, выливается в химеры, фикции, иллюзии. Хотя буржуазная литература по психологии не проводит разграничения двух родов фантазии, но и в ней мы находим указания на двойственный характер действия фантазии. Так например Мейманн (немецкий психолог) говорит, что фантазия, «не дисциплинируемая мышлением», ведет к удалению от действительности. «Мы, — пишет он, — знаем немало художников, у которых на самом деле замечалось такое отчуждение от мира. В результате такой односторонней одаренности фантазией является ненависть к человечеству, а также известная робость перед затруднениями и страданиями жизни, которая иногда разрастается у них до малодушного отступления перед неприятными и тяжелыми случаями. Важно отметить, что эти моменты оказывают сильное влияние и на волю человека. Поглощение миром фантазий отвлекает волю человека от действительности и делает ее слабой и малодушной»³⁾).

С фантазией праздности и бессилия Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин всегда вели самую беспощадную борьбу. К ней относится и религия. Маркс и Энгельс называли религию «фантазмагорией», «уродливым порождением го-

¹⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XXVII, стр. 266.

²⁾ Писарев. Собр. соч. Т. IV, стр. 209.

³⁾ Мейманн «Интеллигенция и воля», стр. 162. Изд. «Задруга». 1917.

ловы людей», «иллюзорным», «причудливым» мирознанием, «воображаемым кошмаром». Религиозные представления — это, как их называет Ленин, «больная фантазия»¹⁾. Религиозное отражение действительности является превратным фантастическим отражением.

Однако определение религии как превратного, фантастического отражения бытия людей является еще не полным. Далеко не всякая превратная фантазия уже тем самым представляет собой религию. В головах людей могут быть причудливые, призрачные, превратные представления различного рода. Но не все они должны быть относимы к области религиозных представлений.

Религиозные представления — это представления о сверхъестественных духовных существах, сверхъестественных силах и т. п. Классическое определение религии дано Энгельсом в «Анти-Дюринге».

«Каждая религия, — говорит Энгельс, — является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни, отражением, в котором земные силы принимают форму сверхъестественных»²⁾.

В этом определении Энгельсом подчеркивается, что религия является таким фантастическим отражением земной действительности, в котором земные силы принимают форму сверхъестественных сил.

Специфический характер религиозной идеологии состоит в том, что в ней фантазия наряду с земным, реальным, чувственным миром и в противовес ему создает мир небесный, иррациональный, сверхчувственный, которому она подчиняет действительный мир.

Маркс писал, что «религия есть с самого начала сознание трансцендентности, пристоикающее из действительной необходимости»³⁾; форму религии Маркс и Энгельс называли «трансцендентной, небесной»⁴⁾.

Ленин говорит о поповщине, что она утверждает существование чего-то «вне чувственного мира»⁵⁾.

Религия создает в головах людей сверхъестественные, духовные, трансцендентные существа. Этими воображаемыми существами: богами, чертями, духами, душами и т. п. — религия населяет мир, из них строит потусторонний, небесный, сверхъестественный «мир».

В религии люди и эмпирический мир, как писали Маркс и Энгельс (в «Немецкой идеологии»), превращают «в лишь мыслимую, представляемую сущность, противостоящую им как нечто чуждое»⁶⁾. Естественные силы религия превращает в сознании людей в сверхъестественные. В сверхъестественные, трансцендентные формы одето и вместе с тем ими прикрито земное содержание религии.

Образы фантазии являются воплощением ее внутреннего содержания. Религия, создающая сверхъестественные, трансцендентные образы, представляет собой наиболее законченный продукт превратной, больной фантазии.

3. Религия — „превратное мирознание“

Мы уже говорили выше, что самые отдаленные от действительности представления могут строиться лишь из материалов, почерпнутых сознанием из земной действительности. К этому необходимо добавить, что и самый характер фантазии людей определяется их бытием.

¹⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XIII, стр. 152.

²⁾ Энгельс «Анти-Дюринг». Собр. соч. М. и Э. Т. XIV, стр. 322.

³⁾ Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. IV, стр. 592.

⁴⁾ Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. VIII, стр. 268 (рец. на кн. Фр. Даумера «Религия нового века»).

⁵⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XIII, стр. 95.

⁶⁾ Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. IV, стр. 139.

Как указывает Маркс, сознание трансцендентности возникло у людей из «действительной необходимости». Это значит, что религию создают определенные условия жизни людей, которые порождают в них иллюзию трансцендентности.

Уже в самых ранних работах Маркса мы находим указания на то, что религия как извращенное понимание мира является продуктом «извращенности» самого бытия людей. Еще в 1841 г. в своей докторской диссертации Маркс писал: «Так как природа плохо устроена, то бог существует...» «Так как существует неразумный мир, то бог существует»¹⁾. В «Критике гегелевской философии права» Маркс говорит, что государство, общество создают религию — «превратное миросознание»²⁾, потому, что сами они являются «превратным миром», что религия является выражением «положения, которое нуждается в иллюзиях»³⁾. В письме к Руге (от 30 ноября 1842 г.) Маркс называет религию «теорией» «извращенной реальности»⁴⁾.

Уже в этих ранних высказываниях Маркса был намечен основной раздел между пролетарским атеизмом, который видит ключ к преодолению религии в изменении самой действительности людей, и между всеми разновидностями буржуазного просветительского атеизма, полагающего, что уничтожение религии может быть достигнуто путем простого воздействия на сознание людей.

Говоря о преодолении религии, Маркс в своей докторской диссертации, стоя еще на младогегельянских позициях, заявил, что «чем известная страна является для иноземных богов, тем страна разума является для бога вообще — областью, где его существование прекращается»⁵⁾. Здесь, хотя и в идеалистической форме, дана в зародышевом виде будущая марксова теория преодоления религии.

В письме к Руге (от 30 ноября 1842 г.) Маркс писал, что «с уничтожением той извращенной реальности, теорией которой она является, «гибнет» и самая религия»⁶⁾.

В «Тезисах о Фейербахе» Маркс говорит, что для уничтожения религии необходимо, с одной стороны, понять светскую основу религии со всеми ее противоречиями и, с другой стороны, «практически революционизировать» эту «светскую основу».

В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс подчеркивают, что «все формы и продукты сознания» могут быть уничтожены не духовной критикой, а лишь практическим ниспровержением реальных общественных отношений, из которых произошел идеалистический вздор, и «что не критика, а революция — движущая сила истории, а также религии, философии и всякой иной теории»⁷⁾.

Религию порождает «превратный мир». Это значит, что ее порождают бедствия людей, эксплуатация, рабство, нищета, голод и т. п., ее порождают те условия существования людей, из которых вытекают эти бедствия. Бессилие в преодолении этих условий, а также темнота и невежество людей, коренящиеся в этих же условиях, и находят свое выражение в религии.

Религиозные образы, «существа... вне времени и пространства, созданные поповщиной и поддерживаемые воображением невежественной и заблуд-

¹⁾ Маркс «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура». Собр. соч. Маркса и Энгельса. Т. I, стр. 105.

²⁾ Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. I, стр. 399.

³⁾ Там же, стр. 400.

⁴⁾ Там же, стр. 528.

⁵⁾ Там же, стр. 105.

⁶⁾ Там же, стр. 528.

⁷⁾ Маркс и Энгельс, Собр. соч. Т. IV, стр. 28.

той массы человечества, суть большая фантазия, выверты философского идеализма, негодный продукт негодного общественного строя»¹⁾.

Но и эти «существа» не могут не иметь своих земных объектов, получающих в них свое отражение. В своем определении религии Энгельс подчеркивает, что такими объектами сверхъестественных религиозных существ являются «внешние силы» самой земной действительности (и природы и общества), которые господствуют над людьми в их повседневной жизни. Наличие таких сил неизбежно вызывает и наличие их религиозного отражения.

Религия, по учению Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, является «опиумом народа». Религия, как её называет Маркс, — «превратное мирознание».

Превратный, извращенный характер религиозного мирознания вытекает из того, что религия является отражением превратного, извращенного мира, т. е. превратного, извращенного общественного бытия людей. От этого превратного бытия людей религия получала прежде всего свое реакционное содержание. «Люди, — писал Ленин, — всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать и интересы тех или иных классов»²⁾. Религия имеет эксплуататорское содержание. Это содержание соединяется в религии с ее «небесной» формой.

В этой форме содержание религии находит свое законченное выражение. При этом религиозная форма есть не простая внешняя оболочка для этого содержания, а его могущественное орудие. Маркс пишет о религии, что она является «завершением»³⁾ превратного мира. Таким «завершением» религия является потому, что она земные силы превращает в сверхъестественные, поэтому, что она создает потусторонний, небесный мир, потому, что она делает реальный мир призрачным миром.

Если во всякой фантазии имеется тот или другой отход сознания от действительности, то в религиозной фантазии отход сознания от действительности становится самым законченным разрывом с действительностью, в виде создания мира не только недействительного, но противостоящего действительному миру, мира иррационального, потустороннего, трансцендентного, сверхъестественного.

Через создание в головах верующих сверхъестественных образов, через создание потустороннего мира, через превращение реального мира в мир призрачный религия осуществляет свою реакционную эксплуататорскую роль.

Из сказанного следует, что суть религиозного мирознания как «превратного мирознания», как «завершения» превратного мира не может быть правильно раскрыта, если не вскрыта вся реакционность «трансцендентной» религиозной формы. Важно поэтому знать не только то, каким образом защитники религии замазывают классовое содержание религии, но и их приемы по затушевыванию характера религиозной формы. Мы коснемся только некоторых из тех приемов, которые прикрывают рассматриваемую нами сейчас черту религиозной фантазии.

Попы признают, что «сверхъестественное»: боги, черти и т. п. — существует на самом деле, т. е. что религия — не химерическая фантазия, а истина. Следуя за ними, философские лакеи религии, с одной стороны, смяг-

¹⁾ Ленин «Материализм и эмпириокритицизм». Собр. соч. Т. XIII, стр. 152. Разрядка наша. — Е. М. и В. Ш.

²⁾ Ленин «Три источника и три составные части марксизма». Собр. соч. Т. XVI, стр. 353.

³⁾ См. «К критике гегелевской философии права». Собр. соч. М. и Э. Т. I, стр. 339.

чают, затушевывают фантастический характер религии, с другой — подвергают сомнению и даже отрицают истинность научного знания. Так например защитники религии утверждают, что нельзя якобы доказать нереальность религиозных образов. Наука же объявляется ими только гипотезой, вероятностью, только одной из возможных точек зрения, одним из способов познания и приравнивается к религии или даже при помощи различных изоэренных приемов защиты религии ставится ниже ее.

Ленин подчеркивал, что особенность современной утонченной поповщины состоит в том, что она «не отвергает науки», но отвергает ее истинность. «Современный фидеизм, — писал Ленин, — вовсе не отвергает науки; он отвергает только «чрезмерные претензии» науки, именно претензию на объективную истину»¹⁾. В новейших идеалистических философских течениях наука объявляется только символами, знаками, отметками для практики и т. д.

В качестве примера тонкого затушевывания характера религиозной фантазии можно привести определение религии Фрейдом. В отличие от тех прямых защитников религии, о которых мы только что говорили, Фрейд определяет религию как иллюзию. Иллюзия, по Фрейду, — такая вера, «которая в мотивировке своей проявляет исполнение желания», не считаясь «при этом со степенью ее осуществимости, с ее отношением к действительности точно так же, как сама иллюзия не нуждается в доказательствах разума». О религиозных же учениях Фрейд говорит, что «все это иллюзии, не поддающиеся доказательствам, и никого нельзя заставить в них верить. Некоторые же из них до того невероятны и так противоречат всем нашим нелегко усвоенным сведениям о реальном мире, что их можно поставить наряду с бредовыми идеями, учитывая, конечно, их психологические отличия»²⁾.

Как видно из этого определения, Фрейд религию в основном только к представлениям, не поддающимся доказательствам. Трансцендентный характер религиозных представлений Фрейд замалчивает совершенно. По Фрейду, религиозные представления даже нельзя назвать нелепыми, химерическими и т. п. Фрейд только некоторые из этих представлений считает до того невероятными и противоречащими нашим сведениям о реальном мире, что их можно сравнить с бредовыми идеями. «Бредовая идея, — по определению Фрейда, — характеризуется своим противоречием с действительностью». Об иллюзии же, к которой Фрейд относит религию, он говорит, что она «необязательно бывает неправильной, т. е. несбыточной или противоречащей реальности»³⁾.

«Нелегко, — пишет дальше Фрейд, — вообще отыскать примеры осуществившихся иллюзий»⁴⁾, но в то же время он отмечает, что такие примеры есть.

Так как религия отождествляется Фрейдом с иллюзией, то эти его рассуждения об иллюзии и бредовой идее оставляют лазейки для признания возможности осуществления религиозных желаний и признания того, что религиозные представления могут быть и правильными. Фрейд и прямо пишет о религиозных представлениях: «Нет возможности судить о реальной ценности большинства из них. Их нельзя доказать, а потому нельзя и опровергнуть. Люди знают еще слишком мало, чтобы подойти к ним критически. Загадки мира только медленно раскрываются перед нашим исследованием, наука в настоящее время еще не может ответить на множество вопросов»⁵⁾.

¹⁾ Ленин «Материализм и эмпириокритицизм». Собр. соч. Т. XIII, стр. 102.

²⁾ Фрейд «Будущность одной иллюзии», стр. 34—35. Гиз. 1930.

³⁾ Там же, стр. 35.

⁴⁾ Там же, стр. 34.

⁵⁾ Там же, стр. 35.

Мы не будем вдаваться в разбор фрейдовского определения иллюзии, в котором заложены предпосылки всех дальнейших его софизмов по вопросу о религии. Отметим лишь, что затушевывание характера религиозной иллюзии связано у Фрейда с защитой им религии. Вопреки той реакционной роли религии, которую она играла на протяжении всей истории, Фрейд заявляет, что религиозные представления имели «исключительную ценность» для людей: они, по его словам, освободили природу от ужасов, позволяли людям свободно дышать и «чувствовать себя уютно в жуткой обстановке» стихий природы, спасали культуру и т. п.¹⁾

Без понятия о сверхъестественном строят свои определения религии Дюркгейм, Рейнак и некоторые другие буржуазные теоретики религии. «Следует ли говорить, как это допускали Спенсер и Макс Мюллер, — пишет ученик Дюркгейма Гальбвакс, излагая взгляды Дюркгейма на религию²⁾, — что всякая религия ставит нас в связь со сверхъестественным?» Гальбвакс вместе со своим учителем Дюркгеймом утверждает, что эта идея якобы «появляется в истории религии лишь очень поздно; она совершенно чужда не только народам, которые называются первобытными, но также и многим таким, которые уже достигли известной степени умственной культуры»³⁾. «Идея тайны, — заявляет Гальбвакс дальше, — выступает на первый план лишь в очень небольшом количестве сравнительно развитых религий: идеи таинственного недостаточно для общего определения религии». Дюркгейм пытается доказывать, что религия не является и иллюзией. «Нельзя допустить, — заявляет он, — чтобы такие системы идей, как религия, которые занимали в истории столь значительное место, в которых народы во все времена черпали энергию, необходимую им для жизни, были лишь сплетением иллюзий»⁴⁾.

Сам Дюркгейм определяет религию лишь как систему верований и обычаев, имеющих якобы целью сделать известные вещи запретными (деля их на священные и мирские), как систему верований и обычаев, которые объединяют в одну моральную общину, называемую церковью, всех признающих эти верования и обычаи. Выбрасывая из религии понятие сверхъестественного, Дюркгейм не признает какой-либо отрицательной роли религии. Он провозглашает религию фактором солидарности, создающим из суммы индивидов одно социальное единство, говорит, что религия самым положительным образом поддерживала нормальный ход вещей, и т. п. Вместе с тем Дюркгейм говорит о «вечности» и «неизбывности» религии⁵⁾.

Рейнак определяет религию как «совокупность совестливых чувств, препятствующих свободному применению наших способностей»⁶⁾. И, по Рейнаку, религия играла положительную роль в обществе. Религии, заявляет Рейнак, «одни сделали возможным» прогресс⁷⁾.

¹⁾ Мимоходом Фрейд говорит о «впечатлениях сверхъестественности» от сил природы у дикарей. Но и здесь у Фрейда софистика. Фрейд заявляет, что человек в религии, олицетворяя силы природы, превращает их не просто в людей, равных себе — это не соответствовало бы «впечатлению сверхъестественности» от этих сил, — а в отца и тем самым в бога. Боги же играли, по Фрейду, полезную роль в обществе именно потому, что люди видели в них отцов.

²⁾ Сборник «Происхождение религии в понимании буржуазных ученых». М. 1932. Статья Гальбвакса «Возникновение религиозного чувства по Дюркгейму», стр. 19.

³⁾ Там же, стр. 19—20. Эта цитата принадлежит Дюркгейму.

⁴⁾ Там же, стр. 20 и 30.

⁵⁾ В России одним из проповедников взглядов Дюркгейма был небезызвестный эсер Платирим Сорокин, которого Ленин называл «образованным крепостником». См. статью П. Сорокина «Эмиль Дюркгейм о религии». Сборник «Новые идеи в социологии» № 4. 1914.

⁶⁾ С. Рейнак «Орфей», «Всеобщая история религий», стр. 12. Вып. 1-й. Изд. «Факел» 1919.

⁷⁾ Там же, стр. 42—43.

Так, Фрейд, Дюркгейм, Рейнак и др., выбрасывая из религии веру в сверхъестественное, идеализируют религию. Не разбирая подробно приемов этой идеализации, укажем только, что в основном они заключаются в том, что, с одной стороны, замалчивается та отличительная особенность религии, через которую проявляется ее реакционная сущность, с другой стороны, понятие религии расширяется таким образом, что ее отличительная особенность исчезает.

Определение религии, данное Энгельсом, закрывает путь для всяких лазеек идеализации религии. Это определение дает ясно очерченные рамки того круга явлений, которые входят в сферу религиозного сознания: оно не позволяет расширять границы религии за счет тех явлений, которые не относятся к сфере религии. Но надо помнить, что границы эти также и относительны. Например нет непреходимых градей между всякой другой фантазией и религиозной фантазией. Всякая призрачная мечта может перейти в религиозную иллюзию, если углубляется ее разрыв с действительностью. От такой мечты лежал обычно прямой путь к мистике. От всяких нелепиц, от всяких признаний «недействительного» делались скачки к признанию иррационального. Небылицами, ошибочными представлениями, болезненными чувствами и стремлениями, порождавшимися различными источниками, религия питалась на протяжении всей своей истории. Различные ошибочные представления людей превращались в религиозные взгляды.

Возьмем, например, представление о земле как о плоской поверхности, над которой в виде купола (или балдахина) расположено небо, опирающееся по своим краям на столбы или на горы. Это представление, совпадающее с видимостью, встречается у различных народов, и первоначально оно явилось естественной попыткой человеческого ума объяснить окружающий мир. В предположении о таком устройстве мира первоначально не было мистики. Но от такого представления легко придти к представлению о мире как о доме, построенном сверхъестественным существом, которое и сделалось неотъемлемым элементом религиозной космологии, в частности христианской космологии, в которой его разрабатывали различные «отцы церкви». Такое представление находим у монаха Космы Индикоплова и др. Это представление превратилось в учение о мире как о доме, полом у которого является земля, потолком — небосвод, на котором богом подвешены солнце, луна и звезды для освещения земли и над которым находится цистерна, содержащая воду, спускаемую на землю богом или ангелами через «небесные окна». Это учение подводило основу под библейские мифы о сотворении мира, о всемирном потопе (когда разверзлись «хляби небесные» и вода с небес хлынула на землю), о вавилонской башне (которую люди хотели построить от земли до неба), о «лестнице Иакова» (лестница от земли до неба, по которой с неба сходили ангелы) и т. п.¹⁾

Ленин (в «Конспекте «Метафизики» Аристотеля») подчеркивал, что «раздвоение познания человека и возможность идеализма (= религии) даны уже в первой элементарной абстракции («дом» вообще и отдельные дома)²⁾. Отмечая, что во всякой самой элементарной абстракции «есть известный кусочек фантазии», он указывал на возможность «превращения (и притом незаметного, несознаваемого человеком превращения) абстрактного понятия, идеи в фантазию (в последнем счете = бога)³⁾.

¹⁾ Большой и интересный фактический материал по вопросу о превращении различных иллюзорных представлений (о пуне земли, о химерических животных — драконах, василисках и т. п.) в религиозные представления дает Э. Уайт в своей книге «Борьба религии с наукой», которая в сокращенном виде издана издательством «Московский рабочий» в 1931 году.

²⁾ Лен. сб. XII, стр. 337—339.

³⁾ Там же, стр. 339.

Называя обладание большой фантазией «качеством величайшей ценности», Ленин предупреждал против «избытка» фантазии.

В науке, например, фантазия играет большую роль, но как один из элементов научного творчества она должна быть подчинена опирающемуся на практику разуму, ограничивающему ее полет (который без этого может быть безграничным и беспочвенным), указывающему ей пути и дисциплинирующему ее. При «избытке» фантазии законные кусочки фантазии в науке могут превратиться в сплошную фантазию и те или другие понятия, положения, теории и т. д. могут сбиться на путь голый фантазии и в конечном счете привести к поповщине. В искусстве рамки фантазии шире чем в науке. В нем вполне законен художественный вымысел. Сказка имеет ту особенность, что она вовсе не утверждает действительного существования тех образов, которыми она оперирует (например разговаривающие животные, избушки на курьих ножках и пр.). Но так же, как в науке есть определенное соотношение между действительностью и фантазией, так и в искусстве есть определенная логика художественных образов, обусловленная связью между этими образами и тем реальным содержанием, которое в них вложено. Художественная фантазия, переходя свои границы, может превратиться в религиозную фантазию, причем вследствие особенностей художественной фантазии такой переход может быть еще более незаметным чем в науке.

Мы остановились исключительно на гносеологической стороне вопроса о переходе фантазии в религиозную форму фантазии.

Но такой переход возможен лишь постольку, поскольку существует самая религия, т. е. ее основа — «превратный мир», ее экономические (бессилие людей перед слепыми силами природы и общества, классовый гнет) и другие корни. Переход этот совершается в головах людей под влиянием определенных социальных явлений в прямой связи с классовой борьбой. В этом отношении весьма показателен утопический социализм. Утопический социализм возник, когда борьба пролетариата с буржуазией еще не имела развитого характера. Утописты фантастически представляли себе осуществление социализма, отрицая классовую борьбу. При этом у Сен-Симона, Фурье и у большинства других социалистов-утопистов их социализм прямо соединялся с религией. По мере развития классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией утопический социализм не только терял свое прежнее, во многом революционное значение, но, проявляя фантастическое стремление возвыситься над классовой борьбой и выступая против нее, превращался в реакционное политическое учение, в котором вместе с этим все большее значение приобретала его религиозная сторона. Так например сенсимонизм превратился в мистическую религиозную секту.

Если в конце XIX и в XX в. многие физики сбивались в поповщину, то здесь действовали не только гносеологические, но главным образом классовые причины — влияние общей обстановки буржуазного общества: буржуазия в это время проводит реакцию по всей линии и, в частности, укрепляет позиции религии.

К религии примыкают замаскированные и смягченные, но тем самым и утонченные, рафинированные, очищенные формы религиозного мировоззрения. Такой утонченной формой религии является философский идеализм. Идеализм в отличие от религии выступает под маской «научности». Религия, как пишет Гегель, — это форма, в которой «высшая идея существует для нефилософского, для чувствующего, созерцающего, представляющего сознания»¹⁾. Об идеализме же он пишет: «Философия (известно, что идеа-

¹⁾ Гегель «Лекции по истории философии». Собр. соч. Гегеля. Т. IX. Кн. I, стр. 61.

лизм Гегель отождествляет с философией. — Е. М. и В. Ш.) стоит на той же почве, на которой стоит и религия, имеет тот же предмет — всеобщее, в себе и для себя сущий разум. Дух хочет усвоить себе этот предмет подобно тому, как это происходит в религии через благоговейность и культ. Но форма, в которой это содержание налично, отлична в религии от той формы, в которой оно налично в философии»¹⁾.

Религия основывается на вере, идеализм старается придать себе видимость «доказательности»²⁾. Философский идеализм не имеет культа, философский идеализм стремится заменять «небесные вещи» (Энгельс) «чистыми», «философскими категориями». Но философский идеализм базируется на той же основной идее, что и религия, — идее бога, хотя философы-идеалисты, как пишет Ленин, «всегда старались изменить это последнее название, сделать его абстрактнее, туманнее и в то же время (для правдоподобия) ближе к «психическому»³⁾. «В философии, — писал Гегель, — мы не будем выражаться, что бог родил сына (отношение, заимствованное из физической жизни); но мысль, субстанциональное содержание этого отношения получает, однако, признание в философии»⁴⁾. Различные системы идеализма заменяли поповского бога (персонифицированное, личное существо со всеми присущими ему атрибутами — с сонмами ангелов и т. д.) или субъективным ощущением человека, которое только одно якобы существует («я существую, весь мир есть только мое ощущение») или же абстрактной мыслью, абстрактным представлением, абстрактным ощущением в виде «абсолютной идеи», «абсолютного духа», «универсальной воли» и т. п., в новейших же своих формах (махизм) — в виде ощущения как неопределенного «элемента», которое якобы является первичным, и т. д. Беря за основу такую абстрактную мысль, «абсолютную идею», «универсальную волю» и т. п., идеализм дает ее мифологию на философском языке.

Как подчеркивает Ленин, «абсолютная идея, универсальный дух, мировая воля» и т. д. — «это одна и та же идея, только в различных формулировках... По-русски это называется богом»⁵⁾.

Отправная предпосылка идеализма — первичность сознания и выведение из сознания природы (или даже прямое отрицание природы) — признание того, что есть духовные существа, что ими сотворен мир, что они главенствуют над ним. Это — признание призрачности чувственного мира. Под религиозные представления о сверхъестественных духовных существах идеализм подводит философскую базу. Идеализм — это «научная поповщина». «Идеализм, — говорит Фейербах, — это только рациональный или рационализированный теизм»⁶⁾. «Новая философия, — говорит он (о немецком идеализме), — вышла из теологии; она сама есть не что иное, как теология, растворенная и превращенная в философию»⁷⁾.

Идеализм, таким образом, имеет тот же религиозный характер, но в смягченном, рафинированном виде.

Но, как говорил Ленин, идеализм является не только поповщиной, но «вернее», и «кроме того дорогой к поповщине».

Важнейшая роль идеализма по отношению к религии заключается в том, что он является мостом, который ведет к религиозному мировоззрению через абсолютизацию отдельных кусочков познания, через различные

¹⁾ Гегель «Лекции по истории философии». Собр. соч. Т. IX. Кн. I, стр. 62.

²⁾ Гегель пишет: «Отношение философии к своему предмету принимает форму мыслящего сознания, отношение же религии не таково» (там же).

³⁾ Ленин «Материализм и эмпириокритицизм». Собр. соч. Т. XIII, стр. 187.

⁴⁾ Гегель «Лекции по истории философии». Собр. соч. Т. IX, стр. 73.

⁵⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XIII, стр. 187, 188.

⁶⁾ Л. Фейербах «Основы философии будущего». Собр. соч. Т. I, стр. 99.

Гиз. 1923.

⁷⁾ Там же, стр. 101.

ошибки в области научного знания, через разные отклонения фантазии от жизни.

Агностицизм примыкает к идеализму и тем самым и к религии (или же непосредственно примыкает к религии)¹⁾, являясь, по ленинскому определению, «колебанием между материалистической наукой и поповщиной»²⁾. В наше время агностицизм чаще всего выступает как особенно утонченная и прикрытая форма религии.

Ленин отмечал, что всякое отрицание объективной реальности, данной нам в ощущении, есть разоружение перед фидеизмом. «Раз вы отрицаете объективную реальность, данную нам в ощущении, — пишет Ленин, — вы уже потеряли всякое оружие против фидеизма». «Если чувственный мир, — писал он, — есть объективная реальность, — всякой другой «реальности» или квази-реальности (т. е. богу. — Е. М. и В. Ш.) закрыта дверь»³⁾.

Подвергая сомнению существование объективной реальности, агностик не может не относиться терпеливо к поповским басням. «Агностик, — пишет Ленин, — говорит: не знаю, есть ли объективная реальность, отражаемая, отображаемая нашими ощущениями, объявляю невозможным знать это... Отсюда — отрицание объективной истины агностиком и терпимость, мещанская, филистерская, трусливая терпимость к учению о леших, домовых, католических святых и т. п. вещах»⁴⁾.

Определение религии, данное Энгельсом в «Анти-Дюринге», имеет огромное методологическое значение, так как, только исходя из него, можно дать материалистическое понимание религии. Материалист, как это следует из определения Энгельса, должен уметь видеть в религии род отражения бытия людей, и при этом такой род отражения, который представляет собой «превратное мирознание», «опиум народа». Это очень важно отметить, так как ревизионисты — теоретики II интернационала (Кунов, Каутский и др.) — своим работам о религии придавали видимость того, что религия якобы выводится ими из бытия людей, но в то же время старательно затушевывали и замалчивали характер религии как превратного мирознания. Вместе с тем в нашей антирелигиозной литературе нередко встречается вульгаризация марксистско-ленинского объяснения религии, когда вопрос о реакционной роли религии ставится крайне упрощенно благодаря тому, что религия не рассматривается как отражение бытия людей. Из определения религии Энгельса нельзя выбросить ни одного его положения. Только беря за отправной пункт все это определение в целом, можно дать материалистическое объяснение религии, показав всю ее реакционнейшую сущность. Те, кто разрывают определение религии Энгельса на части и берут только отдельные его стороны, идут по пути идеализации религии или вульгаризации в ее объяснении, что также льет воду на мельницу поповщины.

Необходимо подчеркнуть, что религиозное сознание при всех тех чертах, которые отмечены нами выше, существует на самом деле, т. е. что есть религия, есть верующие люди и т. п. Как будто бы о такой элементарной вещи не нужно и говорить. Однако есть много таких верующих, которые никак не могут понять, как люди могут быть безбожниками. Точно так же есть и такие неверующие, которые не могут представить себе, что имеются люди, которые серьезно верят в существование бога и в другие религиозные сказки и, во всяком случае, не представляют себе во всей сложности характер религиозной психологии.

1) Но необходимо отметить, что агностицизм, как писал Энгельс, может быть и «стыдливой формой материализма».

2) Ленин «К 25-летию смерти Иосифа Дицгена». Собр. соч. Т. XVI, стр. 379.

3) Ленин «Материализм и эмпириокритицизм». Собр. соч. Т. XIII, стр. 281.

4) Там же, стр. 104.

Непонимание всей сложности религиозной психологии является чертой, типичной для многих буржуазных «свободомыслящих», объясняемой тем, что они не знают жизни масс, их психологии и о религии судят часто по литературе, а не по ее изучению в таком виде, как она выглядит в самой жизни. Для характеристики таких взглядов можно привести следующую цитату из Гюйо: «Удивлению и разочарованию, которые испытывал древний христианин перед лицом научной истины, можно было бы противопоставить еще более глубокое удивление перед религиозными догмами того, кто питался исключительно научной истиной. Он понимает их, так как на протяжении веков прослеживает их рождение и развитие; но приспособиться к этой узкой среде, войти в нее и держать свой ум в этих капризных построениях народного воображения для него так же трудно, как проникнуть в сказочный дворец лилипутов»¹⁾. Люди, которые таким образом смотрят на религию, полагают, что достаточно объявить верующему, что бога нет, — и он откажется от веры в бога.

Наряду с этими наивными представлениями следует отметить ту разнovidность отрицания наличия религиозного сознания, которая выражается в отождествлении религии с политикой. Марксизм-ленинизм подчеркивал реакционную политическую роль религии и ведет борьбу с религией как с одним из политических орудий в руках эксплуататорских классов. Целям политики в классовом обществе служит всякая идеология, религия же всегда играла виднейшую политическую роль на службе эксплуататорских классов. Тем не менее религия и политика, хотя они и тесно между собой связаны, отождествляться ни в коем случае не могут. Сведение религии к политике приводит лишь к крайне упрощенному взгляду на религию и тем самым к разоружению в борьбе с религией. Отождествлять религию с политикой — это значит не видеть всей специфичности религии, всех тех возможностей, которые дает религиозная форма для воздействия на массы. Это значит рассматривать религию как простой обман и не видеть объективных источников ее существования, это значит отождествлять религиозные убеждения верующих масс и их политические настроения и убеждения.

Марксистское положение о связи религии с политикой и о реакционной политической роли религии вульгаризировалось некоторыми нашими безбожниками путем утверждения, что вся религия — это только ширма для политики, что форма религии, по сути, не имеет значения и поэтому бороться с религией и церковью надо теми же методами и приемами, как и со всякими другими контрреволюционными политическими взглядами и организациями. На практике это приводило к различного рода головотяпским методам борьбы с религией, только укреплявшим позицию религии в массах.

Ошибки по данному вопросу допускались и такими видными антирелигиозниками, как например М. Рейснер. Рейснер к концу своей жизни пришел к «выводу», что религии, собственно говоря, и нет.

В предисловии к книге М. А. Рейснера «Классовые основы религии» мы читаем: «В последние месяцы своей жизни, выступая в дискуссиях по докладом на антирелигиозные темы, Михаил Андреевич высказывал новую и совершенно оригинальную мысль, которую можно приблизительно передать так:

— Существует ли вообще религия? Нет такой области умственной деятельности, чувств или человеческой практики, которую можно было бы назвать исключительно религиозной. Существуют ли религиозные чувства? Есть чувство страха перед неведомым, таинственным, загадочным, грозным. Но нет особенных специальных религиозных эмоций. Существует ли религиозная мысль? Смешно называть «мыслью» собрание нелепостей и заблуж-

¹⁾ Гюйо «Иррелигиозность будущего», стр. 157. М. 1909.

ждений, объясняемых извращениями классового сознания и неправильными представлениями о мире. Если обратимся к практике, то мы и там не найдем религии. Монастыри, церкви и т. д. — все это общественные организации. С начала до конца их можно объяснить из экономических корней. Что же тут религиозного, если по существу монастырь или церковь являются аппаратами экономической эксплуатации, но только более утонченными средствами. Значит, религии, собственно говоря, нет»¹⁾.

Но если нет религии, то отпадает самый вопрос о ее преодолении, когда незачем разоблачать религиозный дурман, вести особую антирелигиозную пропаганду. Мы видим, что «теории» вроде той, к которой пришел Рейснер, способны привести к отходу от самых элементарных основ марксизма. Это — неизбежное следствие всякого упрощения марксистско-ленинского понимания религии.

4. О материалистическом методе исследования религии

В заключение вопроса о форме религиозного отражения необходимо отметить то основное методологическое положение, что предпосылкой исследования религии должно быть рассмотрение общественного бытия людей, продуктом которого является религия.

На первый взгляд может казаться, что при исследовании религии достаточно в самой религии искать ее земное ядро. Нужно отметить, что те буржуазные теории религии, которые считают себя материалистическими, не идут дальше такого способа рассмотрения религии. Но этот способ рассмотрения религии, кажущийся на первый взгляд материалистическим, на самом деле является идеалистическим.

Как указывает Ленин, «отражение может быть верной, приблизительной, копией отражаемого, но о тождестве тут говорить нелепо»²⁾.

Общественное сознание, пишет Ленин, «не охватывает... полностью никогда»³⁾ общественного бытия». Связь общественного сознания и общественного бытия — вообще не простая, а сложная связь, и отражение бытия в сознании представляет собой весьма сложный диалектический процесс. Марксизм подчеркивает и относительно самостоятельность идеологии. В религии же связь с общественным бытием особенно осложнена.

В религии земные силы приобретают характер сверхъестественных образов, непохожих на те предметы, которые они отражают.

Искать в самой религии ее земное ядро — это значит только угадывать в ней это ядро, неизбежно допуская при этом всякие упрощения, приемы, фантазии. Это значит, в лучшем случае, пытаться объяснить религию отдельными кусочками действительности (и неизбежно — не самым главным), взятыми произвольно в том виде, в каком их представляет сознание. Но из одних только кусочков действительности нельзя вывести религию.

Отсюда неизбежное следствие для тех, кто обращается только к кусочкам действительности, — искать конечное объяснение религии в самом сознании людей. Отсюда затушевывание сути, отсюда, даже в лучшем случае, поверхностное объяснение лишь отдельных сторон религии.

Единственно материалистический метод исследования религии состоит в том, чтобы идти от анализа земной действительности и на основе рассмотрения этой действительности приходиться к пониманию религии. Маркс в «Капитале» пишет:

¹⁾ М. А. Рейснер «Классовые основы религии», стр. 5—6. Изд. «Безбожник», М. 1930.

²⁾ Ленин «Материализм и эмпириокритицизм». Собр. соч. Т. XIII, стр. 264.

³⁾ Там же, стр. 266.

«Конечно, много легче посредством анализа найти земное ядро причудливых религиозных представлений, чем, наоборот, из данных отношений реальной жизни вывести соответствующие им религиозные формы. Последний метод есть единственно материалистический, а следовательно, научный метод»¹⁾.

Это указание Маркса о методе исследования религии имеет исключительно важное значение, так как оно дает ключ к объяснению всей истории религии.

Лишь строгое следование этому методу избавляет от разных идеалистических спекуляций в объяснении истории религии. Сколько угодно таких спекуляций мы можем видеть у теоретиков II интернационала. Ограничимся только одним примером по вопросу о предопределении.

Каутский, рассматривая в «Происхождении христианства» вопрос о предопределении, опираясь на Иосифа Флавия, который пишет, что фарисеи, приписывая все провидению, считали, что и человек может делать добро или зло, саддукеи отрицали предопределение и признавали свободу воли, ессеи же объясняли все судьбой, заявляет: саддукеи — аристократы — придерживались учения о свободе воли, фарисеи — новый литературно образованный класс — одновременно признавали и свободу воли и необходимость, ессеи — пролетарская коммунистическая секта — являлись последователями учения о судьбе. Это свое утверждение Каутский подкрепляет следующим рассуждением: «Изучая историю, мы видим, что господствующие классы очень часто склоняются к мысли о свободе воли человека, и что угнетенные классы еще чаще отрицают эту свободу. Это нетрудно понять. Господствующие классы сознают, что они вольны делать, что им угодно. Такое явление объясняется не только властью, которая находится в их руках, но незначительным числом их членов. Закономерность проступает только в массовых явлениях... Но господствующие классы склонны приписывать свободу воли не только себе, но и угнетенным классам. Нищета эксплуатируемого бедняка, по их мнению, вызывает его собственной виной... Допущение свободы воли дает возможность господствующим классам выполнять функцию суда и угнетения эксплуатируемых классов с чувством нравственного превосходства и негодования, которое, несомненно, еще более увеличивает при этом их энергию. Наоборот, бедные и угнетенные массы на каждом шагу убеждаются, что они рабы условий, судьбы, решения которой кажутся им непостижимыми, но которые, во всяком случае, сильнее их»²⁾.

Мы видим, что Каутский пытается построить схему отношений различных классов к учению о судьбе (предопределении), исходя не «из данных отношений реальной жизни», как учит Маркс, а из спекулятивных поисков «земного ядра».

По вопросу о судьбе выдвигались и прямо противоположные схемы. Насколько шатки все эти схемы, видно из того, что одни и те же доводы с успехом служат основанием для диаметрально противоположных выводов.

Так например если незначительный количественный состав господствующих классов, по Каутскому, является причиной отрицания ими судьбы, то, по Лафаргу, наоборот, по той же причине для буржуа «логично» верить в провидение, ибо оно избирает «его среди тысячи тысяч людей». По Каутскому, невозможность для угнетенных уйти из-под ярма гнетущих их условий является одной из причин их веры в рок; по Лафаргу же, отсутствие таких внезапных перемен в судьбе рабочих, которые могут извлечь их из горестно-

¹⁾ Маркс «Капитал». Т. I. стр. 281. 8-е изд.

²⁾ К. Каутский «Происхождение христианства», стр. 258—259. Гиз. 1930.

го положения, делает их предрасположенными к отрицанию божественного провидения (и вообще к отрицанию религии) ¹⁾.

Таким же гаданием о социальной сущности догмата о предопределении, исходя из самой логики этого догмата, занимаются различные буржуазные историки. Одни из этих историков считают этот догмат демократическим принципом, другие видят в нем аристократическую идею. Так, Фази («Constitutions de Genève») пишет о кальвинизме: «Каким образом может быть допущено равенство в правах политических между избранными и осужденными, между привилегированными, которые спасутся, и несчастными, осужденными на вечную гибель? Доктрина кальвинизма ведет фатально к деспотизму аристократии».

Кампшulte («Johannes Calvin, seine Kirche und sein Staat in Genf») говорит, что догма предопределения направляла Кальвина к аристократическим государственным формам. Трельч («Значение протестантизма для нового времени») заявляет о «господстве» (в кальвиновской Женеве) аристократической идеи предопределения».

Капелюш, приведя эти высказывания, правильно замечает, что вывести из самой «логики учений о предопределении и свободе воли их соответствие определенным классовым отношениям, мирозерцанию угнетенных и господствующих классов оказывается весьма ненадежным делом. В истории логика превращается в диалектику, одно и то же религиозное учение используется различными классами и получает в руках каждого из них другой социальный смысл, другое содержание» ²⁾. Капелюш правильно отмечает, что если исходить из «логики» предопределения, то как будто одинаково можно вывести соответствие догмата предопределения и олигархической и демократической тенденции. Обе тенденции, на первый взгляд, одинаково вытекают из него: олигархическая тенденция напрашивается из учения о божьем предызбрании, демократическая же — из положения, что благодать может посетить каждого верующего. Кальвин именно и учил, что личность божьего избранника является божьей тайной ³⁾.

Таким образом, мы видим, как все выше цитированные нами авторы безнадежно путаются в вопросе о социальной сущности догмата предопределения, потому что все они при его рассмотрении исходят из идеалистических, а не материалистических предпосылок.

Только Энгельс, применяя выработанный Марксом и им (Энгельсом) «единственно материалистический, а следовательно, научный метод», дает разрешение вопроса о социальной сущности кальвиновского догмата предопределения.

Рассматривая борьбу буржуазии против феодализма и подчеркивая, что в ранних буржуазных революциях (эпоха реформации, английская революция) борьба эта неизбежно проходила под религиозным знаменем и что учение Лютера и Кальвина дали буржуазии это знамя, Энгельс пишет о Кальвине:

«Его догмы были приноровлены к требованиям самой смелой части тогдашней буржуазии. Его учение о предопределении было религиозным выражением факта, что в мире торговли и конкуренции удача или банкротство зависят не от деятельности или искусства отдельного

¹⁾ См. П. Лафарг «Экономический детерминизм К. Маркса», Собр. соч. Т. III, стр. 185.

²⁾ Ф. Капелюш «Религия раннего капитализма», стр. 115. Изд. «Безбожник», М. 1931.

³⁾ Делая это правильное замечание о кальвиновском догмате предопределения, сам Капелюш в оценке религиозного учения кальвинизма, проводит его идеализацию, приближающую его взгляды к взглядам Каутского на сектантство как на прогрессивное революционное учение.

лица, а от обстоятельств, от него не зависящих: «Определяет не воля или действие каждого отдельного человека, а милосердие» высших, но неизвестных экономических сил. И это было особенно верно во время экономического переворота, когда старые торговые пути и торговые центры были вытеснены новыми, когда были открыты Америка и Индия, когда такие издревле почитаемые члены экономического символа веры — стоимости золота и серебра — пошатнулись и стремительно пали»¹⁾.

Здесь Энгельс, отбрасывая всякие гадания, всякие произвольные схемы, обращается к конкретному историческому процессу и, рассматривая те классовые отношения, которые складывались в его ходе, из них выводит религиозное сознание людей. Исторические условия борьбы буржуазии с феодализмом в XVI—XVII вв. объясняют и самую социальную сущность догмата предопределения в кальвинизме и то обстоятельство, почему этот догмат имел в то время такое значение в идеологической борьбе.

О том, какое значение получило учение о предопределении, когда английская буржуазия после Великой английской революции разделила власть с дворянством, Энгельс пишет следующее: «С этого времени буржуазия стала скромной, но признанной частью господствующих классов Англии. Вместе с ними у нее имеется общий интерес в подавлении огромной трудящейся массы народа. Купец или фабрикант по отношению к своим приказчикам, своим рабочим, своей челяди там занимал положение хлебодавца, хозяина, или, как еще недавно выражались в Англии, «естественного начальника». Он должен был выколачивать из них возможно большее количество труда, возможно лучшего качества; с этой целью ему надо было воспитывать их в надлежащей покорности. Он и сам был религиозен; его религия доставила ему знамя, с которым он победил короля и лордов. Не так давно он открыл такие в этой религии средства, чтобы обрабатывать своих естественных подданных и делать их послушными приказам хозяев, которых поставил над ними неисповедимый промысел божий»²⁾.

Энгельс показывает и те дальнейшие изменения, которые происходили в буржуазной идеологии в процессе классовой борьбы буржуазии с феодализмом, а затем — буржуазии с пролетариатом. Вопрос о предопределении уже не играл после XVII в. прежней роли. В среде буржуазии поддерживались различные религиозные учения: и о предопределении и об абсолютной свободе воли и др. В наше время идеологи черносотенной фашистской буржуазии усиленно проповедают идею иррациональной, непостижимой судьбы, рока. Обращение к судьбе в настоящее время весьма характерно для буржуазии как для отживающего класса. Фашизм отрицает разум, причинность, объявляет недопустимым самое стремление к познанию мира, отрицает законы исторического развития. Он требует рабской покорности масс олигархии финансового капитала, представляемого кровавой диктатурой фашизма. Все-му этому и служит идея непостижимой судьбы. Вместе с тем эта идея в самой мракобесной ее форме соединяется у фашистов с идеей свободы воли (волюнтаризма) в ее крайней форме, означающей стремление повернуть ход истории назад, свободу расправы с рабочим классом, и т. д.

Этот пример с догматом о предопределении достаточно убедительно показывает всю опасность каких-либо отступлений при рассмотрении религии от указания Маркса о методе исследования религии. Он показывает, что материалистический метод исследования религии — «из данных отношений реальной жизни выводить соответствующие им религиозные формы» — является и единственно научным методом.

¹⁾ Энгельс «Анти-Дюринг», стр. 284. Предисловие к английскому изданию книги «Развитие социализма от утопии к науке». Гиз. 1934.

²⁾ Там же, стр. 285.

Основные положения физики в свете учения Ленина

Л. Слепян

В мире нет ничего, кроме движущейся материи.

Ленин

Диалектика — основа естествознания. «Как бы ни упирались естествоиспытатели, но ими управляют философы. Вопрос лишь в том, желают ли они, чтобы ими управлял какой-нибудь модный философ, или же они желают руководствоваться разновидностью теоретического мышления, основывающейся на знакомстве с историей мышления и его завоеваний»¹).

Изучение истории мышления и его завоеваний привело Маркса и Энгельса к рациональной трактовке гегелевской диалектики и к созданию системы диалектического материализма. Но эта система еще и до сих пор не управляет естествоиспытателями.

Надо подчеркнуть, что даже в среде советских ученых диалектический материализм пользуется только официальным признанием, что он, по существу, не рассматривается большинством наших ученых как доктрина, которая может оказаться практически полезной для современной науки. Однако творцы диалектического материализма считали, что «диалектика — единственный пригодный на высшей ступени развития метод мышления» (Энгельс), что она «наука об общих законах движения как внешнего мира, так и человеческого мышления». Поэтому действительное признание диалектического материализма обозначает понимание его как неотъемлемой основы истинной науки. Мы и будем рассматривать диалектику как философскую систему, которая должна быть неотделимым фундаментом всего научного знания и, в частности, наиболее общей из естественных наук — физики.

На основании этого мы делаем попытку сформулировать основные положения физики с точки зрения диалектического материализма.

1. В качестве первого положения диалектического материализма приводим более точную формулировку необходимой связи диалектики как философской основы науки с конкретной научной практикой. Мы формулируем это положение следующим образом: теория (науки) и (научная) практика должны быть нераздельны. Именно товарищ Сталин наиболее решительно и настойчиво подчеркивал необходимость сочетать теоретическую и практическую работу²).

Положение Сталина относится ко всякой практической работе: теория и практика должны быть всегда нераздельны. В применении к философии

¹) Энгельс «Диалектика природы», стр. 107. 6-е изд.

²) Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 190. 9-е изд.

это значит: диалектический материализм есть истинная философия, т. е. общая теория научного познания мира. Он неотделим от конкретной науки как научной практики: наука без диалектики и диалектика вне органической связи с конкретной наукой не могут быть полноценными.

Наука, не опирающаяся на философию диалектического материализма, не проникнутая ею во всех своих частях, лишается прочного основания и может представлять собой лишь объединение разнородных теорий и идей, лишенных логической связи и часто несовместимых между собой. Наука лишается устойчивого пути и далекой перспективы и может идти вперед лишь ощупью и зигзагами.

Диалектика, оторванная от живой связи с конкретной научной практикой, превращается в догматический набор абстрактных положений. Они лишь упоминаются в предисловиях или вступлениях, как обязательная дань установившимся традициям. Между тем «наша теория не догма, а руководство к действию». Поэтому диалектический материализм есть руководство к повседневной научной работе. В этом содержание первого указанного положения, непосредственный вывод из положения Сталина.

2. Основное положение материалистической философии. Приводим в формулировке Ленина наиболее важное положение, устанавливающее отличие материализма от идеализма. Это есть наиболее широкое обобщение материалистической философии. У Ленина сказано: «Новое течение в физике (не материалистическое. — Л. С.) ...отрицает существование объективной реальности, независимой от нашего сознания и отражаемой им»¹⁾.

Отсюда основное положение материалистической философии: мир существует как объективная реальность, независимая от нашего сознания и отражаемая им.

Формулированное положение материалистической философии пользуется достаточно широким признанием, а естествоиспытатели были и остаются «стихийными материалистами». Однако можно утверждать, что подавляющее большинство их следует причислить к весьма непоследовательным материалистам, так как они не руководствуются диалектическим материализмом.

Реальным источником науки может быть лишь познание внешнего мира, истинная философия может быть лишь обобщением данных научного опыта. Она должна базироваться на этих данных, но в дальнейшем сама превращается в фундамент, на котором строится научная система. Только найденные широкие философские обобщения превращают отрывочные знания в стройное целое — в науку.

Истинная философия должна быть натурфилософией, т. е. философией природы, и в то же время учением о процессе познания: она должна быть обобщением и основой и естественных и социальных наук. Этим и является диалектический материализм.

Логическим следствием такого понимания диалектического материализма является вывод, что главные положения его должны рассматриваться как основные законы природы и должны быть сформулированы и представлены соответствующим образом.

Как истинные философские положения основы диалектики должны быть, и являются в действительности, законами более общими, более глубокими и более точными чем начала Ньютона, уравнения Максвелла и Шредингера, чем законы сохранения материи и энергии. Часть этих законов мы формулируем в последующем.

¹⁾ Ленин «Материализм и эмпириокритицизм». Т. XIII, стр. 210. 3-е изд.

3. Первым таким законом, являющимся наиболее замечательным обобщением накопленного до сих пор научного опыта и несомненным фундаментом всего будущего развития науки, служит положение, которое утверждает: в мире нет ничего, кроме движущейся материи, и движущаяся материя не может двигаться иначе, как в пространстве и во времени¹⁾.

Это положение определяет, что являлось истинным объектом научного познания до настоящего времени, и указывает, что только этот объект может явиться предметом науки в дальнейшем. Нужно подчеркнуть, что современная наука еще весьма далека от полного, безусловного и безоговорочного признания (или понимания) этого великого обобщения Ленина.

Ленин в достаточной мере разъяснил содержание тех понятий, к которым относится его положение. Во-первых, что такое материя? «Материя есть то, что, действуя на наши органы чувств, производит ощущение; материя есть объективная реальность, данная нам в ощущении»²⁾, «...единственное «свойство» материи, с признанием которого связан философский материализм, есть свойство быть объективной реальностью, существовать вне нашего сознания»³⁾.

О пространстве и времени Ленин говорит: «Признавая существование объективной реальности, т. е. движущейся материи, независимо от нашего сознания, материализм неизбежно должен признавать также объективную реальность времени и пространства»⁴⁾.

Весьма знаменательно то, что физики, направляемые самим объектом науки, т. е. явлениями природы, по пути стихийного материализма, также стихийно подошли к главному содержанию основного положения материализма. Физика стремится формулировать свои положения в виде математических законов, устанавливающих соотношения между различными величинами. Но эти величины относятся к понятиям, и какие-то понятия должны быть приняты за основные. Здесь должна была бы вступить в свои права философия. Но физика независимым путем пришла к правильным положениям. Она приняла за основные величины массу (m), время (t) и длину (l), т. е. величины, отражающие образ материи, движущейся в пространстве. Все остальные величины выражаются через эти 3 основных, что проявляется в так называемых формулах размерности физических величин.

Физические величины количественно определяют свойства реальных объектов мира. Основное положение материализма устанавливает, что во всех этих свойствах могут проявляться лишь свойства различных форм движущейся материи. Поэтому размерности всех физических величин должны быть лишь комбинацией основных величин m , l и t или l и v (скорость).

Больше того, реально существующие объекты и явления должны обладать всеми свойствами движущейся материи, т. е. должна быть возможность охарактеризовать их и по количеству материи (массе m) и по пространственной протяженности (l , l^3) и по изменению положения во времени (v). Те понятия и образы, которые нельзя охарактеризовать всеми указанными величинами, могут быть лишь условными, т. е. они отражают лишь часть истинной реальности.

В последующих положениях развивается и дополняется содержание основного положения материализма. Они являются как бы следствиями его.

4. С основным положением материализма, во-первых, тесно связано положение, подчеркивающее, что материя и движение не могут существовать раздельно, именно, что материя и движение нераздельны.

¹⁾ Ленин «Материализм и эмпириокритицизм», стр. 144. 3-е изд.

²⁾ Там же, стр. 119.

³⁾ Там же, стр. 213.

⁴⁾ Там же, стр. 143.

«Движение есть форма существования материи... (Материя без движения так же немыслима, как движение без материи)»¹⁾.

Познающий ум мысленно расчленяет единый образ материи, занимающей пространство и движущейся в нем, на отдельные свойства: массу как якобы самодовлеющую характеристику реальности, движение как нечто отдельное от массы, пространство и время, лишённые материи и движения. Однако все это лишь абстрагированные образы познающего ума, какие-то математические пределы истинной реальности — движущейся материи. Положение Энгельса подчеркивает, что реальные объекты мира непреложно обладают всеми свойствами в совокупности, что в них материя и движение нераздельно объединены в одно целое.

Таким образом, в природе не может быть такого реального объекта, который определяется только величиной массы m или только величиной (или вектором) скорости v . Обе характеристики нераздельны.

5. Все образы мира — процессы. В первом следствии из основного положения материализма подчеркнем, что даже все кажущееся нам определенным и неизменным также является лишь образом движущейся материи. Все образы мира как и все явления в нем суть лишь процессы.

Это значит, что в природе не существует тел, предметов, вещества как таковых, т. е. как чистой материи. Все это лишь образы движущейся материи, или иначе, это непрерывные процессы, которые лишь могут протекать в ограниченном объеме пространства. Такие процессы, движения, которые имеют повторяющиеся формы и ограничены по своей протяженности, называют в науке квазистационарными. Поэтому тела, предметы следует рассматривать как квазистационарные процессы. То же, что рассматривается как физические явления, суть процессы неквазистационарные, в которых могут участвовать квазистационарные образы (тела) или происходят превращения последних. «Вся природа... находится в вечном возникновении и уничтожении, в непрерывном течении, в неустанном движении и изменении...»²⁾

Современное представление о двойственной природе материальных частиц, которые являются в одно и то же время и дискретными частицами материи и волнами, есть лишь плохое выражение для обозначения ограниченного процесса, т. е. элемента движущейся материи, сохраняющегося как квазистационарный образ — это и «материя» (частица ее) и «волна», т. е. определенная форма движения материи, и они должны быть нераздельны, ибо материя и движение вообще неразделимы, поэтому двойственность природы материальных частиц есть единство материи и движения.

6. Материя едина. В основном положении материализма заложено как необходимое следствие представление о единстве всех форм материи, кажущихся сначала различными. Не может существовать качественно различных видов материи, ибо в природе существует лишь единая движущаяся материя и различными являются только формы движения ее отдельных частей. Разница в этих формах движения, в их комбинациях и является качественной разницей в видах самой материи, так как различные формы движения обуславливают разные свойства движущейся материи.

Отсюда второе следствие из основного положения материализма: материя едина, различны лишь формы движения ее частей.

Естествознание ведет, следовательно, «к единству материи»³⁾, причем всякая материя есть движущаяся материя.

Подчеркнем здесь, что необходимо ясно различать материю в философ-

¹⁾ Энгельс «Анти-Дюринг», стр. 41. 1934.

²⁾ Энгельс «Диалектика природы», стр. 93. 6-е изд.

³⁾ Ленин «Материализм и эмпириокритицизм», стр. 213. 3-е изд.

ском смысле, в каком она понимается у Ленина, и вещество обычных материальных тел или химических веществ. Обычное вещество (материя в обычном смысле слова) соответствует лишь определенным формам движения материи, определенной структуре частиц движущейся материи и некоторым формам их относительных движений. Поэтому, хотя все реальное непременно материально, но не все материальное есть обычное вещество.

Например электромагнитные волны являются реальностью. Поэтому они необходимо материальны, но это не значит, что они всегда связаны с обычным веществом.

Материальность всего существующего проявляется в наличии массы (и движения), но не все, имеющее массу, тождественно с привычной формой материи, т. е. с обычным веществом. Будем поэтому различать в дальнейшем материю в общеполитическом смысле: она определяет массу всякого процесса. Обычную же форму материи, определяющую свойства макроскопических тел, материю, изучаемую химией, мы будем называть веществом.

Такое разделение не следует понимать в том смысле, что материя вещества отличается принципиально от других форм материи. Материя во всех случаях едина, она всегда проявляется как масса (m), понимая под массой не только механическую массу, но способность физического взаимодействия вообще. Поэтому все формы материи могут переходить одна в другую. Это надо понимать не только в смысле превращаемости химических элементов, но и в том смысле, что электромагнитные волны должны превращаться в частицы вещества, а последние — в электромагнитные волны, что материя электронов, позитронов, протонов и нейтронов — та же, что и материя электромагнитных квантов. Все эти образы суть лишь различные процессы, т. е. различные формы единой движущейся материи.

7. Принцип сохранения существования движущейся материи. Движущаяся материя есть единственная реальность, она единственная субстанция мира. Поэтому ее необходимо представить себе как нечто не исчезающее и не возникающее вновь. Отсюда имеем принцип сохранения существования движущейся материи: движущаяся материя сохраняет (непрерывно) свое существование во времени и пространстве.

Это положение обозначает гораздо больше чем законы сохранения материи и энергии в их физическом понимании, включая их как частные следствия.

8. Масса, количество движения и энергия. Повторяем: лишь движущаяся материя есть истинная реальность, она единственная субстанция мира. Но для нее можно дать различные количественные характеристики. Наибольшее значение до настоящего времени приобрели 2 или даже 3 частные характеристики, не считая пространственной протяженности, — это энергия, количество движения и масса. Энергия есть

$$a \cdot mv^2, \tag{1}$$

количество движения есть $mv^1, \tag{2}$

масса $mv^0. \tag{3}$

Не останавливаясь на истории образования этих понятий, на причинах появления (1) коэффициента a и на его величине, на еще непонятном смысле выражения (2), мы подчеркнем здесь, что все эти понятия и величины суть лишь частные количественные характеристики движущейся материи. Сами по себе они не являются субстанциями: они свойства или характеристики истинной субстанции мира.

Определение массы и энергии. Масса (m) и энергия ($a \cdot mv^2$) — частные характеристики движущейся материи.

Поэтому законы сохранения материи и энергии следует рассматривать лишь как частные формулировки общего закона сохранения существования движущейся материи. Масса и энергия — некоторые количественные показатели движущейся материи, и их непрерывное сохранение во времени и пространстве лишь отражает непрерывность существования движущейся материи.

Как не существует материи без движения и движения, оторванного от материи, так нет энергии, не относящейся к движущейся материи. Никакая энергия не есть просто энергия, никакая форма энергии не есть сама по себе субстанция: всякая энергия есть только определенная характеристика движущейся материи ($a \cdot mv^2$), но пока не все виды ее мы умеем описать в явной форме. Только в этом смысле пока еще существуют «потенциальные» виды энергии.

Принцип Эйнштейна

$$E = mc^2 \quad (4)$$

обозначает, что на определенном этапе познания материи, на этапе электромагнитного описания мира, всякая материя представляется как материя, движущаяся со скоростью c . Поэтому всякая масса m связана с величиной энергии.

$$E = mc^2,$$

или $a \cdot mc^2$, и, наоборот, всякая энергия E связана с массой

$$m = \frac{E}{c^2}, \quad \text{или} \quad m = \frac{E}{ac^2}.$$

Но энергия не есть масса, масса не есть энергия, одно не превращается в другое, так как и масса и энергия — лишь частные характеристики непрерывно существующей движущейся материи.

9. Сила — проявление движущейся материи. Современная физика, точнее механика, базируется на началах Ньютона и на понятиях, ими установленных. Поэтому в физике силу нередко рассматривают как первичное понятие. Энергия определяется возможной работой силы и лишь в некоторых случаях считается кинетической энергией движения. Не останавливаясь здесь на критике этой, явно устаревшей системы, мы подчеркнем, что, с точки зрения диалектического материализма, сила не может быть первичным образом. Против злоупотребления понятием силы, против ее истолкования как некоторой метафизической реальности весьма решительно восставал Энгельс¹⁾.

Сила есть лишь проявление движущейся материи, а именно сила есть производная количества движения по времени, или производная энергии по пути (для виртуальных перемещений):

$$F = \frac{\partial(mv)}{\partial t} \quad (5)$$

$$F = \frac{\partial(\frac{1}{2}mv^2)}{\partial l} \quad (6)$$

Так как мы не всегда можем описать форму движущейся материи, которая проявляется в ее энергии, то обычно вместо величины $\frac{1}{2}mv^2$, или $a \cdot mv^2$, пишут A , а вместо выражения (6) пишут:

¹⁾ Энгельс «Диалектика природы», стр. 10—12, 15, 138—140 и др. 6-е изд.

$$F = \frac{\partial A}{\partial l} \quad (6^1)$$

Пользование началом Ньютона приводит к тому, что равенство (6¹) читается часто наоборот, т. е. пишут:

$$\partial A = F \partial l, \quad (7)$$

рассматривая это как определение работы и энергии. Таким образом, реальность (энергия — характеристика движущейся материи) превращается в условность, а условность (сила) превращается в нечто первичное.

Это во многих случаях соответствует действительному пути нашего познания: об энергии неизвестной формы движущейся материи мы судим по ее проявлениям в уже исследованных формах — по силам, т. е. сила становится исходным понятием некоторых исследований. Но это не значит, что то же соотношение между причиной и следствием, между реальностью и ее проявлением заключено в природе вещей. Здесь-то общие философские положения, особенно диалектика, устраняют господствующую путаницу понятий и смешение порядка исследования с соотношениями в природе.

«Мы ищем прибежище в слове «сила» не потому, что мы вполне познали закон, но именно потому, что мы его не познали, потому, что мы еще не выяснили себе «довольно запутанных условий» этих явлений. Таким образом, прибегая к понятию силы, мы выражаем не наше знание, а наше отсутствие знания природы закона и способа его действия. В этом смысле, в виде краткого выражения еще непознанной причинной связи, ввиду уловки языка, оно может перейти в обычное употребление. Что сверх того, то от лукавого»¹⁾.

Итак, с точки зрения диалектического материализма, сила не есть самостоятельная реальность. Сила есть проявление свойств движущейся материи:

$$F = \frac{\partial A}{\partial l}, \quad F = \partial \left(\frac{mv}{\partial t} \right)$$

Она производная энергия по пути возможного перемещения или производная количества движения по времени. Направление и величина силы соответствуют форме движения материи.

10. Этапы познания мира. Укажем в заключение еще одно, весьма важное положение диалектического материализма: в мире мы не видим ничего неизменного, ничего, что было бы последним началом и последним концом. Поэтому мы находим: бесконечность объекта науки — все явления мира неисчерпаемы для познания.

Познание все больше углубляет наши представления о действительной природе явлений, но ставит нас перед все новыми задачами. «И. Дигген подчеркивал, что «объект науки бесконечен», что неизмеримым, непознаваемым до конца, неисчерпаемым является не только бесконечное, но и «самый маленький атом», ибо «природа во всех своих частях без начала и без конца»²⁾.

«С точки зрения современного материализма, т. е. марксизма, исторически условны пределы приближения наших знаний к объективной, абсолютной истине, но безусловно существование этой истины, безусловно то, что мы приближаемся к ней»³⁾.

¹⁾ Энгельс «Диалектика природы», стр. 139. 6-е изд.

²⁾ Ленин «Материализм и эмпириокритицизм». Собр. соч. Т. XIII, стр. 214.

3-е изд.

³⁾ Там же, стр. 111.

Мы познаем явления мира при помощи основных образов, которыми могут и должны быть образы движущейся материи. Переходя от одних элементарных образов к другим, следующего порядка малости, мы переходим от одного этапа познания природы к следующему, более глубокому. От макроскопического мира, от представлений чистой механики мы переходим к миру микроскопическому, в котором элементарным образом являются движущаяся молекула и атом.

Следующий этап углубления в познании природы ставит нас перед миром электромагнитных явлений, в котором еще точно не установлен элементарный образ. Однако уже ясно, что это будет квант, который с точки зрения диалектического материализма не может быть ничем иным, кроме частицы движущейся материи. Установление формы движения материи в нем и форм преобразования этих движений есть очередная задача науки.

С НАУЧНОГО ФРОНТА

Памяти астронома - большевика

(к 15-летию со дня смерти П. К. Штернберга)

В. Тер-Оганезов

I

Революционная борьба рабочего класса за окончательное освобождение трудящихся выдвинула длинную галерею замечательнейших людей, беззаветно преданных революции, закаленных в классовых боях борцов, отдавших все делу пролетариата. Само собой понятно, что в этом ряду первое место занимают лучшие представители рабочего класса. Но в том и заключается непобедимая сила революции, что она привлекает на свою сторону все, что есть передового, честного и хорошего в лагере, противостоящем рабочему классу. Поэтому вместе с рабочими в этом ряду мы видим и подлинно революционных людей из буржуазной интеллигенции. Среди них совершенно особое место занимает Павел Карлович Штернберг. Особенность эта заключается в том, что в то время как другие по своему образованию и роду деятельности были связаны с общественными науками, применяя эти науки к практике революционного действия, Павел Карлович был человеком «оторванным» от «земных интересов», будучи ученым в области, наиболее далекой от революционных классовых битв. Небесные светила и «земные» проблемы; двойные звезды и баррикады; небесные туманности и вооруженное восстание пролетариата; профессура в императорском университете и строжайшая подпольная конспирация; директор астрономической обсерватории и член революционного совета армии пролетариата.

Что могло быть общего между двумя этими параллельными рядами, казалось бы, непересекающимися?

Но в революционном тигле произошло то, что могло показаться невозможным. Аскетически преданный науке человек оказался одновременно и страстным борцом за рабочее дело, отдавшим всю свою кровь, буквально каплю за каплей, делу революции.

Эта видимая противоположность его жизненного пути получила как бы внешнее свое отражение в самом облике Павла Карловича Штернберга. На вид суровый, холодный, неприступный, подавляющий своим превосходством, в действительности он был необычайно мягким и сердечным человеком, отзывчивым и внимательным товарищем, превосходство которого растворялось в его желании оказать вам нужную помощь.

К сожалению, об этом замечательном образе революционного боевого солдата мы имеем далеко не полные сведения. В архивах Музея революции числятся лишь два—три документа и фотоснимка в папке Павла Карловича, а между тем можно собрать очень много ценных документов, восстановить множество крайне важных фактов, рисующих облик этого обаятельного человека.

Хронологическая сторона его биографии такова.

Павел Карлович Штернберг родился в Орле 22 марта 1865 г. в семье под-

рядчика по строительным материалам. Среднее образование он получил в орловской гимназии, по окончании которой, в 1883 г., поступил на физико-математический факультет Московского университета по специальности астрономии. Дипломная работа была написана на золотую медаль. Преподавательская деятельность началась в 1890 году. Первую диссертацию Павел Карлович Штернберг защитил в 1903 г. («Широта московской обсерватории в связи с движением полюсов»), докторскую диссертацию Павел Карлович защитил в 1913 г. («Некоторые применения фотографии к точным измерениям в астрономии»). В 1905 г. уехал в заграничную научную командировку, из которой вернулся весной 1906 года. Немедленно же после возвращения Павел Карлович вступает в партию, где ему поручаются ответственные задания, связанные с подготовкой вооруженного восстания. Непосредственно партийной работой он занимался вплоть до конца 1908 г., когда временно он отошел от активной подпольной работы, поддерживая, однако, связь с партией в разных формах. Февральская революция ставит его во главе работы по организации боевых дружин в Москве. В Октябре он непосредственно участвует в числе руководителей вооруженного восстания в Москве.

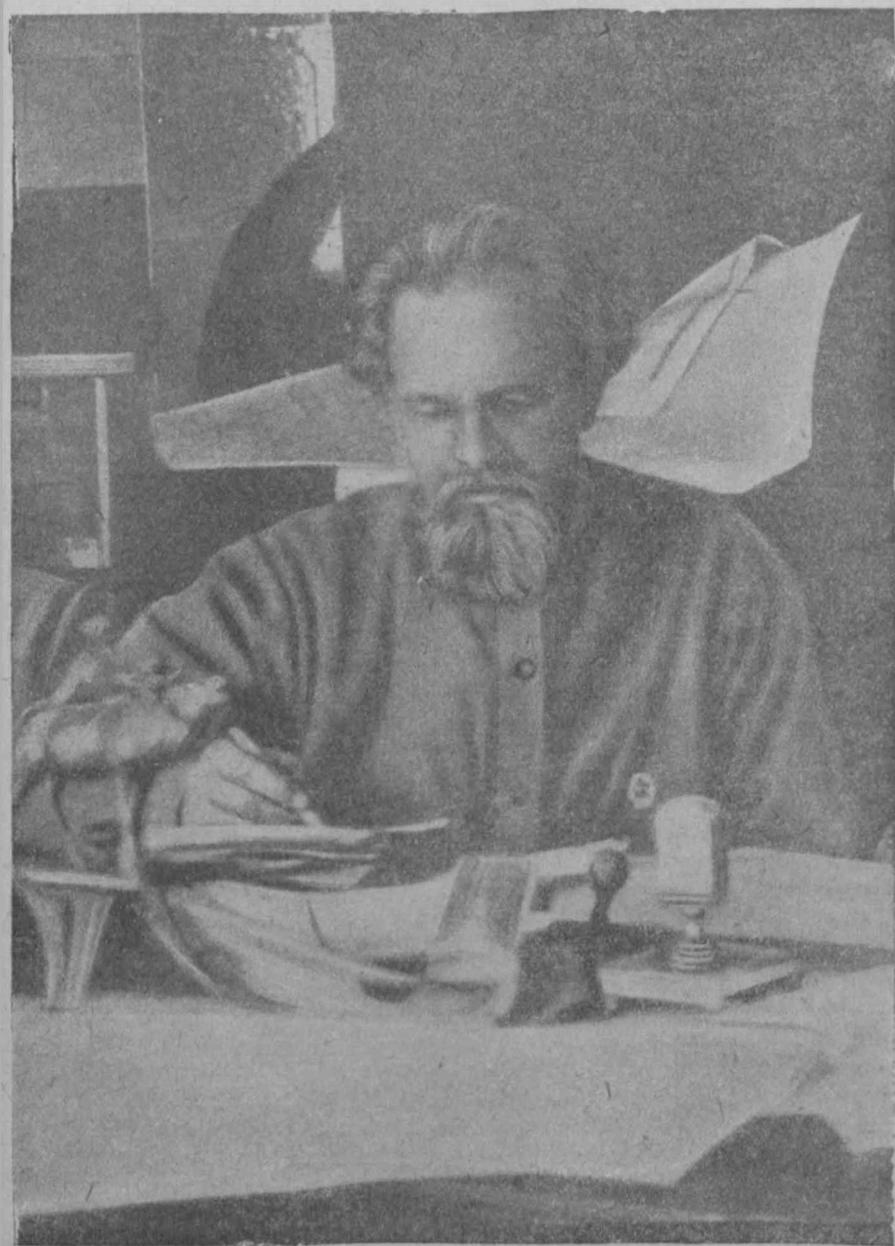
С переездом Совнаркома в Москву Павел Карлович Штернберг принимает участие в работе Наркомпроса в качестве члена коллегия и непосредственно руководит отделом высшей школы. Осенью 1918 г., по решению ЦК РКП(б), Павел Карлович Штернберг уезжает на фронт в качестве члена реввоенсовета 2-й армии. Тяжелое состояние здоровья временно прерывает эту работу до осени 1919 г., когда он возвращается на фронт уже как член реввоенсовета восточного фронта. Скоро состояние его здоровья резко ухудшается, и Павел Карлович Штернберг умирает 31 января 1920 года.

Такова в сжатом изложении яркая, насыщенная жизнь Павла Карловича Штернберга.

В. Н. Яковлева, останавливаясь на характеристике Павла Карловича Штернберга, обращает особенное внимание на одну черту, понимание которой, как она говорит, может объяснить очень многое в его жизни. Эта черта — необычайное трудолюбие, исключительная добросовестность во всякой работе и внимание при исполнении этой работы ко всем, даже второстепенным мелочам. То же самое отмечает и профессор С. Н. Блажко, говоря, что работы Павла Карловича Штернберга отличаются «скрупулезностью, вниманием ко всевозможным ошибкам, которые мыслимы как при наблюдениях, так и при обработке этих наблюдений. В точном учете этих ошибок заключается главнейшая методологическая сторона его работы»¹⁾. В дальнейшем мы еще увидим, как эта черта Павла Карловича Штернберга выпукло выступила в его революционной работе, а сейчас приведем отрывок из статьи В. Н. Яковлевой, объясняющий, откуда появилась эта черта у Павла Карловича Штернберга: «...он происходил из немецкой семьи, у которой за плечами стоял длинный ряд поколений ремесленников и в которой поэтому ручной труд был всегда в большом почете. Еще дед его был мастером по лакировке кож, а отец прошел годы ремесленного ученичества как москательщик, хотя и сделался впоследствии подрядчиком по поставке строительных материалов; дома же он постоянно занимался ручным трудом. Поэтому и Павел Карлович, избравший своей специальностью отвлеченнейшую из наук, с большой охотой спускался всегда в обсерваторские мастерские и работал на токарном или сверлильном станке или обстругивал какую-либо деревянную часть для подставки к какому-либо измерительному инструменту. Пальцы его с одинаковым успехом умели владеть напильником и натягивать тончайшие нити микрометра, а в свободную минуту бегали по клавишам рояля...»²⁾.

¹⁾ Доклад проф. С. Н. Блажко «Памяти Н. К. Штернберга» на общем собрании Московского астрономо-геодезического общества 10/X 1935 года.

²⁾ В. Н. Яковлева «Памяти профессора-боевика». «Пролетарская революция» № 1 за 1930 год, стр. 91.

(1865—1920)

Эта важная черта Павла Карловича Штернберга проявилась со всей отчетливостью еще тогда, когда, будучи студентом, он взялся за пробную астрономическую работу, данную ему знаменитым Бредихиным. Вот каков был режим его работы в то время. Он вставал в 6 часов утра, начинал занятия с 9 часов утра и до глубокой ночи производил вычисления на основе полученных наблюдений. Единственным его развлечением были редкие часы игры на кларнете или в шахматы. Пробная работа показала, что перед Павлом Карловичем Штернбергом открыт свободный путь научно-исследовательской работы. Последующие годы полностью подтвердили надежды, которые возлагались на Павла Карловича Штернберга.

Первая серьезная научная работа Павла Карловича Штернберга появилась в печати в 1888 г.; она посвящена проблеме вращения Юпитера. Для того чтобы понять значение этой работы, надо иметь в виду, что проблема определения времени вращения Юпитера вокруг своей оси является одной из наиболее загадочных проблем планетной астрономии даже сегодняшнего дня. При этом трудность вопроса состоит не в том, что на диске этой планеты нет достаточного количества заметных объектов, по перемещению которых можно было бы судить о вращении Юпитера, а в том, что при большом их обилии на диске вращение их происходит по крайне запутанному закону, зависящему не только от широты положения объекта на диске Юпитера, но и от других, недостаточно выясненных причин. К тому же детали, которые доступны при наблюдении его поверхности, повидимому, расположены в окутывающей его густой атмосфере и существуют не больше нескольких недель, за исключением некоторых объектов, которые, надо думать, принадлежат самой поверхности Юпитера и бывают видимы в течение многих лет. К таким объектам прежде всего следует отнести знаменитое красное пятно, открытое за десяток лет до начала работы Павла Карловича Штернберга.

Совершенно другого характера была работа Павла Карловича Штернберга по определению силы тяжести, к которой он приступил также по предложению Бредихина. Определение напряжения силы тяжести в те времена еще не представляло столь многостороннего интереса, как сейчас. Эта работа имела тогда лишь теоретический интерес. По некоторым причинам Павел Карлович Штернберг вскоре должен был прервать эти работы и вернуться к ним лишь двадцать пять лет спустя, применив во второй раз уже совершенно иные приборы. Благодаря этим работам Павел Карлович стал у нас одним из пионеров в той специальности, которая в настоящее время превратилась в мощное орудие в руках геологов для разрешения не только деликатнейших геологических проблем, но и для поисков ценных полезных ископаемых.

В 1892 г. Павел Карлович Штернберг принимается за грандиозную работу по определению широты Московской обсерватории и выяснению вопроса о том, изменяется ли широта или же остается неизменной. В течение трех лет Павел Карлович систематически вел упорные наблюдения на вновь полученном от известной фирмы Бамберг пассажном инструменте с ломаной трубой, применяя для этого два способа: Талькотта и Струве. Кропотливая обработка этих наблюдений потребовала в последующем многих лет упорного труда, в результате чего в 1903 г. появилась блестяще выполненная работа, еще до сих пор сохранявшая все свое значение в смысле полноты и точности. Практическое значение этих работ для всех очевидно.

В 1903 г. Павел Карлович опубликовал результаты этой крайне ответственной работы, подтвердившие исследования Кюстнера и Чендлера и подготовившие почву для дальнейших исследований, уже потребовавших коллективных работ в международном масштабе.

К этому же времени относится начало других работ Павла Карловича, потребовавших уже совершенно иных инструментов и иной методики. Павел Карлович поставил перед собою задачу применения фотографического метода в точных

астрономических измерениях. Для этого он избрал две проблемы: измерение положения компонентов двойных звезд и определение собственного движения туманностей. Поясним значение этих работ. Во вселенной существуют звезды, расстояния которых друг от друга так невелико, что, в силу закона всемирного тяготения, эти звезды должны вращаться по эллипсу вокруг общего центра тяжести наподобие вальсирующей пары.

Двойные звезды, находящиеся от нас на громадных расстояниях, невооруженному глазу представляются в виде обыкновенной звезды, и только инструменты в состоянии «разложить» их на компоненты. Расстояние между этими компонентами такого порядка, каким представилось бы обыкновенное чайное блюдце примерно с тридцатикилометрового расстояния, если бы блюдце можно было видеть вообще с такого расстояния (соответствует расстоянию в одну секунду дуги). Видимое движение подобных пар крайне медленно: самые быстрые совершают оборот в несколько лет, но есть пары, описывающие эллипс в несколько сот лет и больше. Излишне говорить, что изучение двойных звезд представляет особенно большой интерес с общей, космогонической точки зрения. Определение же орбит подобных двойных звезд требует измерения взаимных расположений этих звездных пар в различные моменты, с интервалами в несколько лет. Примерно за 50 лет до Павла Карловича Штернберга Бонд пытался использовать фотографию для измерения расположения двойных звезд. С тех пор почти никто не брался за это дело, и только Павел Карлович Штернберг вновь принялся за измерение двойных звезд с помощью фотографии, причем получил такие прекрасные результаты, которые, пожалуй, и до сих пор этим методом не превзойдены. Изумительное знание приборов, умение извлечь из них все, что они могут дать, позволили Павлу Карловичу Штернбергу поднять эту методику на громадную высоту.

Примерно то же самое можно сказать и о другой теме — об определении собственного движения туманностей в пространстве. Избранный Павлом Карловичем Штернбергом метод был нов: он поставил перед собой задачу — найти движение в пространстве космической туманности путем сличения нескольких фотографических снимков, разделенных возможно большим интервалом времени. Это задача еще более смелая и трудная. Тем не менее Павлу Карловичу Штернбергу удалось обнаружить крайне слабое движение туманности на основании сравнительно короткого базиса времени — в шесть лет. Но старые снимки Павла Карловича в настоящее время приобрели еще большую ценность, так как они дают возможность путем сопоставления с современными снимками получить значительно больший интервал времени между наблюдениями, а следовательно, дать более точный ответ на вопрос о движении туманности.

Работы по применению фотографии в астрономических измерениях были закончены Павлом Карловичем Штернбергом в 1913 году.

Далее, особенного внимания заслуживают его работы по определению силы тяжести, о которых говорилось выше. Во второй раз к этим вопросам Павел Карлович вернулся в 1916 г., поставив перед собой задачу изучения аномального распределения силы тяжести в Московской области. Известно, что сила тяжести не является величиной постоянной на земной поверхности (если даже относить ее к воображаемому уровню моря на данном месте): эта сила изменяется с широтой, во-первых, вследствие приплюснутости земли у полюсов (а следовательно, неодинаковости радиусов земного шара), а во-вторых, вследствие влияния, из-за вращения земли, центробежной силы, различной на различных широтах. Но есть области, где наблюдается отклонение силы тяжести от нормы как по напряжению, так и по направлению. Это объясняется наличием или, наоборот, отсутствием больших местных масс, влияющих на напряжение силы тяжести. Московская область как раз отличается сильной аномалией напряжения силы тяжести. Этим вопросом заинтересовался Павел Карлович Штернберг и в течение 1916 и 1917 гг. провел большие исследования, давшие важные результаты. Эти работы были

прерваны революционными событиями в октябре 1917 года. Еще летом и осенью 1917 г. Павел Карлович Штернберг находил время для научных работ, несмотря на то что в то время он был целиком поглощен участием в подготовке к вооруженному восстанию, но с момента Октябрьской революции Павел Карлович должен был окончательно оставить научные работы, так как революционные обязанности у него потребовали всего его времени. Профессор С. Н. Блажко сообщает о крайне любопытном факте из этого периода жизни Павла Карловича Штернберга: «Наблюдения начались в 1916 г. и продолжались в 1917 г. летом и осенью. Последние наблюдения Павла Карловича в этой работе относятся к 5 ноября 1917 года. Это было совершено накануне Октябрьской революции».

В нашем кратком обзоре мы лишены были возможности не только перечислить, но даже сколько-нибудь подробно изложить научные работы Павла Карловича Штернберга. Но и написанного вполне достаточно, чтобы видеть, что перед нами крупнейший ученый с европейским именем, подлинно талантливый исследователь, умеющий прокладывать новые пути, не боящийся трудностей, обладающий громадной силой воли, необходимой для успешного завершения больших исследований.

II

Когда подробнее знакомишься с жизнью Павла Карловича Штернберга как ученого, то невольно возникает вопрос: как могла произойти необычайная трансформация в его жизни, превратившая его из «академического» ученого в революционного борца?

В. Н. Яковлева, останавливаясь на этом моменте, отмечает, что в то время, когда Павел Карлович Штернберг уезжал за границу, т. е. весной 1905 г., никому не могло бы придти в голову предположение, что этот мирный ученый вернется из заграницы вполне созревшим революционером и возьмется за самое опасное революционное дело — непосредственную подготовку к вооруженному восстанию. А между тем невозможное стало действительностью:

«... Однако и за границу тов. Штернберг уехал не таким уже безучастным к вопросам общественно-политической жизни, как это могло бы показаться поверхностному наблюдателю... Научность и строгая последовательность мировоззрения социал-демократической партии в отличие от беспомощного эклектизма и простого революционного восторга социалистов-революционеров оказали решающее влияние на его математический, воспитанный на точных науках ум. Это обстоятельство в особенности сказалось за границей, во время научной командировки, когда, не обремененный преподавательской деятельностью, он мог свободное от научных занятий по астрономии время отдавать изучению марксизма и в первую очередь «Капитала». «Капитал» покорила его математическую голову...»

Октябрьские дни и последующие события 1905 г. он провел также за границей и следил за ними по революционной прессе. При первых известиях о вооруженном восстании в Москве он двинулся в Россию и приехал в Москву непосредственно после разгрома восстания, когда на улицах стояли патрули, обыскивавшие прохожих, а по вечерам было темно и кое-где постреливали»¹⁾.

Сейчас же после приезда в Москву Павел Карлович Штернберг связался с Московским комитетом нашей партии. Таким образом уже весной 1906 г. Павел Карлович востал в нашей организации.

Здесь следует отметить, что в работах и воспоминаниях некоторых товарищей вкралась ошибка по вопросу о времени вступления Павла Карловича Штернберга на революционное поприще. В частности, тов. Пече полагает, будто Павел Карлович Штернберг еще в 1905 г. был в числе боевых руководителей восстания и, в частности, сохранил с 1905 г. план восстания²⁾. Аналогичное же утверждение

¹⁾ В. Н. Яковлева «Памяти профессора-боевика». «Пролетарская революция» № 1 за 1930 г., стр. 92.

²⁾ Я. Пече «Красная Гвардия в Москве в боях за Октябрь», стр. 12 и 30.

можно найти в воспоминаниях Файдыша¹⁾. То же самое находим и в статье тов. Ивановой²⁾.

Московский комитет нашей партии поручает ему исключительно ответственную и важную работу сначала по финансовым вопросам партии, а затем работу по Московскому военно-техническому бюро.

Крайне интересные воспоминания этого периода принадлежат Н. Ф. Преображенскому:

«... С Павлом Карловичем я встретился в первый раз в обстановке несколько необыкновенной. Я был студентом Московского университета. Это было в 1906 г., я был на физмате, был председателем научного кружка и очень интересовался фотографией...

Как-то вышло так, что мы с ним познакомились, и он позвал меня к себе в обсерваторию посмотреть его работы. В то время не так просто было пройти в обсерваторию. Я помню, как он меня предупреждал, что профессор Цераский, директор обсерватории, не любит, когда в обсерваторию ходят посторонние люди.

Еще тогда в Павле Карловиче меня поразило его умение работать... Меня прямо захватило, как работал Павел Карлович у себя в обсерватории. Он был, очевидно, и токарем и столяром, и в то же время он отличался исключительной пунктуальностью и щепетильностью в установлении любых деталей»³⁾.

В это время тов. Преображенский не подозревал, что он состоит с Павлом Карловичем в одной и той же политической организации. Раскрылось же это обстоятельство скоро и очень интересным образом.

Весной 1906 г. перед Военно-техническим бюро Московского комитета партии встал вопрос об издании знаменитой брошюры Вычегодского «Техника уличного боя». В Московском комитете тов. Преображенскому предложили обратиться к их финансисту, Владимиру Николаевичу, большому конспиратору, у которого можно достать необходимые деньги на издание.

Вот как рассказывает об этом Н. Ф. Преображенский.

«...—Как же с ним встретиться?..

— Встретиться с ним трудно, но все-таки попробуй. Он иногда бывает у Горбатого моста, у Василия Васильевича.

Я отправился туда встретить Владимира Николаевича. Сижу, дожидаясь, разговариваю с Василием Васильевичем. Потом смотрю: приходит Павел Карлович Штернберг и говорит:

— Тут у меня назначена встреча.

— У меня, — говорю, — тоже назначена встреча.

Посидели, поговорили. Павел Карлович говорит:

— Что же это он не идет?

— У меня тоже не идет.

— Да ты кого, собственно, ожидаешь?

— Да мне тут нужен один человек насчет финансирования.

— Какого финансирования?

— А вот нужно издать одну брошюрку.

— Так это ты и есть Михаил? (партийная кличка Н. Ф. Преображенского)

А ведь я Владимир Николаевич!

А Василий Васильевич смеется и говорит:

— Он такой же Владимир Николаевич, как я Василий Васильевич (Василий Васильевич — партийное имя Николая Николаевича Яковлева).

Это знакомство с Павлом Карловичем было для меня неожиданностью, потому

¹⁾ Файдыш «Красное Замоскворечье». Сборник революционных воспоминаний, стр. 87.

²⁾ Иванова. «Записки». Изд. Секция по изучению проблем войны при Комкадемии, 1931 г. Т. III, стр. 262.

³⁾ Н. Ф. Преображенский. «Памяти П. К. Штернберга». Доклад на общем собрании Московского астрономо-геодезического общества 10/X 1935 года.

что из ученого астронома он вдруг превратился во Владимира Николаевича, который занимается финансированием партии на предмет подготовки вооруженного восстания...»¹⁾

В это время Павел Карлович Штернберг пока еще занимался только лишь финансовыми вопросами партии. Но очень скоро он переходит в Военно-техническое бюро, где разворачивает работу в больших масштабах и на основе строго научной организации дела. Ставя перед собой задачу проведения в жизнь в своей работе тех указаний, которые дал Ленин после подавления восстания 1905 г., Павел Карлович Штернберг пришел к заключению, что для правильной организации восстания и победоносного проведения уличного боя прежде всего необходимо иметь подробный план города, причем отнюдь не с теми подробностями, которые обычно указаны в распространенных планах Москвы, а с теми специфическими деталями, которые часто при обычных условиях никакого значения не имеют, но в момент вооруженного восстания приобретают первостепенный интерес. Нужен не просто план, но такой план, на котором было бы указано, где и как расположен тот или иной дом, какой он высоты, какие у него проходные дворы, где помещаются «командные пункты», откуда лучше стрелять, соединяются ли крыши соседних домов, и т. д.

Само собой понятно, что открыто организовать поголовную с'емку Москвы с нанесением подобных деталей — это значит мгновенно попасть в бдительные руки жандармерии, но провести подобную работу тайно так же невозможно, ибо она очень скоро обратит на себя внимание. Как же быть? И вот здесь Павел Карлович Штернберг выдвигает, а затем с непреклонной методичностью проводит блестящий, хотя и крайне опасный, план организации этого предприятия.

На одном из общих факультетских собраний Московского университета Павел Карлович Штернберг выступает с неожиданным для всех предложением — определить аномалию силы тяжести в Московской области, но только нивелирно-теодолитной с'емкой. Для всякого, кто хоть сколько-нибудь знаком с этими вопросами, это предложение не могло не показаться странным. Профессор Цераский, по рассказу Н. Ф. Преображенского, ошеломленный этим предложением, задал ему вопрос: «Почему вы думаете, что ее можно определить нивелирно-теодолитной с'емкой?» На что он получил от Павла Карловича Штернберга ответ, еще более его смутивший: «А почему вы думаете, что нельзя?» После такой ученой дискуссии Павлу Карловичу Штернбергу все же предложили произвести эту с'емку. Таким образом была преодолена лишь одна десятая трудностей. Оставалось еще добиться производства этих с'емок именно в самой Москве, а не в окрестностях. Павлу Карловичу Штернбергу и это затруднение удалось преодолеть более чем успешно. Факультет постановил организовать исследование аномалии силы тяжести именно в Москве; при этом присутствовавший на факультетском собрании представитель жандармского управления заявил, что ради столь высоких научных целей он возьмется исхлопотать у соответствующих властей разрешение на производство необходимой с'емки. Нетрудно догадаться, что, предлагая столь неожиданный план изучения аномалии силы тяжести, Павел Карлович Штернберг имел в виду внешне легализовать детальную с'емку Москвы для целей подготовки к вооруженному восстанию.

Таким образом внешняя сторона дела была выполнена, оставалось организовать с'емку. Здесь Павел Карлович Штернберг образовал специальные курсы для особо подобранных студентов и рабочих — большевиков — с целью научить их хотя бы внешнему обращению с инструментом. После этого была предпринята необходимая с'емка плана, причем в тех случаях, когда возникали какие-либо затруднения или недоумения, представлялась бумажка с разрешением от соответствующих органов, которая немедленно устраняла все недоразумения. Таким образом была проделана довольно большая работа, результаты которой были нанесены на карту

¹⁾ Н. Ф. Преображенский. Доклад «Памяти П. К. Штернберга».

Москвы. Работа, к сожалению, не была доведена до конца и вот по какой причине.

«...вдруг П. К. Штернбергом было получено анонимное письмо, писанное от руки, но печатными буквами, приблизительно следующего содержания: «Ваша работа внушает подозрение охранке. Советую прекратить. Доброжелатель». Специально созванное совещание группы, на котором был всесторонне обсужден вопрос о том, как надо реагировать на это анонимное предупреждение, пришло к решению, что работу следует прекратить. Благодаря этому обстоятельству разведка не была доведена до конца, но зато никто из ее участников не пострадал...»¹⁾

Полученные результаты представляли большой интерес, несмотря на то что работа не была доведена до конца. Детальные планы и с'емочные материалы Павла Карловича были тщательно спрятаны в надежном месте в ожидании того момента, когда в них появится надобность. Так они лежали больше 8 лет, вплоть до Февральской революции, когда они вновь всплыли и появились в кабинете руководителя подготовки к вооруженному восстанию. Интересно отметить, что все эти материалы уцелели от погромов, обысков и арестов потому, что лежали в архивадежном месте: в самых укромных местах обсерватории, а наиболее ценные документы — в большой трубе обсерватории. Павел Карлович широко пользовался обсерваторией как учреждением, находящимся совершенно вне подозрений полиции.

И так под куполом обсерватории в течение всего времени ужасающей реакции хранились документы, которые приобрели большую ценность после Февральской революции. За это время сам Павел Карлович активной подпольной работы не вел: он сохранил лишь связь с партией, оказывая ей всяческое содействие.

С первых же дней Февральской революции Павел Карлович Штернберг вновь уходит с головой в великие революционные события. У нас имеются свидетельства, которые говорят о том, что уже в марте 1917 г. на совещании Московского комитета Павел Карлович Штернберг выступает с докладом об организации рабочих вооруженных дружин, а на заседании Московского комитета партии 14 апреля 1917 г. был заслушан его доклад о создании Красной гвардии и приняты были выдвинутые им предложения. Доклад этот носил скромное название «О милиции», но шла речь о Красной гвардии. Ниже приводится текст интересного документа, заключающего предложения Павла Карловича Штернберга:

«Порядок дня: 1) милиция, Красная гвардия и боевые дружины».

Тов. Штернберг. Комитет общественных организаций реорганизует милицию, которая должна будет представлять собой нечто вроде «Красной гвардии». Это должно быть кадром народных войск. Надо, чтобы партия имела туда доступ и дала возможность попасть и другим товарищам. Вношу следующие предложения:

1. Вступать товарищам в Красную гвардию.
2. Через СРД обратиться в К[омитет] О[бщественных] О[рганизаций] с предложением, чтобы предпочтение отдавалось если не членам партии, то рабочим.
3. Необходимо учредить заводские дружины, которые явились бы охранителями заводов. Таким образом фабриканты должны были бы приобретать оружие.
4. Организовать партийные дружины или стрелковые общества и принять все меры для приобретения оружия».

На этом же заседании Павел Карлович вводится в состав комиссии по восстановлению работ военной организации и Красной гвардии. После образования центрального штаба Красной гвардии Павел Карлович был введен туда как руководитель от МК партии. Когда же при центральном штабе Красной гвардии, в

¹⁾ Иванова, «Записки». Изд. Секции по изучению проблем войны при Ком. академии, 1931 г. Т. III, стр. 265.

июле месяце 1917 г., был организован совершенно конспиративный оперативный штаб для изучения стратегических пунктов и разработки плана вооруженного восстания, то руководителем туда вошел опять-таки Павел Карлович Штернберг.

В Октябрьской революции Павел Карлович Штернберг стоял во главе всех революционных сил Замоскворецкого района, бывшего наиболее важным из всех других районов вследствие непосредственной близости от него главных белогвардейских сил, опиравшихся на Кремль. Отсюда вел Павел Карлович Штернберг решительное наступление на вражеские силы, сокрушая их огнем пушек, для наводки которых, вследствие потери прицельных приборов, Павел Карлович Штернберг применил свои математические знания.

Крайне интересна нижеследующая записка, находящаяся в Музее революции, написанная Павлом Карловичем Штернбергом по начальству:

«Дальнейшее промедление и малая решительность могут весьма губительно отразиться на успехах революции. Поэтому Замоскворецкий военно-революционный комитет предполагает начать работу 6-дюймовых орудий и просит высказать свое мнение Временный Революц. К-т по этому поводу. Предварительно предлагает сдать ся юнкерам и в случае отказа с их стороны начнет свои действия с 10 ч. утра».

После подавления белогвардейских сил Павел Карлович Штернберг переходит на мирную работу — сначала в московском губисполкоме, а затем в Наркомпросе, где он заведует отделом высшей школы. Здесь по его инициативе была проведена знаменитая конференция по реформе высшего образования. Но на мирной работе он остается недолго.

События гражданской войны заставляют ЦК партии мобилизовать наиболее испытанных в боевых действиях товарищей для направления их против врага. В числе мобилизованных оказался и Павел Карлович Штернберг, который выехал на восточный фронт комиссаром 2-й армии раньше, чем истекли сутки с момента мобилизации.

Работа Павла Карловича Штернберга в Красной армии еще не достаточно подробно выявлена. Но и то, что нам известно за этот период, говорит о том, что в тяжелый час испытания, когда враг попирает завоевания революции на громадном пространстве страны, Павел Карлович Штернберг оказался на своем боевом посту как умелый организатор, как руководитель, как человек с особым, научным методом работы. Работа была тем труднее, что в то время не было нужных военных пролетарских кадров, могущих противопоставить свои боевые знания и опыт опыту врагов. Беззаветная работа Павла Карловича Штернберга отразилась на его здоровье: у него появилось кровохарканье — и он должен был уехать на лечение против своего желания, по требованию партии.

На восточный фронт Павел Карлович Штернберг возвращается вновь в августе 1919 г. в качестве члена реввоенсовета восточного фронта. Но надорванный в революционных боях организм уже не в состоянии бороться с болезнью. Болезнь приобретает жестокую форму, и Павла Карловича Штернберга перевозят в Москву, где он умирает 31 января 1920 года.

Константин Эдуардович Циолковский

(1857—1935)

ЦК ВКП(б)—вождю народа товарищу Сталину

Мудрейший вождь и друг всех трудящихся, товарищ Сталин!

Всю свою жизнь я мечтал своими трудами хоть немного продвинуть человечество вперед. До революции моя мечта не могла осуществиться.

Лишь Октябрь принес признание трудам самоучки; лишь Советская власть и партия Ленина — Сталина оказали мне действительную помощь. Я почувствовал любовь народных масс, и это давало мне силы продолжать работу, уже будучи больным. Однако сейчас болезнь не дает мне закончить начатого дела.

Все свои труды по авиации, ракетоплаванию и межпланетным сообщениям передаю партии большевиков и Советской власти — подлинным руководителям прогресса человеческой культуры. Уверен, что они успешно закончат эти труды.

Всей душой и мыслями Ваш,
с последним искренним приветом всегда Ваш

К. ЦИОЛКОВСКИЙ

13 сентября 1935 г.

Знаменитому деятелю науки товарищу К. Э. Циолковскому

Примите мою благодарность за письмо, полное доверия к партии большевиков и Советской власти.

Желаю Вам здоровья и дальнейшей плодотворной работы на пользу трудящихся.

Жму Вашу руку.

И. СТАЛИН

Москва товарищу Сталину

Тронут Вашей теплой телеграммой. Чувствую, что сегодня не умру. Уверен, знаю — советские дирижабли будут лучшими в мире.

Благодарю, товарищ Сталин, нет меры благодарности.

К. ЦИОЛКОВСКИЙ

Основные этапы жизни К. Э. Циолковского

19 сентября 1935 г. скончался знаменитый деятель науки в области дирижаблестроения, орденоносец — Константин Эдуардович Циолковский.

Константин Эдуардович Циолковский родился в 1857 г. в Рязанской губернии, в семье лесничего. На десятом году жизни в результате перенесенной скарлатины он лишился слуха на всю жизнь. Это осложнило, но не приостановило развитие его пытливого ума.

Лет с 16 он начинает серьезно увлекаться математикой и физикой, токарными станками и изучением центробежной силы.

После увлечения бумажными аэростатами К. Э. отдает дань идее летания с помощью механически работающих крыльев и т. д., а с 28 лет он начинает специально заниматься вопросами цельнометаллического дирижаблестроения.

К. Э. говорит сам об этом периоде следующее: «Более всего я увлекался аэростатами и уже имел достаточно данных, чтобы решить вопрос, каких размеров должен быть воздушный шар, чтобы подниматься на воздух с людьми, будучи сделан из металлической оболочки определенной толщины. Мне было ясно, что толщина оболочки может возрасти беспредельно при увеличении размеров аэростата. С этих пор мысль о металлическом аэростате засела у меня в мозгу...»

Примерно к этому же периоду относятся первые попытки изобретательской мысли Циолковского в части летания в космические пространства (звездоплавание). Немало восторгов и острых разочарований сопровождало различные этапы научно-исследовательской работы самоучки. Но никогда он не опускал рук, даже идя самобытными путями и частенько «запаздывая» с некоторыми открытиями.

В 1894 г., за десять лет до изобретения самолета Райтами, он пишет книгу «Аэроплан или птицеподобная (авиационная) летательная машина», изданную в 1895 г. (46 стр.). Критически рассмотрев опыты Максима, Ланглея, Лилиенталя и других основоположников авиации, Циолковский дает свою схему летательной машины и даже превосходит ее «применимость к военным целям» (стр. 41).

В 1897 г. несмотря на материальные лишения он построил на собственные средства первую в России аэродинамическую трубу. Результатом опытов явилась статья «Давление воздуха на поверхности, введенной в искусственный воздушный поток» (1899 г.), за которую Академией наук ему было выдано пособие в размере 470 рублей на продолжение опытов — единственная материальная помощь официальной науки, если не считать сбора по подписке газеты «Калужский вестник», проведенного в 1897 г. (всего было собрано... 55 рублей, из них в Петербурге — четыре рубля!). «Принимал я эти деньги, — вспоминает Константин Эдуардович, — со скрежетом зубов и с затаенной душевной болью, так как некоторые... прямо жертвовали на бедность. Я даже заболел, но все-таки терпел, надеясь на возможность дальнейших работ». Но тщетны были его надежды, ибо старая Россия была не только тюрьмой народов, но и могилой талантов. И лишь Октябрьская революция освободила знаменитого изобретателя и дала широчайшие возможности для развития его научно-изобретательской деятельности. Она дала ему все средства и оборудованную лабораторию для опытов, а затем и коллектив конструкторов.

В 1925—1926 гг. он получает средства на постройку большой модели цельно-

металлической оболочки. Суть его конструкции состоит в следующем: корпус дирижабля составляется из: а) верхнего продольного основания, б) шарнирных соединений, закрытых полутрубами, в) волнистых боковин, г) нижнего основания, и д) конечных прямоугольников. Все части вырабатываются из тонколистной стали. В конструкторском бюро № 3 (Циолковского) сложился коллектив инженерно-технических работников и рабочих, имеющих большой опыт и обеспечивающих выполнение поставленных перед Дирижаблестроем задач. Отдел Циолковского за последние месяцы 1935 г. значительно перевыполнил задания как по проектированию, так и по производству.

До последнего времени К. Э. Циолковский принимал непосредственное участие в разработке отдельных проблем и расчетов и коллектив Дирижаблестроя держал с ним постоянную живую связь.

Мы сознательно остановились на конструкции дирижабля, так как даже сейчас еще есть попытки подчеркнуть «фантастичность» идей Циолковского. Так например академик Крылов свое выступление о Циолковском начинает словами: «Всякое древо познается по плодам его, ибо не снимают смокв с терновника и маслин с шиповника». Отдавая дань дирижаблю Циолковского, академик Крылов относит идею полета ракет «к весьма отдаленному будущему, о котором трудно сказать, когда оно будет осуществлено». «Кроме того, — говорит он, — на то, чтобы такой полет сделать, нужны деньги и весьма большие, а деньги любят приносить прибыль»¹⁾.

Лучшим ответом акад. Крылову должны быть замечательные слова Ленина, сказанные им на XI съезде партии: «Говорят, что первая паровая машина, которая была изобретена, была также плохой. И даже не известно работала ли она. Но не в этом дело. А дело в том, что изобретение было сделано. Пусть первая паровая машина по форме своей была непригодна, но за то теперь мы имеем паровоз»²⁾.

Замечательная жизнь самоучки-изобретателя достойна самого пристального внимания и освещения. Марксистский исследователь получит в ней замечательные примеры смелых полетов мысли и творческой фантазии. Однако уже сейчас надо дать ответ о сущности творчества Циолковского. Кем он был? Фантазером-«неудачником», «сумасшедшим изобретателем», как его окрестила царская Россия, «талантом, не находящим применения», или действительно гениальным мыслителем?

Трагедия непризнанного гения Циолковского состояла в том, что в расцвете сил, до 60 лет, в «тюрьме народов» — в царской России — на него не обращали никакого внимания. Разве случайно он выпускает в 1916 г. книгу с знаменательным заголовком «Горе и гений», полную кипучей ненависти и горечи.

Лишь революция, восторженно встреченная Циолковским, освободила его из «тюрьмы народов». Лишь Октябрь, как он сам писал товарищу Сталину, принес признание самоучки, лишь Советская власть и партия Ленина—Сталина оказали ему действительную помощь.

После Октябрьской революции, уже глубоким стариком, в короткие сроки он претворил в действительность отдельные идеи и обогатил науку рядом новых открытий (стратоплан, ракета, посмертная статья «Аэроплан — летающее крыло»).

Его труд о реактивных аппаратах для исследования межпланетных пространств появился за 16 лет до книги проф. Годдара (США) «О ракетах для крайних высот» и за 20 лет до книги проф. Оберта (Германия) «О межпланетных ракетах». Многие склонны видеть в фантазии единственный источник творчества Циолковского и отрицают за ним роль научного практика. Сам Циолковский, говорит об этапах своей изобретательской деятельности следующее: «Сначала неизбежно идут мысли и фантазии. За ними шествует научный расчет и уже, в конце

¹⁾ Архив ИИНТ. Вып. 2-й, стр. 284, 1934 г.

²⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XXVII, стр. 254.

концов, исполнение венчает мысль. Нельзя не быть идее: исполнению предшествует мысль, точному расчету — фантазия».

Наше отношение к научной фантазии четко сформулировал В. И. Ленин еще в первые годы революции на XI съезде партии (28 марта 1922 г.): «Напрасно думают, что она (фантазия.—Н. В.) нужна только поэту. Это глупый предрассудок! Даже в математике она нужна, даже открытие дифференциального и интегрального исчисления невозможно было бы без фантазии. Фантазия есть качество великолепной ценности!»¹⁾.

Вся жизнь Циолковского и есть яркая иллюстрация этого мудрого положения Ленина. Уже за месяц до смерти К. Э. откликнулся яркой статьей на повальное заблуждение по поводу «фантастичности» заатмосферных полетов, подводя как бы итог своей работе:

«Ничего, кроме научной истины, в моих трудах нет. Нет даже смелости, а, напротив, достаточно робости. Действительно, когда целая плеяда западных ученых высказывала уверенно мысль о скором осуществлении межпланетных путешествий, то я, напротив, показывал, что для реализации этих идей нужны сотни лет. С другой стороны, большинство рядовых официальных ученых и академиков или молчит или считает победу над земной тяжестью чистой утопией. Мне здесь хочется общедоступно показать, что это не дерзкие мечты, а научная и непоколебимая правда».

Будучи уже при смерти, Константин Эдуардович трогательно уверял товарища Сталина в своей преданности «партии большевиков и Советской власти», являющихся «подлинным руководителем прогресса человеческой культуры», и в том, что «советские дирижабли будут лучшими в мире».

Миллионы трудящихся не только нашей социалистической родины, но и всего мира уверены, так же как уверен был и покойный Константин Эдуардович — дедушка авиации и воздухоплавания, что большевики во главе с товарищем Сталиным являются подлинными руководителями прогресса человечества, что только у нас, в стране социализма, создано широчайшее поле деятельности для творчества, гения, изобретений и открытий.

Н. ВОЛКОВ

¹⁾ Ленин, Собр. соч. Т. XXVII, стр. 266.

Работа отдела физиологии и патофизиологии органов чувств ВИАМ

Н. Проппер

Развертывая исследования в области физиологии органов чувств, учитывая историческое развитие этого предмета и ту связь, которая существует между этой наукой и философией, отдел физиологии и патофизиологии органов чувств ВИАМ считал необходимым прежде всего сформулировать основные теоретические положения, которые должны быть экспериментально проверены. В качестве основной теоретической задачи были поставлены оценка и экспериментальная проверка закона специфической энергии И. Мюллера. Совершенно очевидно, что специфичность — понятие историческое, специфичность не дана, а развилась и будет развиваться в связи с дальнейшей историей человека. Если 5 органов чувств, по Марксу, — продукт историко-трудовой деятельности, следовательно, и специфичность, присущая этим органам, есть продукт трудовой деятельности человека и истории развития животных в связи с воздействием на них окружающей среды, а по отношению к человеку в связи с переделкой этой среды человеком. Под специфичностью мы понимаем то, что разные виды чувствительности имеют свой морфологический субстрат. Например голевские и бурдаховские столбы в спинном мозгу — для мышечного чувства, спинно-таламический путь в боковых столбах спинного мозга — для болевого и температурного чувства и т. д., равно как и сетчатка глаза — для восприятия световых раздражений. Но эта специфичность есть функция, следовательно, как всякая функция она развивалась и будет развиваться в связи с внешними факторами, определяющими эту функцию, и в связи с внутренними факторами самого организма, т. е. в первую очередь в связи с дальнейшей дифференцировкой или интеграцией нервного субстрата. Поэтому, в порядке экспериментальной проверки и показа историзма закона специфичности органов чувств, мы должны были развернуть ряд работ в филогенетическом разрезе и проследить, как функционирует рецептор. Нам необходимо было установить, как протекает возбуждение, как выявляется возбудимость, какие физико-химические сдвиги протекают в рецепторе и как изменяется его функция в зависимости от различных источников и различной силы внешнего раздражителя, падающего на рецептор. На ряде животных и на патологическом материале клиники мы установили, как идет отдифференцировка и как проявляется взаимоотношение между отдельными видами чувствительности: болевой, температурной, тактильной и т. п. — с гистологическим контролем степени дифференцировки морфологических структур рецепторов. В этой связи мы дадим краткую характеристику экспериментальных работ сотрудников отдела физиологии и патофизиологии органов чувств.

Одним из вопросов явилось исследование возбудимости, возбуждения и рефакторности в рецепторах (Макаров). Прежние работы на нервно-мышечном препарате в школе проф. Ухтомского выяснили влияние пронесшейся волны возбуждения по нерву на степень и величину хронаксии. Удалось выяснить, что в величине хронаксии, изменяемой тут же вслед за волной возбуждения, пронес-

шейся по нерву, происходят резкие сдвиги. В отличие от хронаксии физиологического покоя ткани, или статической хронаксии, установленной Ла-Пиком, научный сотрудник Макаров назвал исследованную им хронаксию периода деятельности ткани — динамической хронаксией. Он изучил характер динамической хронаксии в различные фазы возбудительного процесса в нерве: экзальтационная фаза, фаза относительной и абсолютной рефракторности, связь изо- и гетерохронизма с динамической хронаксией, динамическая хронаксия и парабоз и т. п. На основании этих работ ему удалось выяснить ряд новых закономерностей в процессе возбуждения, возбудимости и рефракторности, в частности, он установил, что ритмические раздражения вызывают в период парабоза тончайший эффект, а одиночные раздражения этого не дают. В силу этих находок Макаров сконструировал ряд приборов для исследования возбудимости, возбуждения и рефракторности в рецепторах: оптический, ритмический и тактильный и динамический хронаксиметр. С помощью этих приборов он приступил к исследованию чувствительной, в частности ритмической, хронаксии в рецепторах и адекватной и оптической хронаксии. По двум последним вопросам выполнено несколько частных тем. При исследовании оптической адекватной хронаксии у человека выяснено, что хронаксия мало изменяется во время темновой адаптации, в то время как оптический порог во время темновой адаптации понижается в тысячу раз. Вследствие этого первый метод исследования чувствительности периферического и коркового зрительного рецептора является весьма ценным. В настоящее время изучается возбудимость оптической системы человека к различным видимым монохроматическим лучам спектра, дозированным в интенсивности и во времени. Изучается суммарное действие хронаксиметрических раздражений (зрительных), с хронаксиметрическим гальваническим раздражением глаза при различных коротких (в 0,001 секунды), наперед заданных интервалах между ними. Изучаются изменения зрительной адаптации и зрительной хронаксиметрии при различных состояниях организма человека, как то: утомление, нервно-мозговая деятельность, перераздражение, нервно-мозговые заболевания и т. п. В настоящее время отдел приступает к изучению и регистрации биотоков в рецепторе, что связано с изготовлением сложных приборов.

В этой же связи стоят работы отделения биофизики, руководимого акад. П. П. Лазаревым, и работы его сотрудников. Эти работы показали прямую зависимость количественного изменения рефлексов у лягушки от определенной силы тока и в зависимости от уровня периферической чувствительности (обезглавленная лягушка с кристалликом на зрительном бугре) и проследили прямую количественную зависимость рефлекса от степени температуры окружающей лягушку среды. Так например выяснено изменение величины зрачка в зависимости от яркости освещения. При равных условиях установлено, что определенная сила освещения дает определенную степень диаметра зрачка у одного и того же субъекта. Однако эта зависимость изменится при различных условиях испытуемого: время дня, состояние общей возбудимости и т. п.

Ведется целая серия работ по исследованию адаптации зрительного рецептора к монохроматическому свету. Установлено, например, что увеличение интенсивности света ведет к падению чувствительности, что является следствием утомления зрительных центров коры. Эта количественная зависимость точно прослежена.

То, что уровень чувствительности органов чувств определяет собою степень специфичности действия их, показано в целой серии работ акад. Лазарева и его сотрудников. Эти многочисленные работы показали, что уровень чувствительности органов чувств есть категория динамическая и находящаяся под влиянием целого ряда экзогенных и эндогенных факторов. Этими работами установлено, что кривая адаптации, т. е. уровня чувствительности периферического и центрального рецептора зрения, находится в зависимости от географических широт и высот, от возраста, от времени суток и времени года, целого ряда физиологических со-

стояний организма, как то: беременность, менструация, различные патологические состояния; энцефалит и другие нервные и психические заболевания.

Выяснению вопроса о взаимоотношении между отдельными видами чувствительности и дифференцировке субстрата и функции в филогенетическом ряду посвящены работы сотрудников физиологического и морфологического отделений (проф. Снесарева, доцента Харитонов и др.). Сущность этих работ сводится к тому, чтобы, с одной стороны, показать, как развивается морфологический субстрат органов чувств у различного вида животных в различные этапы эмбриологического и возрастного развития.

Физиологические работы по вопросам кожной и мышечной чувствительности в настоящее время центрируются вокруг проблемы взаимоотношения отдельных видов кожной чувствительности. Сама по себе эта проблема давно уже стоит и в клинике и в физиологии, но физиологический подход к ней еще и в настоящее время полностью не осуществлен. Взаимоотношение между отдельными видами кожной чувствительности было поставлено А. Я. Данилевским еще в 1864 г. Затем в этом отношении известны работы Джексона, который находил известный антагонизм между холодовой и тепловой чувствительностью, и знаменитые работы Геда, который выдвинул мысль о протопатической и эпикритической чувствительности.

Рассмотрение первоначального физиологического материала под этим углом зрения показало, что при воздействиях как на периферическую, так и на спинномозговую и на корковую часть нервной системы определенно выступает известное нарушение отдельных видов кожной чувствительности, а в некоторых случаях наблюдается тот антагонизм, который наиболее характерен для тактильной и болевой чувствительности (работы Харитонов, Жукова).

В этом отношении нужно отметить работу научных сотрудников Раевой и Раппопорт «Значение задних столбов в осуществлении двигательного условного рефлекса и чувствительности».

Работа научного сотрудника Харитонов «Изменение болевой и тактильной чувствительности при охлаждении и нагревании отдельных участков рефлекторной дуги» проводится на животных, у которых наложены трубочки на периферическую часть, в частности на седалищный нерв. Часть опытов проводится посредством наложения трубочек на спинной мозг, часть опытов — посредством наложения серебряных трубочек на мозолистое тело. Действуя теплом и холодом, наблюдают изменения в болевой и тактильной чувствительности¹⁾.

В этом же духе построены работы Жукова и Харитонов, хотя они идут несколько по другому руслу. В процессе работы возник вопрос о том, чтобы раздражения, наносимые на кожу (и тактильные и болевые), дозировать как по интенсивности, так и во времени. В самом деле, даже обычно применяемые раздражения, например, уколы, не всегда могут быть безупречны. Они могут быть разные и по своему количеству и по своему качеству. Поэтому, когда мы перешли к раздражению кожи электрическим током, получилась возможность дозировать раздражитель, и на первых же порах был выявлен ряд интересных закономерностей. В частности, пользуясь электрическим раздражением кожи, можно следить за возникновением тактильных и болевых раздражений. Если идти от пороговых раздражений к подпороговым, то приходится пройти целый ряд этапов. На первых порах возникают тактильные раздражения, которые проявляются в ориентировочных рефлексах. Животное поворачивается, однако никаких оборонительных движений не делает. Затем наступает прорыв, а через известный промежуток времени, когда доходим до нового порогового раздражения, возникает оборонительный болевой рефлекс. В этом направлении уже проведены две работы.

В настоящее время, для того чтобы подойти вплотную к роли раздражите-

¹⁾ Методика наложения серебряных блоков на центральную нервную систему и проливание через них охлажденной жидкости предложена покойным проф. А. А. Ющенко.

лей в осуществлении того или другого рефлекса и для выявления тех или других видов чувствительности, поставлены еще две подтемы: «Функциональная связь порогов времени и силы гальванического раздражения при болевом оборонительном рефлексе» и «Характер болевых флексорных рефлексов при нанесении последовательных стимулов».

Постановка этих тем связана со следующими вопросами. Если суммировать те раздражения, которые мы посылаем при исследовании тактильной или болевой чувствительности, то получаются разные результаты. В одном случае получается суммация возбуждения, в другом — тормозной эффект. В электрофизиологии этот вопрос освещен Введенским, Ухтомским, Каном и др. Для нас это явилось вопросом, которым надо было заняться, тем более, что это представляет большой интерес для клинической практики.

Нужно сказать, что дальнейшее развитие этих тем привело к мысли регистрировать токи действия, которые возникают в коре головного мозга, в особенности при всевозможных выключениях на нервной системе. В этом отношении опять-таки имеются указания, связанные с теорией Геда и Ферстера, что болевая чувствительность меньше представлена в коре головного мозга; ее центральный пункт — таламическая область — зрительные бугры. Что касается тактильной чувствительности, то она в филогенетическом развитии связана больше всего с корковыми образованиями, где происходит тонкая дифференцировка всех раздражений, которые падают на кожную поверхность. С этой целью подготовлен аппарат, который дает возможность наблюдать на первых порах, хотя бы грубо ориентировочно, те изменения, которые происходят у бескорковых животных и у животных с сохраненной корой.

В области изучения кожной чувствительности прежде всего найдено, что если действовать на ту или иную часть нервной системы: на периферическую часть или на спинной мозг, а также на кору головного мозга, — то будет наблюдаться изменение кожной чувствительности, которое в большинстве случаев идет в сторону выключения более поздней чувствительности, тактильной, и усиления болевой. Если выключаются задние столбы, проводники тактильной чувствительности, а также мышечно-суставной, то получается явление гиперпатии. В клинике это отмечается при сирингомиелии и других заболеваниях спинного мозга. Если выключать двигательную область коры, захватывая и чувствительную область, то опять-таки повышается болевая чувствительность и понижается тактильная. Эти явления в литературе трактуют как антагонизм между болевой и тактильной чувствительностью. Как только выключается тактильная, — повышается болевая, и, наоборот: там, где сильно представлена тактильная чувствительность, — подавлена болевая. Но мы не стоим на точке зрения только антагонизма между этими чувствительностями. В ряде случаев наблюдается, как эти чувствительности помогают друг другу. Такую точку зрения высказывает проф. Орбели. Он говорит, что можно наблюдать как антагонизм, так и синергизм между отдельными видами чувствительности, что это зависит от характера наших воздействий на кожную чувствительность и от выключения тех или других систем, участвующих в осуществлении кожной чувствительности.

Кроме того выявилась необходимость развернуть эту тему в духе сравнительно-физиологическом, т. е. взять те объекты, у которых кожная чувствительность представлена наиболее ярко. Интересные явления с кожной чувствительностью наблюдаются, например, у туркестанских ящериц. У них имеются определенные участки кожи, снабженные наиболее чувствительными свойствами, — это пигментные образования с волосками.

Следующей задачей, стоящей перед нами в исследованиях кожной чувствительности, является гистологическое изучение концевых аппаратов кожной чувствительности. В частности, у собаки представляют интерес подушечки конечностей, на которые действует электрокожный раздражитель или адекватный болевой раздражитель в виде укола. Ведет это исследование научный сотрудник Безлер.

В связи с этим возник вопрос и о волосковой чувствительности, которая наиболее выражена у усиковых, у грызунов: крыс, зайцев, отчасти кошек и кроликов. У этих животных этот вид кожной чувствительности, связанный с волосковыми образованиями, весьма и весьма своеобразен и во всяком случае в жизни этих животных играет большую роль. Указания на то, что животные эти теряют ориентировку при нарушении этой чувствительности (в особенности при ослеплении), показывают, что тут имеются сложные аппараты.

При исследовании кожной чувствительности нельзя обойти вопроса автономной иннервации рецепторов. Работа, проведенная в этом отношении на холоднокровных («Исследование кожной чувствительности у холоднокровных» Н. В. Раева), показала, что кожная чувствительность тесно связана с симпатической нервной системой, которая для нее, как и для всех других образований, имеет характер адаптационной и трофической системы. В настоящее время выдвигается другой вопрос, связанный с тем, что не только симпатическая, но и парасимпатическая система принимает участие в иннервации рецепторов, т. е. вопрос об автономной двойной иннервации кожной чувствительности. Для того чтобы подойти к этому вопросу, используются всевозможные яды, которые будут действовать попеременно на симпатическую и парасимпатическую нервную систему.

Следующая тема — «Изучение влияния ваготонических и симпатикотонических веществ» — связана с изучением обонятельной чувствительности и обонятельных раздражений. Научный сотрудник Е. П. Гольц провела предварительные работы на холоднокровных животных и с несомненностью выявила, что разнообразные пахучие, ароматические вещества могут делиться по признаку на вагус и симпатикус. Она регистрирует движения сердца при раздражении тем или другим ароматическим веществом. Отклонения, несомненно, есть. Они находят некоторое литературное подтверждение, хотя в такой плоскости работы нигде не велись.

Сейчас этот вопрос переносится в клинику. Изготовлен ольфактометр, уже начаты исследования в клинике как на нормальных субъектах, так и при нарушениях обонятельной чувствительности. Исследования эти заслуживают внимания, так как при целом ряде профессиональных повреждений (например при отравлении), а также при различных поражениях мозга нарушение обоняния выступает в первую очередь. Поэтому уточнение методики исследования обоняния будет иметь большое диагностическое значение.

Большой интерес представляют работы профессора Н. Ф. Попова по исследованию кожно-мышечного чувства на многочисленном экстирпационном материале и в особенности вопрос о роли автономных иннерваций в состоянии кожно-мышечной чувствительности. Совместно с научным сотрудником И. М. Жуковым проводилось исследование состояния кожно-мышечной реакции посредством хронометра при десимпатизации. Подтверждая свои исследования данными химического исследования состава мышц (Михайлова), проф. Н. Ф. Попов впервые, независимо от Кен-Кюре, установил, что эти колебания кожно-мышечной реакции не только связаны с непосредственным расстройством иннервации, но что они связаны с нарушением трофической регуляции тканей. Достижением надо считать еще и то, что он впервые, раньше чем кто-либо, начал говорить аналогично с данными Кен-Кюре, что регуляция тканевых процессов обуславливается двойной иннервацией — симпатической и парасимпатической — и что адаптация тканевого эффекта необходима.

Гистологические исследования гг. Робинзон и Киселева подтвердили, что при десимпатизации имеется нарушение не только в грубых тканях, как например в мышцах, а имеются явления распада как в тонких вегетативных волокнах, так и в соматических.

И. А. Робинзон на препаратах Н. Ф. Попова подтвердила, что трофика распространяется не только на ткани, которые проверяются по состоянию кожно-

мышечной чувствительности; установлены изменения в самих соматических нервах под влиянием именно нарушения вегетатики (*Nervi nervorum*).

Отсюда ясно, что реактивность ткани обеспечивается в своей эффективности явлениями трофики.

После получения таких данных дальнейшая задача состояла в том, чтобы перейти на центральные проводники с целью изучения путей болевой чувствительности методикой выключения или раздражения их на той или другой высоте. С этой целью усвоена методика Кенона с удалением симпатических цепочек полностью. Основной целью является десимпатизировать полостные органы, имея в виду, что целый ряд установок, имеющихся до настоящего времени, говорит о том, что чувствительность полостных органов связана не с аксонами вегетативных волокон, а с теми же соматическими волокнами, центры которых заложены в центральной нервной системе; что здесь основными проводниками являются даже не симпатikus, а что симпатikus и парасимпатikus являются только нервами, обеспечивающими вегетативную; болевую же чувствительность полостных органов обеспечивают соматические волокна, которые своими периферическими окончаниями заходят в перитонеум.

Н. Ф. Попов в отношении изучения чувствительности использовал наряду с собаками обезьян, кроликов, кошек без коры полушарий, имея в виду отметить сравнительное участие в анализе чувствительности коры у разных животных. Особенно рельефно ему удалось проанализировать состояние болевой чувствительности на кошке. На фоне эмоционального состояния у кошки без коры полушарий при раздражении нарушенной части (перекрестно) вызывался резкий взрыв эмоций: кошка бросалась на первый попавшийся перед ее глазами предмет, совершенно индифферентный для ее раздражения. Если же раздражения наносились на кожу со стороны здоровой, нормальной, то кошка обычно поворачивала голову и, находясь в состоянии эмоции, дифференцировала это состояние. Этот неоднократно проверенный факт дал возможность изучить периферические пути в состоянии чувствительности, включить и конечный орган — как кору и дать ему соответствующую оценку. Проверка состояния кожной чувствительности (Палатник), температурной и болевой, у собаки, кошки и обезьяны, при наличии большой разницы, получили демонстративные данные о роли коры в ее структурном развитии. В процессе филогенеза кора все больше забирает под свой контроль эти отправления, выключения же ее вызывают различный эффект нарушения функций. Кролик мало реагирует внешне на отсутствие коры одного полушария, обезьяна же реагирует больше чем собака. Анализ эмоциональных проявлений у кошки с переходом на их анализ у собак и обезьян дает еще более интересный материал.

Далее, изучались вопросы состояния проприорецепторов. Когда мы говорим о нарушении координации движений, то обычно мы понимаем под этим нарушение проприорецепторов, или нарушение кожно-мышечной чувствительности, суставной чувствительности, но объективные показатели этих нарушений не выявляются. Профессор Попов задался целью проработать этот вопрос и изыскать методику, которая дала бы нам более объективные, стойкие показатели. Зыбкость почвы дает нам очень большой показатель, как будет отвечать та или другая конечность с нарушенной чувствительностью. Если мы, например, ставим кошку или собаку на зыбкую почву, то при нормальной чувствительности она найдет себе точку опоры, если же у нее суставно-мышечная чувствительность нарушена, то при такой зыбкой почве она будет или поднимать ногу или не будет ею пользоваться. Такой метод действительно должен дать возможность анализировать состояние суставно-мышечной чувствительности.

Из вышеперечисленных многообразных работ со всей очевидностью явствует, что тщательное и углубленное исследование в различных направлениях структуры и функции чувств в конечном итоге должно дать новый материал в подтверждение вышеизложенной теоретической установки, чтобы на основе конкрет-

ного экспериментального материала можно было пересмотреть закон специфической энергии И. Мюллера и на основе нашей марксистско-ленинской теории сформулировать закон специфической энергии в органах чувств и направить все дальнейшее исследование под углом зрения вновь сформулированного закона.

Помимо общего теоретического вопроса об оценке и экспериментальной проверке закона специфической энергии в органах чувств И. Мюллера мы ставим перед собой задачу экспериментальной проверки и других наиболее важных теоретических положений, касающихся общих вопросов физиологии органов чувств. К числу таких теоретических проблем относится проблема нервно-гумморальных связей и механизмов в функционировании органов чувств. Решение этого теоретического вопроса ответит нам отчасти и на вопрос о специфичности действия органов чувств, отчасти вскроет и самую сущность функционирования рецепторного аппарата. Больше того, решение этого вопроса вскроет нам более наглядно физиологическую основу ощущения. Нашей задачей является экспериментально показать, как протекает передача внешнего раздражения через периферический рецептор к центру: по теории ли рефлекторного акта с участием одних только нервных приборов, или же с участием и гумморальных механизмов, обеспечивающих не только доставку импульсов с периферии к центру, но, главным образом, настраивающих так или иначе чувствительность периферических и центральных рецепторов и этим определяющих самую степень функционирования рецепторов. И здесь решение вопроса лежит в историческом анализе развития нервно-гумморальных механизмов. Особенное внимание мы направляем на исследование роли вегетативной нервной системы для настройки уровня рецепторов как периферических, так и центрального. Этот вопрос тем более важен еще и потому, что самое функционирование симпатикуса и парасимпатикуса рассматривается как гумморальная функция с выделением пара — и симпатикус — штофов.

Имеющиеся работы проф. Орбели и его сотрудников о роли симпатической иннервации функций поперечно-полосатой мускулатуры в некоторые другие, указывающие на роль симпатической иннервации в настройке уровня кожной чувствительности на проприорецепторы, обязывают нас развернуть исследования в направлении выяснения роли симпатикуса и парасимпатикуса в рецепции.

Сформулировав эту задачу, мы развернули работу по физиологии обоняния и по выяснению влияния симпатической иннервации на уровень чувствительности и на ретиномоторные явления в глазу (работы Робинзон и Куватова). Нам отчасти удалось показать в вопросах, касающихся обоняния, что в отдельных случаях и в особенности в функции обоняния речь идет о передаче импульсов по гумморальным путям, т. е. то или другое ольфактивное вещество, наносимое на обонятельный нерв, не только производит определенные изменения в этом нерве, которые передаются к центральным обонятельным образованиям, но и ведет к значительным биохимическим сдвигам в ткаевой среде организма, как местным, так и общим, а эти биохимические сдвиги сказываются на функции центрального обонятельного образования. В функции обоняния с очевидностью прослежен двойной механизм передачи обонятельных ощущений: как механизм нервно-рефлекторный, так и механизм гумморальный.

В этой же связи можно указать на некоторые работы по исследованию зрительной адаптации под влиянием некоторых лекарственных веществ. Выяснено, например, что введение стрихнина и мышьяка у некоторых испытуемых (людей) обнаруживает повышение предела адаптации, что связано с возбуждением корковых центров зрения. Эти лекарственные вещества всосались током крови, следовательно, посредством гумморального механизма воздействовали на корковые зрительные центры и в силу этого изменили уровень чувствительности как корковых центров, так и периферических зрительных рецепторов.

С другой стороны, проведена работа, показывающая влияние освещения кожи человека солнечными лучами на кривую зрительной адаптации. Освещение определенных участков кожи той или иной степени интенсивности, при устранении непосредственного падения солнечных лучей на глаз, ведет к изменению кривой зрительной адаптации. Сущность этого изменения сводится к повышению кривой адаптации в случаях нерезкого освещения; причем объяснить механизм этого повышения можно только, понимая гумморальный механизм передачи тех биохимических веществ, которые образовались в коже в связи с падающими на нее солнечными лучами, которые затем, всосавшись в ток крови, разнеслись по всему организму и оказались веществами, определенным образом повлиявшими на возбудимость коры, в том числе и на центр зрения, что, в свою очередь, повело к увеличению периферической чувствительности зрительного рецептора.

Изучено также влияние закиси азота на кривую адаптации, показывающее тот же гумморальный механизм воздействия на кору.

Серия гистологических исследований была направлена на то, чтобы показать развитие рецепторов в эмбриональном состоянии и в разные этапы внеутробного развития (проф. Снесарев), а также наличие волокон вегетативной нервной системы в тех или других органах чувств. Так например было показано наличие симпатических нервных окончаний в сетчатке глаза (Робинзон и Куватов), наличие симпатических окончаний в оболочке самого зрительного нерва (Робинзон), наличие вегетативных волокон в мышцах глаза (Киселев). Все это объясняет нам реализацию того нервного механизма со стороны нервной системы на некоторые чувства, который вскрывался физиологически. Одновременное снабжение вегетативными нервными волокнами стенок сосудов, снабжающих кровью органы чувств, может показывать нам также и те нервные приводы, с помощью которых в процесс функционирования органов чувств втягивается гумморальная нервная система. Экспериментальная разработка этой проблемы только началась. Ее еще нельзя считать завершенной, и поэтому дальнейшее накопление экспериментальных работ в направлении показа нервно-гумморальных механизмов функции рецепторного аппарата составляет нашу задачу.

В качестве третьей теоретической задачи в экспериментальных исследованиях нашего отдела сформулировано выяснение вопроса о соотношении между центром и периферией в рецепторном аппарате. Эта теоретическая задача является частным вопросом из более общей задачи о специфической энергии в органах чувств. Она включена для того, чтобы, концентрируя внимание на группе специальных экспериментальных исследований этой теоретической задачи, можно было вскрыть механизм функции рецепторного аппарата, т. е. вскрыть физиологическую природу ощущений и восприятий.

Вышеперечисленные работы уже показали нам, какое огромное значение имеет состояние корковых центров зрения, слуха, вкуса, обоняния на уровень этих видов чувствительности на периферии. Состояние возбуждения или торможения коры определяет собою степень соответствующих ощущений на периферии. Кроме того из приведенных выше работ явствует также значительная роль состояния самой периферии в степени восприятия коркового рецептора. Та или другая острота ощущений периферического рецепторного узла может в значительной степени определить собой степень остроты восприятия центрального рецептора. Соотношение между центром и периферией, несомненно, отличается в афферентной — чувствительной части нервной системы и эфферентной — двигательной части нервной системы. Это отличие проистекает от качественного различия между функцией чувствительности и функцией движения. Хотя в функционирующем едином организме эти две части нервной системы составляют единое целое, обеспечивающее правильную функцию организма в целом, тем не менее функция чувствительная и функция двигательная имеют свое качественное различие. Поэтому и соотношение между центром и периферией в двигательной части нервной системы и в чувствующей части нервной системы будет выражено по-иному. В то

время как в эферентном пути, в основном, центр определяет периферию, детерминирует ее функциональное выражение (так например двигательная зона коры, посылая свои импульсы по пирамидному пути, определяет собой моторный компонент вонне), двигательная форма, хотя и состоит из импульсов, идущих и от коры и по экстрапирамидной системе от подкорковых образований и стволовой части мозга, тем не менее вонне в значительной мере детерминирована степенью состояния моторного центра коры, координационной ролью мозжечка и лишь отчасти — степенью внешнего раздражения. В аферентном пути мы имеем сложное взаимоотношение между центром и периферией, а именно: уровень чувствительности центра определяется степенью и характером функционирования периферического рецептора и характером внешнего раздражения, приложенного к периферическому рецептору. Понятие центра в аферентных путях есть понятие историческое, т. е. центр образовался в результате высшей ступени дифференцировки функций и структур центральной нервной системы, т. е. как продукт объективно-исторического развития приобрел некую относительную специфичность, понимая под последней исторически развивающееся качество, поэтому уровень чувствительности центра может определять уровень (настройку) периферического рецептора. Тем не менее, как бы ни было сильно влияние центра на периферию, рецептор последней не есть безмолвный исполнитель воли центра, как это условно можно принять на эферентном пути, а активный восприниматель и отражатель специфического раздражения, передающегося им в центр. В силу изложенного роль периферии в аферентном пути более существенна и решающа нежели в эферентном пути. Аферентная и эферентная системы находятся в теснейшем взаимопроникновении, и зачастую последняя определяет степень функционирования первой, распространенность ощущения, динамику и статику, а первая безусловно определяет степень функционирования второй, ибо характер внешнего раздражения и степень его иннервации аферентной системой определяет собой характер и степень эферентного выражения. Однако здесь следует понимать, что дело идет не о простых арифметических соотношениях, а о сложном и в каждый данный момент изменяющемся соотношении в аферентной и эферентной системах и внешней среде. Закономерности изменения в первом случае (эндогенные) есть результат объективного исторического развития организма в его соотношении с экзогенными факторами. В выяснении вопроса о соотношении центра и периферии в аферентной системе и в настройке уровня чувствительности того и другого значительную роль играет вегетативная нервная система, которая сама играет роль двух аферентных систем (симпатикус и парасимпатикус), и можно думать о функционировании этих систем по типу реципрокной иннервации.

Экспериментальной иллюстрацией этих положений могут служить работы о количественной зависимости рефлекса от силы внешнего раздражителя у обезглавленной лягушки, работы с выяснением действия света на кожу и изменение периферической чувствительности глаза, а также работы по адаптации зрения на патологическом материале в случаях энцефалита, когда центр оказался нарушенным.

Вот те теоретические установки и та конкретная экспериментальная работа, которая проведена и проводится отделом в направлении ответа на указанные теоретические задачи. Наша экспериментальная работа не только отвечает на общие теоретические задачи, нами выше сформулированные, но из целого ряда работ может и должен быть сделан вывод для медицинской практики. В дальнейшем мы ставим перед собой задачу — решить ряд практических вопросов применительно к летному и парашютному делу. Несмотря на первоначально кажущуюся отдаленность этой серии экспериментальных работ от непосредственных повседневных запросов практики, из небольшого годичного опыта работы отдела видим, что, отвечая на боевые теоретические вопросы в области физиологии органов чувств, мы тем самым в состоянии ответить на ряд практических вопросов в области медицины, летного дела, сигнализации и т. д.

Тем не менее необходимо отметить значительный минус в нашей работе — это отрыв конкретной экспериментальной работы от философского и психологического фронта. Вместе с тем мы полагаем, что в борьбе с исконным врагом материализма — идеализмом — как в области конкретной науки, так особенно в области общих философских проблем наши философы должны не только исходить из того богатейшего наследства, которое нам оставили классики марксизма и которое нашей повседневной социалистической практикой накапливается в области общих социальных проблем, но они должны исходить и из тех экспериментальных данных биологических наук и особенно физиологии и физиологии органов чувств, с помощью которых можно и должно крепко бить идеалистов во всех областях.

Вооружение новыми техническими средствами в экспериментировании, привлечение на службу эксперимента новейших достижений в области волновой физики, использование наиболее мощных усилительных установок, дающих возможность точнейшего исследования чувствующих проводящих систем и корковых рецепторов, учет богатейшей практики дадут нам возможность занять в области физиологии органов чувств подзабоченное нашей советской науке место.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ

„Метафизика“ Аристотеля*)

Г. Баммель

«Метафизика» Аристотеля оставила неизгладимый след в развитии мировой философской мысли. Будучи переплетением всех основных нитей предшествовавшего развития, будучи итогом, вершиной всей античной философии, она донесла до нас через две тысячи с лишком лет живую, яркую, несколько не потускневшую логическую ткань своеобразной философской системы. «Метафизика» — величайший памятник диалектического мышления: здесь оно «выступает еще в первобытной простоте, не нарушаемой теми милыми препятствиями, которые сочинила сама себе метафизика XVII и XVIII столетий» (Энгельс).

В истории не было класса—эксплоататора, который не «потрудился» бы над приспособлением философии Аристотеля к своим интересам, ища в нем союзника и глашатая более усовершенствованных форм порабощения трудящихся масс. Но этой цели каждый класс достигал лишь ценой искажения истинного лица великого мыслителя. Так, поповщина всех оттенков, форм и эпох, начиная от корана и талмуда, мрачной, изворотливой схоластики средневековья и кончая «просвещенной» поповщиной буржуазного общества, «убила в нем живое и увековечивала мертвое» (Ленин).

В то время как в капиталистических странах под могильной плитой фашистского режима гаснет свет научной мысли, перед научной мыслью в социалистической стране открываются необозримые творческие горизонты: мировые центры научного мышления и творчества явно и неотвратимо передвигаются в страну строящегося социализма. В то время как в капиталистических странах фашизм устраивает аутодафе, сжигая лучшие произведения немецкой и мировой литературы, возвращая капиталистическую Европу к временам средневекового варварства, в социалистической стране, руководимой великим гением, вождем и учителем всего трудящегося человечества товарищем Сталиным, раскрепощенные творческие силы миллионных масс с огромной быстротой овладевают новыми высотами мощно поднимающейся духовной культуры. Замечательное поколение героев и творцов титанической производственной эпопеи успешно развертывает борьбу за критическое усвоение лучших, совершеннейших элементов культуры, созданной всем развитием человечества, всего великого и ценного в идейном наследстве человеческой мысли.

Выход в свет перевода «Метафизики» Аристотеля является крупным достижением и ярким показателем роста советской философской культуры.

Основоположники марксизма постоянно проявляли глубокий интерес к великому мыслителю античности.

*) Аристотель «Метафизика». Перевод и примечания А. В. Кубицкого. Соцэкгиз. 1934.

У Маркса интерес к Аристотелю проявляется в самых ранних сочинениях. Маркс уже тогда дает чрезвычайно высокую оценку философскому мировоззрению Аристотеля.

В самой ранней своей работе, докторской диссертации «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура», Маркс писал, что «греческая философия, достигнув при Аристотеле высшей степени процветания, затем увяла»¹⁾. И, далее, Маркс с восторгом отзывается о «могучем, оглашавшем целые столетия голосе, хотя бы Аристотеля»²⁾. Подготавливая в этот же период работу по истории эпикурейской, стоической и скептической философии, Маркс набрасывает очерк развития послеплатоновской философии. В этом очерке Аристотелю уделено место «вершины древней философии»³⁾.

В этот период Маркс, как известно, стоял еще, по выражению Ленина, на вполне гегельянско-идеалистической точке зрения.

Но высокая оценка Аристотеля, глубочайший интерес к крупнейшему стихийно-диалектическому мыслителю оставались неизменными во всех последующих высказываниях Маркса об античном мире и античной философии.

В период своей деятельности в «Рейнской газете», в статье «Передовица в № 179 «Кельнской газеты», Маркс пишет: «Новейшая философия продолжала только работу, которую начали уже Гераклит и Аристотель»⁴⁾.

И позднее, уже формулируя материалистическое понимание истории, такой же высокой оценки Аристотеля придерживается Маркс, например в «Немецкой идеологии». Там он говорит, что положительной философией греков, следующей как раз за софистами и Сократом, является энциклопедическая наука Аристотеля⁵⁾.

Маркс не изменил своего отношения к Аристотелю и в наиболее зрелых произведениях. В «Капитале», называя Аристотеля исполином мысли, он видит величайшую заслугу античного исследователя в том, что он «впервые анализировал форму стоимости наряду со столь многими формами мышления, общественными формами и естественными формами»⁶⁾.

Энгельс вполне единодушен со своим великим другом в оценке Аристотеля. В «Анти-Дюринге» Энгельс писал, что «древние греческие философы были все природными диалектиками, и Аристотель,—самая всеобъемлющая голова между ними,— исследовал уже все существеннейшие формы диалектического мышления»⁷⁾, а в подготовительных работах к «Анти-Дюрингу» Энгельс, возвращаясь к этому вопросу, называет Аристотеля «Гегелем древнего мира»⁸⁾.

Сопоставление Аристотеля с Гегелем мы встречаем неоднократно в работах Энгельса. В старом предисловии к «Анти-Дюрингу», развивая свою знаменитую мысль о необходимости для естествоиспытателей изучать «диалектическую философию в ее исторически данных формах», Энгельс указывает, что диалектика до сих пор «была исследована более или менее точным образом лишь двумя мыслителями, Аристотелем и Гегелем»⁹⁾.

Наконец, в «Диалектике природы» Энгельс вновь напоминает о диалектическом характере мышления Аристотеля. Он пишет: «Два философских направления: метафизическое с неизменными категориями, диалектическое

¹⁾ Маркс и Энгельс. Соч. Т. I, стр. 29.

²⁾ Там же, стр. 86.

³⁾ Там же, стр. 452.

⁴⁾ Там же, стр. 207.

⁵⁾ Маркс и Энгельс «Немецкая идеология», стр. 117. Партиздат. 1934.

⁶⁾ К. Маркс «Капитал». Т. I, стр. 21. Гиз. 1930.

⁷⁾ «Анти-Дюринг». Соч. М. и Э. Т. XIV, стр. 20.

⁸⁾ Там же, стр. 378.

⁹⁾ Там же, стр. 337.

(Аристотель и в особенности Гегель)»¹). «Исследование,—говорит далее Энгельс,—форм мышления, рассудочных определений, очень благодарная и необходимая задача, и ее выполнил после Аристотеля систематически только Гегель»²).

Таковы некоторые характеристики и оценки Аристотеля, данные Марксом и Энгельсом.

Эта общая линия всесторонне конкретизирована и развита дальше Лениным.

Ленин, гениальный продолжатель Маркса в новую историческую эпоху, поднявший философию марксизма на новую, высшую ступень, поднимает на новую высоту и материалистически-диалектическую критику философии Аристотеля. Нет ни одной проблемы у Аристотеля, на которой Ленин не показал бы ограниченность этого исполина мысли, последнего великого идеолога древнего мира, но и нет ни одной проблемы, которая на основе диалектико-материалистической критики Аристотеля не засверкала бы совершенно новым и глубоким пониманием. В гениальных заметках Ленина воплощен замечательный образец применения и конкретизирования материалистической диалектики в философской критике.

Чтобы ориентироваться в содержании «Метафизики», напомним, в чем Ленин видит историческое своеобразие Аристотеля.

Комментируя «Метафизику», Ленин указывает, что у Аристотеля «нет сомнений в реальности внешнего мира», что «у Аристотеля везде объективная логика смешивается с субъективной и так притом, что везде видна объективная: нет сомнения в объективности познания». Это указание Ленина является решающим для правильного подхода к Аристотелю.

«Чувственным восприятием животные наделены от природы»,—говорит Аристотель, относя к животным и человека³). «На почве чувственного восприятия у некоторых из них память не появляется, а у других она возникает», но «чувственное восприятие одинаково обще всем»⁴). Аристотель затем определяет, в чем отличие человека от животного: «Все животные живут образами воображения и памяти, а опытом пользуются мало; человеческий же род прибегает также к искусству и рассуждениям», при этом Аристотель подчеркивает, что «наука и искусство получают у людей благодаря опыту».

Изучение умственного развития животных входит в содержание аристотелевского эмпиризма.

Ленин, как известно, в своем гениальном плане разработки «тех областей знания, из коих должна сложиться теория познания и диалектика», наряду с историей языка отдельных наук, философии и т. д. указывает и историю умственного развития животных. При этом Ленин на полях делает заметку: «Греческая философия наметила все сии моменты»⁵)—замечание, которое, таким образом, целиком относится и к Аристотелю.

Итак, Аристотель придает огромное значение чувственному знанию, восприятию и ощущению. «Тот, кто не ощущает, ничего не познает и ничего не понимает»,—говорит Аристотель⁶). Теория чувственного восприятия Аристотеля предполагает объективное существование природы «тех лежащих в основе предметов (υποκειμενα), которые вызывают чувственное восприя-

¹) Энгельс «Диалектика природы». Соч. М. и Э. Т. XIV, стр. 391.

²) Там же, стр. 493.

³) «Метафизика», I 1, 981 а 28. Мы цитируем по интернациональному обозначению, страницы которого поставлены и в издании А. В. Кубицкого (к сожалению, суммарно и без указания строк).

⁴) Там же, I 1, 982 а 6.

⁵) Лен. сб. XII. «Лассаль о философии Гераклита Темного», стр. 315.

⁶) Аристотель, De anima, III, 8.

тие»¹⁾, предполагает существование «чего-то другого, помимо восприятия, что должно существовать раньше его»²⁾). Аристотель поэтому сравнивает душу с «воском, который принимает знак золотого кольца с печатью, а не самое золото»³⁾). Едва ли нужно доказывать, что в этом наивном сравнении сказывается материалистическая тенденция Аристотеля. Материализм отчетливо выступает и в следующих словах Аристотеля: «То, что производит ощущение, находится во вне»,— другими словами, ощущение зависит не только от субъекта, для этого необходимо наличие объекта ощущения⁴⁾). «Существо мысли и предмета мысли — не одно и то же»⁵⁾). Человек и представляемый им объект — не одно и то же⁶⁾).

Аристотель недоумевает, как можно сомневаться в объективности чувственного познания. Испытывать с этой стороны затруднения, говорит он, «это все равно, что быть в неуверенности относительно того, спим ли мы сейчас или же бодрствуем»⁷⁾). Аристотель уверен, что подобные затруднения выдуманы людьми и что их собственная практика на каждом шагу опровергает их надуманные доводы.

Таким образом, у Аристотеля нет сомнений в существовании внешнего мира. Именно с этим не может примириться идеалист Гегель. Ленин подчеркивает, что в изложении Гегеля «вопрос о бытии независимо от ума и от человека скраден!» И в другом месте, уже в конспекте «Истории философии» Гегеля, Ленин пишет: «Особенно скраден вопрос о существовании вне человека и человечества!—вопрос о материализме!»⁸⁾). Ленин неоднократно возвращается к этому вопросу—к вопросу о материализме у Аристотеля. «Гвоздь здесь—«находится во вне»—вне человека, независимо от него. Это материализм. Эту-то основу, суть материализма, Гегель начинает уничтожать посредством болтовни, «трусливо увертываясь от материализма, а знаменитое сравнение души с воском заставляет Гегеля вертеться, как чорт перед заутреней». «Отвратительно читать, как Гегель выхваливает Аристотеля за «истинно спекулятивные понятия» (373 о «душе» и многое другое), размазывая явно идеалистический (=мистический) вздор». Трусливо увертываясь от материализма, софистически приукрашивая слабости идеализма, Гегель никак не может примириться со всеми теми чертами философии Аристотеля, которые вплотную подходят к материализму. Но тем ярче выступают эти черты у Аристотеля.

Такова исходная точка Аристотеля. Но дело в том, что он, как мы увидим позже, не выдерживает ее до конца.

Возвращаясь к теории чувственного восприятия Аристотеля, мы наталкиваемся на целый ряд вопросов, проблем, «сомневающих» вопросительных знаков, неожиданных приемов постановки вопросов, доказывающих, что Аристотель—«эмпирик, но мыслящий». Аристотель спрашивает: что же могут дать чувственные восприятия, исчерпывается ли ими знание? В чем их значение для человека, если любое из них доступно не только человеку, но и животному? И Аристотель доказывает, что чувственные восприятия ограничены в трех отношениях.

Во-первых, чувственные восприятия—это самые «главные наши знания об индивидуальных вещах»,—говорит он⁹⁾, но для познания индивидуальных вещей не требуется большого труда. Наоборот, самыми трудными для чело-

¹⁾ «Метафизика», IV 5, 1009 а 10.

²⁾ Там же, IV 5, 1011 а 1.

³⁾ De anima, II, 12.

⁴⁾ Там же, II 5.

⁵⁾ «Метафизика», XII 10, 1075 а 4.

⁶⁾ Там же, IV 6, 1011 в 5.

⁷⁾ Там же, IV 6, 1011 а 10.

⁸⁾ Лен. сб. XII, стр. 237.

⁹⁾ «Метафизика», I, 981 в 13.

веческого познания являются наиболее общие начала: «Они дальше всего от чувственных восприятий»¹⁾, а между тем с помощью их и на их основе познается все остальное.

Задача познания не может заключаться в чувственном восприятии: «Ведь чувственное восприятие обще всем, а потому это — вещь легкая»²⁾. Чувственный опыт еще не возвышает человека над уровнем животного. Человек преодолевает ограниченность чувственного восприятия, дополняя его искусством и наукой и рассуждениями³⁾.

Во-вторых, чувственные восприятия ограничены в том смысле, что ни одно из них не отвечает на вопрос «почему», например, почему огонь горяч, а указывают только, что он горяч»⁴⁾. Поэтому «ни одно из чувственных восприятий мы не считаем мудростью»⁵⁾. Знание причинности есть знание наиболее общего содержания в вещах и их связи. В самом деле, как иначе человек будет учиться или учить другого? — недоумевает он. Ведь задача науки — установить необходимость, связь, закономерность явлений, а у случайных вещей «и причина носит случайный характер», «они не происходят необходимо и всегда»⁶⁾.

Допустим, продолжает Аристотель, что в мире нет ничего общего. Тогда было бы очень легко познавать мир! «Если помимо единичных вещей ничего не существует, тогда можно сказать, нет ничего, что постигалось бы умом, а все подлежит восприятию через чувство, и нет науки ни о чем, если только не называть наукой чувственное восприятие»⁷⁾. Что без понимания общего содержания, общей сущности нет вообще знаний, — это Аристотель неоднократно подчеркивает и в других произведениях⁸⁾.

Итак, у Аристотеля нет сомнения в объективности познания, но он с замечательной наивностью формулирует основное затруднение, в котором сам же запутывается подконец самым жалким образом: как совместить о б щ и й характер знания с существованием отдельного? ⁹⁾. Такова одна из крупнейших проблем, проходящих лейтмотивом через все книги «Метафизики».

Казалось бы, Аристотель нас после этого сейчас же введет в суть своего понимания искомых «наиболее общих начал». Но Аристотель круто поворачивает обратно, чтобы логический переход от чувственного восприятия к «науке» проверить на историческом развитии философии.

К обоснованию своих взглядов Аристотель приводит нас (как и в «Физике») через историко-критический анализ хода развития философии. История философии при этом берется с точки зрения логического прослеживания в ней все большего углубления, от ступеньки к ступеньке, от понятия к понятию, понимания «наиболее общих начал». Поэтому история философии неразрывно связана у Аристотеля с теорией и критикой познания. Понимаемую таким образом историю философии, первую, вообще, в мировой философской литературе, и дает Аристотель в первой книге «Метафизики».

На эту черту указывает Ленин в уже упомянутых заметках на книгу Лассаля о Гераклите. Намечая «области знания, из коих должна сложиться теория познания и диалектика», Ленин указывает в том числе и на историю философии и относит ее к моментам, также намеченным в греческой философии.

¹⁾ «Метафизика», II, 982 а 10.

²⁾ Там же.

³⁾ Там же, I, 981 а 14.

⁴⁾ Там же, I, 981 в 13.

⁵⁾ Там же, I, 981 в 20.

⁶⁾ Там же, III 4, 999 в 3.

⁷⁾ Там же, VI 2, 1026 а 1—5.

⁸⁾ De anima, III 4, 430 а 6; 8, 432 а 4. Anal. post. II 77 а 8.

⁹⁾ «Метафизика», III 4, 999 а 29.

История философии показывает, что единство мира, т. е. мир в его «наиболее общих началах», понимается первыми философами как вода, воздух, огонь или земля—еще чувственно, еще конкретно, зримо и осязаемо как вещество, но оно, тем не менее,—единство, тождество, некоторая относительная неизменность, когда изменяются свойства, но не субстрат, не сущность. Первые натурфилософы преодолевали ограниченность чувственного восприятия, усматривая единство и тождество, но понимание этой всеобщей природы, этого единства, носит на себе следы своего происхождения из чувственного опыта: бытием у первых натурфилософов является то, «что воспринимается чувствами и об'емлет так называемое небо»¹⁾.

И вот Аристотель намечает теоретико-познавательные корни возникающей противоположности между идеализмом и материализмом. «Исходя из этих данных, за единственную причину можно было бы принять ту, которая указывается в виде материи. Но по мере того как они (ранние натурфилософы.— Г. Б.) в этом направлении продвигались вперед, самое положение дела указало им путь и со своей стороны принудило их к <дальнейшему> исследованию. В самом деле, пусть всякое возникновение и уничтожение сколько угодно происходит на основе какого-нибудь одного или хотя бы нескольких начал, почему оно происходит и что—причина этого? Ведь не сам лежащий в основе субстрат производит перемену в себе... а искать эту причину—значит искать другое начало,—как мы бы сказали—то, откуда начало движения. Те, которые с самого начала взялись за подобное исследование и утверждали единство лежащего в основе субстрата, не испытывали никакого недовольства собой, но, правда, некоторые из <таких> сторонников единства, как бы под давлением этого исследования, об'являют единое неподвижным, как равно и всю природу, не только в отношении возникновения и уничтожения (это—учение старинное, и все с ним соглашались), но и в отношении всего остального изменения; и это их своеобразная черта»²⁾.

В этом рассуждении Аристотеля можно видеть указание на гносеологические корни элейской философии. Надо было исследовать определенную объективную грань познания, но «как бы под давлением этого исследования» элейцы превратили определенную, объективную грань в абсолют, оторвали от целого, от изменения, односторонне выпятили, чрезмерно раздули; конкретно-чувственная форма понимания сущности — все эти наивно материалистические представления о воде, воздухе, огне, земле как последних и тождественных элементах происходящего — уступает место чистейшей абстракции — абстракции единства, покоя, неизменности. Элейцы продолжают материалистическую линию своих предшественников, рассматривая неизменную и тождественную сущность как шарообразное тело, но вместе с их метафизикой в философию проникает идеализм.

Аристотель возражает против целого ряда основных положений атомистов: неделимость протяженных тел (атомов), сведение возникновения и уничтожения вещей к соединению и разделению неизменных атомов, выведение качеств из бескачественных частиц материй, количественную бесконечность атомов, взгляд на пустое пространство как на условие движения, допущение вечного движения и, наконец, сведение всей мировой жизни и развития к слепой необходимости. Основная мысль Аристотеля в связи с критикой атомистики может быть резюмирована так: «У тех, кто говорит таким образом, необходимо упраздняется качественное изменение»³⁾. До Демокрита, доказывает Аристотель, ошибочно полагали, что из одного качественно определенного первоначала можно вывести неисчерпаемое качественное мно-

¹⁾ «Метафизика», I 8, 989 в 30. Чрезвычайно важно для «палеонтологического» анализа ранней греческой философии.

²⁾ Там же, I 8, 989 а 30.

³⁾ Там же, I 3, 984 в 8.

гообразии явлений, у Демокрита же атомы бескачественны, и только их соединением и раз'единением кладется начало возникновению и уничтожению.

И древние философы и атомисты одинаково оставляют без внимания все, что не имеет вещественного бытия, например понятие, мысль, разум, целесообразность, говорит Аристотель. В этом есть доля истины. Ни гилозоизм, ни атомизм не были в состоянии выяснить подлинную природу мышления, будучи двумя крайними и одинаково ошибочными формами понимания материи. Но и тот и другой представляли «первобытный, естественный материализм». В качестве «первобытного, естественного материализма» (Энгельс) античная философия, говорит Энгельс, «не была способна выяснить отношение мысли к материи»¹⁾. И, далее, Энгельс показывает, каким образом «необходимость выяснения этого вопроса» привела к учению об отделимой от тела душе, т. е. к идеализму.

Эти общие указания Энгельса были разработаны и развиты в гениальном учении Ленина о гносеологических корнях идеализма. И вот на основе этих ленинских указаний очень поучительно оглянуться на весь путь, пройденный Аристотелем, на его философские поиски диалектики, на его колебания.

Аристотель с гениальным диалектическим чутьем прослеживает теоретико-познавательные корни платоновского учения об идеях, т. е. идеализма Платона. Он говорит, что в ходе дальнейших исследований надо было перейти от понятия природы к вопросу о природе понятий: «Введение идей произошло вследствие исследования в области понятия (более ранние философы к диалектике не были причастны)»²⁾. Платон признал, продолжает Аристотель, что нельзя дать общего определения для какой-нибудь из чувственных вещей, поскольку вещи эти текучи и изменчивы³⁾. Но разве Платон неправ, спрашивает Аристотель, в том, что чувственное восприятие не способно охватить общую природу? Разве от чувств не следует переходить к мышлению? Путь исследования правильно намечает этот переход от чувственного восприятия к абстрактному мышлению, но «идя указанным путем»⁴⁾, Платон отрывает общие определения от вещей, односторонне превращает их в абсолюты, в вечные «идеи»⁵⁾.

Теперь Аристотелю остается дать критику платонизма, чтобы расчищать дорожку к положительному возведению здания собственной философии.

Критика теории идей у Платона — одна из главных тем «Метафизики», подробно разработана, задевает все категории диалектики и с большим искусством намечает все нерешенные предшествующей философией проблемы в их сложном переплетении. Ленин говорит: «Прехарактерна и глубоко интересна (в начале Метафизики) полемика с Платоном и «недоуменные», прелестные по наивности вопросы и сомнения насчет чепухи идеализма. И все это при самой беспомощной путанице вокруг основного понятия и отдельного»⁶⁾.

За недостатком места мы вынуждены опустить изложение аристотелевской аргументации в полемике с Платоном. Проблема отношения «идей» и «вещей» была, как известно, настоящим камнем преткновения для самого Платона. Платон на всем протяжении своей деятельности несколько раз менял всевозможные способы решения этой проблемы: отсюда теории «подражания», «причастности», «присутствия» (*mimesis*, *metechein*, *parusia*), пока не остановился на телеологическом принципе. Аристотель и тут следует за

¹⁾ Энгельс «Анти-Дюринг». Соч. Т. XIV, стр. 138.

²⁾ «Метафизика», I 6, 987 в 22.

³⁾ Там же, I 6, 987 в 4.

⁴⁾ Там же, I 6, 987 в 3.

⁵⁾ Там же, I 6, 987 в 5.

⁶⁾ Лен. сб. XII, стр. 331.

Платоном, не давая ему покоя и уже открыто насмехаясь по поводу теории «подражания» и «причастности». По его мнению, все это пустая болтовня: «Мы говорим по-пустому; ибо причастность... не означает ничего¹⁾. «Говорить же,—продолжает Аристотель,—что это—образцы и что все остальное им причастно, это значит... говорить пустые слова и выражаться поэтическими метафорами²⁾».

Пустые слова и поэтические метафоры — вот все, что «осталось» от «божественного» Платона. Основная мысль Аристотеля в борьбе с платонизмом резюмируется таким образом: если идеи — творческие принципы, живые силы, то ими должно определяться всякое движение, развитие, всякое конкретное изменение, а между тем идеи обособлены у Платона в какой-то особый бесплотный мир, лишенный каких бы то ни было точек соприкосновения с действительным миром. У Аристотеля, напротив, общие определения присущи самим вещам, идеи, т. е. родовое, всеобщее содержание наших понятий о вещах, присущи самим вещам, наполняют, так сказать, собою их живую жизнь, их движение, развитие.

Платон разрывает ощущение и мышление, восприятие и умозрение. Для Аристотеля ощущение и умозрение, находясь в теснейшем взаимодействии, принадлежат к единому процессу познания. Платон искал познание истины в сверхчувственном мире, Аристотель — в изучении действительного мира. Платон рассматривал мир вещей как тусклое, ложное, призрачное отражение света идей. Аристотель, напротив, признает явления реальными, подлинными носителями общих определений.

В более поздний период своей деятельности Платон, после ознакомления с южноиталийскими пифагорейцами, как известно, делает новую попытку преодолеть затруднения своей теории путем толкования идеи как чисел.

Утверждение пифагорейцев, что числа являются для всех остальных вещей причинами их сущности, разделял и Платон, но, по Платону, числа даны отдельно от чувственных вещей, а неопифагорейцы говорили, что числа — это самые вещи³⁾.

Затруднения, вытекающие из удвоения мира на мир вещей и мир идей, Платон и попытался преодолеть, допустив помимо чувственных предметов и идей в промежутке между ними математические вещи: по его замыслу, математические предметы имеют нечто общее и с чувственными вещами и с идеями, будучи в то же время противоположны и тем и другим⁴⁾. Но в таком случае, по мнению Аристотеля, все возражения против теории идей имеют силу и в отношении неопифагореизма. В частности, математические предметы чужды движению, а пифагорейцы, жалуется Аристотель, ничего не говорят, как возможно, чтобы из неподвижных и неизменных чисел происходили возникновение и уничтожение.

Аристотель доказывает, что предметы, изучаемые математическими науками, не могут как особые предметы находиться в чувственных вещах, вопреки утверждению пифагорейцев⁵⁾, но они не могут существовать в качестве отдельных предметов и за пределами чувственных вещей, как утверждал Платон⁶⁾. В третьей главе тринадцатой книги Аристотель так определяет предмет математики: не существуя отдельно ни внутри, ни вне чувственных вещей, предмет математических наук все же существует реально, поскольку у чувственных вещей выделяется одна какая-нибудь сторона и

¹⁾ «Метафизика», I 9, 292 а 24.

²⁾ Там же, XIII 5, 1080 а 1.

³⁾ Там же, I 5, 986 а 21.

⁴⁾ Там же, I 6, 987 в 14.

⁵⁾ Там же, XIII 2, 1076 а 37.

⁶⁾ Там же, XIII 2, 1076 в 11—1077 в 11.

наука сосредоточивает рассмотрение исключительно на связанных с этой стороной моментах ¹⁾.

Аристотелевское обоснование предмета математики продолжает и развивает материалистические черты полемики с Платоном по вопросу об «идеях». Аристотель подрывает основы идеализма в математике. Ленин именно в этом видел значение указанной части «Метафизики», блестяще справившейся с трудностями критики как тех, кто овеществляет числа, так и тех, кто рассматривает их существующими отдельно от вещей. «Книга 13, гл. 3 разрешает эти трудности, — пишет Ленин, — превосходно, отчетливо, ясно, материалистически (математика и другие науки абстрагируют одну из сторон тела, явления, жизни)» ²⁾. При этом Ленин подчеркивает, что Аристотель не выдерживает последовательно этой точки зрения, и мы увидим, как глубоко Ленин прав, как замечательно верно не только впервые в мировой философской литературе схвачена философская суть аристотелизма вообще, но и дана диалектически-материалистическая критика, которая поднимает философию марксизма на новую, высшую ступень.

Огромное историческое значение критики Аристотелем платонизма и неопифагореизма состоит в том, что имеющиеся в этой замечательной полемике материалистические черты переплетаются с наивным, чрезвычайно беспомощным применением диалектического метода. В борьбе против гегельянско-идеалистического извращения философии Аристотеля Ленин обнажает именно эти черты, скраденные Гегелем. «Излагая полемику Аристотеля с учениками Платона об идеях, Гегель скрадывает ее материалистические черты», — пишет Ленин. «Гегель явно многое натягивает под идеализм». «Идеалист Гегель трусливо обошел подрыв Аристотеля (в его критике идеи Платона) основой идеализма». «Гегель совсем скромкал критику платоновских «идей» у Аристотеля, у него «вскрадено, что говорит против идеализма Платона по существу». «Критика Аристотелем «идей» Платона есть критика идеализма, как идеализма вообще: ибо откуда берутся понятия, абстракции, оттуда же идет и «закон» и «необходимость» и т. д.» ³⁾.

Но Аристотель отправляется не только от критики Платона. Аристотель с самого начала имеет и определенные точки соприкосновения с ним. В самом деле, разве он не дал этот полный гениальный догадок анализ гносеологических корней платонизма? Разве из сказанного не следует, что Аристотель в полном согласии с Платоном рассматривал задачу познания в раскрытии наиболее общих определений сущего? Подлинное знание, говорил он, не в ощущениях, а в понятиях ⁴⁾, задача научного познания — в раскрытии всеобщего и тождественного, существенного и необходимого содержания в вещах, а этого чувственные восприятия как раз и не могут дать, потому что они изменчивы и преходящи ⁵⁾.

«Совпадение понятий с «синтезом», с суммой, сводкой эмпирии, ощущений, чувства, несомненно для философов всех направлений. Откуда это совпадение? От бога (я, идея, мысль и т. д.) или от (из) природы?» ⁶⁾. Идеализм отвечает: от бога (я, идея, мысль и т. д.). Таков идеализм Платона. Основы идеализма Платона как идеализма вообще и подрывает Аристотель своей критикой. Материалист отвечает «от (из) природы». «Аристотель вплотную подходит к материализму», более того, Аристо-

¹⁾ «Метафизика», XIII 3, 1077 в, 17—1078 в 6.

²⁾ Лен. сб. XII «Заметки на «Метафизику» Аристотеля», стр. 339.

³⁾ Там же. Конспект лекций Гегеля по истории философии, стр. 233, 235, 227.

⁴⁾ Anal. post. I 31, 87 в 28.

⁵⁾ «Метафизика», VI 15, 1039 в 27.

⁶⁾ Лен. сб. XII, стр. 239. Конспект лекций Гегеля по истории философии.

тель обнаруживает и огромную диалектическую проницательность, «живые зачатки и запросы диалектики»¹⁾, правда «при самой беспомощной путанице вокруг основного понятия и отдельного»²⁾, но эту диалектику Аристотель не умеет выразить материалистически, у него прорывается в некоторых случаях «точка зрения диалектического материализма, но случайно, невыдержанно, неразвито, мимолетно», по выражению Ленина, но в основном идеализм перевешивает.

**

В чем же выражается непоследовательность, в чем проявляются колебания, противоречия Аристотеля? Какое же решение дает сам Аристотель неразрешенной Платоном проблеме? Как он сам мыслит преодолеть те бесчисленные затруднения и противоречия, которые он безжалостно одно за другим обрушивал на голову Платона?

Задача философского познания состоит в изучении наиболее общих начал всякого бытия — таков результат полемики с Платоном. Отдельные науки изучают специальные формы движения, виды вещества, частные и случайные моменты и т. д. «Метафизика», т. е. «Первая философия», рассматривает «сущее как такое и то, что ему присуще самому по себе»³⁾. Эта наука не тождественна ни с одной из частных наук: ни одна из других наук не исследует общую природу сущего, как такового, но все они выделяют себе какую-нибудь часть его (сущего) и затем рассматривают относительно этой части то, что ей окажется присущим»⁴⁾, а не сущим просто и как таким»⁵⁾. Между тем философия имеет своим предметом сущее как сущее вообще, а не в одной какой-нибудь части⁶⁾. В ней определяются не отличительные особенности данного предмета как отличного от другого предмета, а его определение как только сущего⁷⁾. Аристотель к этим определениям сущего вообще относит, например, тождественное, подобное⁸⁾, противоположное и его различные значения⁹⁾, несходное и неразрывное, различие и инобытие¹⁰⁾, предшествующее и последующее, род и вид, целое и часть и все другие подобные определения¹¹⁾ и т. д. и пр. Изучение всех этих и подобных определений, неоднократно подчеркивает Аристотель, составляет «дело» не какой-либо другой науки, но только философии¹²⁾.

Тем самым уже начерчен предмет дальнейшего развития темы: природа общего — предмет особой науки, изучающей, что такое сущее само по себе, что такое сущность вещей (*ti estin usia*)¹³⁾ и объясняющей, исходя из найденных общих определений, мир явлений видимого нами реального мира¹⁴⁾.

Четырнадцать книг, посвященных этим задачам, были помещены в собрании рукописей Аристотелем после рукописей по физике (*ta meta ta physika*), откуда и произошло название всей этой группы книг. Сам Аристотель термина «метафизика» не знал.

¹⁾ Лен. сб. XII, стр. 241, 331.

²⁾ Там же, стр. 331.

³⁾ «Метафизика», IV 1, 1003 а 21.

⁴⁾ Там же, стр. 331.

⁵⁾ Там же, VI 1, 1025 в 3.

⁶⁾ Там же, XI 3, 1061 в 31.

⁷⁾ Там же, IV 2, 1005 а 10.

⁸⁾ Там же, IV 2, 1004 в 1.

⁹⁾ Там же, IV 2, 1004 в 6.

¹⁰⁾ Там же, IV 2, 1004 а 20.

¹¹⁾ Там же, IV 2, 1005 а 14.

¹²⁾ Там же, XI 3, 1061 в 1.

¹³⁾ Там же, II 4, 999 а 28.

¹⁴⁾ Там же, II 1, 402 в.

**

В результате критики платонизма Аристотель, таким образом, вовсе не приходит к чисто отрицательному выводу о нереальности общих определений, например к теории, получившей в средние века название номинализма: общее понятие, по Аристотелю, отнюдь не субъективно в силу того, что она не существует отдельно от чувственной вещи.

Общее, как сущность, дано в объективном мире в качестве формы, которая внутренне присуща каждой вещи: форма и делает ее тем, что она есть, воплощаясь в ней: воплощенная в данной материи данная форма есть сущность (или «суть бытия», как переводит А. В. Кубицкий).

Всей полнотой подлинной действительности, следовательно, обладает единичная вещь как остающееся неизменным при всех своих меняющихся состояниях воплощение всеобщей формы или вида. Это и есть то, в качестве чего вещь «обозначается сама по себе»¹⁾, чем она «является сама по себе», и, следовательно, «от отдельной вещи может обособляться <только> мысленно»²⁾.

Таково общее. Но в таком случае, как объяснить изменение, если воплощение общей формы в единичной вещи остается неизменным при всех изменениях его отдельных состояний? Процесс изменения и развития, отвечает Аристотель, и есть процесс воплощения формы. В таком случае всякое изменение предполагает нечто, что изменяется, всеобщий субстрат всех изменений, который хотя в результате изменения приобретает те или иные свойства, но сам по себе сохраняется, как то, из чего все возникает и в чем снова растворяется, т. е. вещество или материал вещи³⁾.

Всякое изменение предполагает, таким образом, два фактора: материал, или вещество, и форму, которую оно получает при изменении. Например статуя есть форма, которую приобретает медь, а медь — материал, субстрат изменения.

Возникает новый вопрос: как из не имеющего никакой формы вещества процесс изменения приводит к оформленной вещи? Аристотель отвечает и на этот вопрос.

То, что возникает, может возникать не из ничего, а из того, что уже существовало в некотором отношении и в то же время в некотором отношении не существовало: если бы оно существовало, то незачем ему было бы возникать; если же оно вовсе не существовало бы, то откуда оно могло бы возникнуть? Следовательно, говорит Аристотель, оно существовало, как способность, возможность, но не существовало, как действительность: «из вещи, существующей в возможности, возникает вещь, существующая в действительности»⁴⁾. Происхождение и развитие есть переход от возможности к действительности. Все, что существует, есть возможность, находящаяся в процессе осуществления.

Понятия возможности (*dynamis*) и действительности (*energeia*) являются основными понятиями философии Аристотеля, они проходят через все книги «Метафизики», наполняя ее проблемы разнообразнейшими и глубоко интересными оттенками. Так и установленные выше два основных начала развития приобретают новый смысл, новый оттенок в свете этих категорий. А именно, если субстанциальная форма не исчерпывает сущности, — наоборот, сущность составляют как материя или субстрат, так и форма, то первая выражает сущность в ее возможности, а вторая — в ее действительности.

По Аристотелю, материя не существует отдельно от индивидуальной ма-

¹⁾ «Метафизика», VII 4, 1029 в 13.

²⁾ Там же, VIII 1, 1042 а 25.

³⁾ Там же, IV 8, 1012 в 28.

⁴⁾ Там же, IX 8, 1049 в 24.

териальной вещи, т. е. от реализованной формы, вне этих форм материя есть только чистая возможность, неопределенная способность; действительностью она становится благодаря форме: форма и есть то, что дает материи действительное бытие, придает ей действительные свойства. С другой стороны, без материи, т. е. без того, из чего все возникает и во что все разрешается, форма просто невозможна. Но Аристотель отнюдь не считает на этом основании форму подчиненной, производной от материи. По его мнению, форма не создается материей, не производится ею, но, наоборот, благодаря форме из неопределенной материи возникает определенная вещь.

Таким образом, процесс реального развития есть переход от возможного состояния к действительному, причем действительное состояние, т. е. осуществленная форма, сама становится возможностью для более высокой действительности, возможностью высшей ступени естественного мира. Так учение о двух формах бытия, возможного и действительного, переходит в целое мировоззрение, согласно которому природа образует систему, органическое целое, последовательную и единую лестницу естественных форм, в которой каждая высшая ступень предполагает низшую как свою возможность. По Аристотелю, эта иерархическая лестница естественных ступеней имеет свою границу как снизу, так и сверху: внизу этой границей служит материя, бесформенное вещество, которое характеризуется лишь инертностью. Аристотель ее называет «первой материей». Это — нечто совершенно неопределенное, лишенное формы, правда, это отнюдь не «ничто», как считал Платон, и все же это чистая возможность — здесь отсутствует форма, но не какая-нибудь определенная форма, а форма вообще¹⁾.

Если бесформенное, инертное вещество образует границу внизу, то высшим пределом иерархической лестницы естественных форм является уже чистая форма, в которой уже нет больше материи, — это — нечто совершенное, божественное начало.

Прежде чем проследить дальнейшее развитие этих идей в книгах «Метафизики», охарактеризуем некоторые коренные особенности аристотелевского подхода к проблеме материи.

У Аристотеля нет сомнения в объективности внешнего мира, но признание этой объективности мира не выдержано, дано случайно, не развито. А именно, материя, которая признается объективно существующей, в то же время вдруг оказывается лишь существующей в возможности. Вопрос о бытии материи как субстанции у Аристотеля самым наивным образом смешивается с вопросом о познании индивидуальных материальных вещей. Замечательно верно, с глубоко диалектическим чутьем Аристотель для объяснения развития вводит в философию понятия возможности и действительности, но Аристотель, путаясь, относит эти понятия не только к индивидуальным вещам и к познанию их, но и к существованию самой материи как субстанции. Совершенно верно, материалистически, замечает Аристотель, что когда в индивидуальной вещи материя приемлет ту или иную форму, возможность переходит в действительность (благодаря воздействию другой внешней действительной вещи²⁾), но когда тот же «прием постановки вопроса» (Ленин) Аристотель относит уже к материи как таковой, ко всеобщему субстрату, считая и последний лишь потенциально существующим, то Аристотель выступает как идеалист. Материя — носитель и основа становления, изменения, формы, она их носит в себе лишь в возможности, а не в действительности; развитие и есть процесс осуществ-

¹⁾ «Метафизика», VII 7, 1033 а 13 в 16.

²⁾ Там же, IX 8, 1049 в 24: «Из вещи, существующей в возможности, возникает вещь, существующая в действительности, действием <другой> вещи, <тоже> существующей в действительности...»

вления заложенных в ней неисчерпаемых возможностей, но это не значит, что материя сама есть нечто возможное, а не действительное. Атомисты на голову выше Аристотеля в этом вопросе! Неопределенная материя, субстрат изменения, вещество, атомы, из которых все состоит и в которые все разрешается,—это нечто действительное, а не только просто возможное, как утверждает Аристотель.

Но аристотелевское понимание материи обнаруживает идеалистические стороны «Метафизики» еще и тем, что оно в конечном счете подчинено и телеологическому принципу его иерархической лестницы естественных видов. Все совершенное, все значительное, все прогрессивное обязано своим существованием не механической причине—веществу, а форме, цели, которая влечет и движет вперед. Материя у Аристотеля—причина всего, что в нашем мире несовершенно, уродливо, случайно, отрицательно.

Отношение Аристотеля к материи в известном смысле превосходит отношение Гегеля к материи и материализму. Гегель, стремясь всячески развенчать и принизить «природу», как известно, утверждал, что природа, будучи «самоутратой духа», неспособна к развитию, является «принижением» абсолютной идеи. Аристотель точно так же отводит материи роль косной силы, тормозящего развитие принципа.

Такова, в основном, невыдержанность Аристотеля в понимании материи; она заставляет считать его идеалистом несмотря на его дуализм. Колебания между материализмом и идеализмом, однако, с неотвратимой силой возрастают еще больше, когда мы переходим к аристотелевскому пониманию формы.

В понимании формы, несомненно, сказалось диалектическое чутье Аристотеля. Оно выразилось в том, что качественное изменение Аристотель противопоставляет количественному, пространственному движению атомистов, стремясь возродить и заново теоретически обосновать утерянное атомистами понятие качественного становления древних ионийцев. Но в рассуждениях Аристотеля о форме¹⁾ диалектик уступает место метафизике, антидиалектике.

Аристотель утверждает, что если все, что возникает, должно возникать из чего-нибудь, то делать какую-то вещь можно всегда не только из имеющегося в качестве материала субстрата вообще, но и из данной, столь же вечной формы²⁾.

Аристотель прав, провозглашая вечность материи, но когда Аристотель добавляет, что также и форму никто не создает и не производит, но вносит ее в определенный материал³⁾, он впадает в идеализм. Качественные определенности, по его словам, могут возникать и уничтожаться, т. е., другими словами, воплощаться в том или ином материале и исчезать из нее, но сами они как таковые не проходят процесса возникновения и уничтожения—они столь же вечны, как и субстрат изменения. В такой постановке видны все основные черты той самой «качественной физики», тех самых «субстанциональных форм», против которых, в их средневековой интерпретации, будет впоследствии бороться Декарт.

Но мы были бы несправедливы к Аристотелю, если бы совершенно упустили из виду историческую перспективу разборки идеи развития, в которой только и следует рассматривать его учение о «форме». Материя у Демокрита просто дискретна, а дискретные части лишь сосуществуют в пространстве. Напомним, что Энгельс различал старую и новую атомистику, подчеркивая в новой атомистике именно то ее величайшее преимущество перед всеми

¹⁾ «Метафизика», VII 8, 1033 а 1034 а 8.

²⁾ Там же, VIII 3, 1043 в 14.

³⁾ Там же, VIII 3, 1043 в 18.

прежними, что «она (если не говорить об ослух) не утверждает, будто материя просто дискретна, а что дискретные части являются различными ступенями (эфирные атомы, химические атомы, массы, небесные тела), различными узловыми точками, обуславливают различные качественные формы бытия у всеобщей материи вплоть до нисходящей линии до потери тяжести и до отталкивания»¹⁾.

Недостатки «прежней» атомистики, получившие столь яркую характеристику в словах Энгельса, — глубоко актуальную, кстати, и для наших дней, — являются одновременно недостатками античной атомистики. Аристотель пытается преодолеть именно эти недостатки и с этой целью вводит понятия возможного и действительного. Возможность и действительность — это принципиально новое противопоставление, неизвестное всей предшествующей философии. Термин *dynamis* встречается до Аристотеля, если не считать его смутных намеков у Анаксимандра, два раза только у Демокрита, да и то в свидетельствах самого же Аристотеля о нем²⁾. Развитие и есть переход от возможности к действительности, говорит Аристотель. Принципу механической дискретности был противопоставлен принцип всеобщего морфогенеза, согласно которому «части» природы, или виды, не просто дискретны, а предполагают низшую ступень как свою возможность. Посредствующее звено между общей, выраженной в понятиях формой и чувственно воспринимаемой материи, — вот что такое происхождение (*genesis*). Но преодоление механицизма у Аристотеля также не выдержано, не развито. Мы уже подходим к телеологизму, а за телеологией впереди маячит бог.

**

Учение о материи и форме, возможности и действительности, еще не объясняет, как именно совершается самый переход от материи к форме, от возможности к действительности. Для того чтобы объяснить этот переход осуществляющейся, воплощающейся формы из стадии возможности в стадию действительности, Аристотель вводит в свою философию новое понятие — «движение», *kinesis*. Из изменения вообще (*metabole*) выделяется движение (*kinesis*) в узком смысле.

В своей «Физике» Аристотель движение подразделяет на движение, как качественное изменение *kata pathos*, далее на количественное движение, т. е. увеличение или уменьшение и, наконец, на пространственное движение (*phora*)³⁾.

Аристотель здесь систематизирует (точнее, перечисляет) формы движения, известные (демокритовскому в основном) естествознанию его времени⁴⁾, так же как Гегель в своей «Философии природы» систематизирует совокупность доступного его эпохе знания форм движения материи. Но в «Метафизике» Аристотель рассматривает движение как таковое, отвлекаясь от того, что движется, отвлекаясь от того, телесно ли то, что движется, и т. д. и, следовательно, в наиболее общей форме, как воплощение в определенной материи определенной формы, как вид сущего вообще. Но почему Аристотель вводит в свою философию именно это понятие? Потому что движение по своей природе прекрасно выражает единство возможности и действительности и вместе с тем переход возможности в действительность; движение предполагает материал и процесс реализации формы в этом материале;

¹⁾ Энгельс «Диалектика природы». Соч. М. и Э. Т. XIV, стр. 512—513.

²⁾ Diels, FVS², 362, 37.

³⁾ Phys. E 2, 226 a 24.

⁴⁾ Например пространственное движение прямо указывает на Демокрита. Ср. у Демокрита Diels. FVS², 364, 14; 367, 34.

движение необъяснимо ни из одной материи, ни из одной формы. Движение — это реальное осуществление того, что является возможным¹⁾.

Переход от возможного к действительному есть движение. Аристотель различает осуществленность и существование в действительности, «энтелехия» и «энергия». Хотя в некоторых случаях он употребляет эти термины как синонимы, но в основном «энтелехия» выражает не осуществленность вообще в отличие от «энергии», а реализованную степень совершенства, иерархическое место в системе видов сущего²⁾.

Возможность и действительность, материя и форма связаны между собой движением. А так как, по мнению Аристотеля, материя и форма сами не выводимы ни из чего другого, будучи вечными и в этом смысле не возникшими основами всякого возникновения, то и движение, связывающее материю и форму, также вечно³⁾, вечен процесс перехода от возможности к действительности и вечен в том смысле, что он не может закончиться. Однако Аристотель вдруг снова сворачивает в сторону, заявляя, что движение должно иметь начало: движение не заложено в самой материи и из самой материи движение необъяснимо. Движение материи предполагает существование двигателя. Движение не имеет начала только в том смысле, в каком не имеют начала материя и форма. Но движение должно иметь свою причину, потому что и из самой материи нельзя вывести причины движения.

Учение о «первом двигателе»⁴⁾ как причине движения у Аристотеля обосновано его общими воззрениями на природу причинности. Аристотель разграничивает четыре вида или принципа причинности, служащих для объяснения движения.

Первый вид причинности заложен в материи, в субстрате всякого изменения. Чтобы сделать статую, нужно иметь мрамор или медь. Но почему мрамор принимает ту или иную форму, нельзя объяснить самой природой меди или мрамора. Ни дерево, ни медь, ни мрамор не могут быть причиной, почему каждое из них изменяется. Поэтому нужна вторая разновидность причины, именно движущая (или действующая, производящая) причина, «то, откуда идет начало движения».

Но из материи и из движущей причины можно объяснить изменение вообще, но нельзя объяснить, почему данное вещество в результате изменения получает именно эту, а не другую форму: мрамор — вид вещества, но из мрамора нельзя объяснить статую, нельзя ее вывести из вещества: здесь причиной будет самая форма или сущность. В этом — третий вид причинности. И, наконец, движущей причине, источнику движения противостоит конец движения — цель, «то, ради чего» происходит то или иное изменение, «то, ради чего» существует вещь. Таковы четыре вида причины: материя, движущая причина, или источник движения (мы бы сказали — механическая причина), форма, или сущность, и, наконец, цель⁵⁾.

Таким образом, Аристотель в первых двух видах причинности выражает механическую причинность, а во вторых двух — телеологическую. Аристотель колеблется между Демокритом и Платоном: он пытается примирить телеологию с механицизмом.

Сперва проследим материалистические черты, тяготение Аристотеля к механицизму Демокрита, а затем — его непоследовательность и идеализм.

В самом деле, Аристотель отчетливо формулирует сущность механической причинности. «То, что возникает, возникает всегда под действием че-

¹⁾ «Метафизика», XI 9, 1065 в 14.

²⁾ Там же, IX 5, 1047 а 31.

³⁾ Там же, XII 6, 1071 в 10.

⁴⁾ Там же, IV 8, 1012 в 31.

⁵⁾ Там же, I 3, 986 в 8 а 16.

го-нибудь, существующего в действительности», и Аристотель добавляет: «Так я называю источник, откуда возникновение берет свое начало»¹⁾. Без воздействия внешней причины ничто не может возникнуть, движение есть осуществление возможности, но оно может иметь место лишь «под действием того, что способно двигать»²⁾.

Таким образом, Аристотель признает внешнюю естественную механическую необходимость — этот основной принцип естествознания Демокрита. Но иллюстрируя свою мысль о материи и движущей причине множеством очень живых и наивных примеров, Аристотель не выдерживает материалистического подхода, стремясь эклектически перекинуть мост к платонизму. Он заявляет: «Помимо этих начал—мы имеем причину, которая, находясь впереди всего, движет все»³⁾, и это есть благо, ибо благо есть цель всего возникновения движения.

Материя, механическая причина — с одной стороны, и с другой — форма и цель, хочет сказать Аристотель, — это одно и то же, только первая — в возможности, вторая — в действительности, поэтому существующее в возможности и существующее в действительности в известном смысле — одно⁴⁾. По теории Демокрита, причинность состоит в механической необходимости, т. е. возникновение чего-либо полностью определяется тем, что ему предшествует. По Платону, наоборот, возникновение обусловлено только тем, что в качестве цели (идеального прообраза) предшествует данной вещи. Аристотель примиряет механицизм и телеологию таким образом: «материя предшествует форме: «во времени действительность прежде способности»⁵⁾, «по сравнению с этим вот человеком, который уже существует в действительности, и также — с хлебом и с тем, что видит по времени прежде — материя, семя и то, что способно видеть, т. е. то, что в возможности является человеком, хлебом и видящим существом, а в действительности — еще нет»⁶⁾, — и все же форма впереди материи, как то, что должно возникнуть из нее, как цель, как творческое начало движения вперед и совершенства.

Телеологическое мировоззрение Аристотеля надолго отодвинуло на задний план механическое естествознание Демокрита и сыграло исключительно реакционную роль в истории естествознания.

Вернемся теперь к первому двигателю. Аристотель жалуется, что Левкипп и Демокрит принимают вечное движение, но не объясняют, почему оно вечно⁷⁾. «Ведь не материя же будет двигать сама себя, но плотничье искусство»⁸⁾. Но если речь идет о вечном движении, то никакое плотничье искусство, конечно, вечности движения не объяснит. «Вечное движение должно исходить из чего-то вечного»⁹⁾, и, по Аристотелю, в нем не должно быть материи¹⁰⁾. Таков «первый двигатель» и в то же время «высшая цель», божество, вызывающее во вселенной неистребимое тяготение, стихийное стремление к себе как высшей цели¹¹⁾.

Таким образом, Аристотель не преодолел идеализма Платона. У него также выступает вечное божество¹²⁾, нематериальное, нечто мысленное и

¹⁾ «Метафизика», VII 8, 1033 а 24.

²⁾ Там же, XI 9, 1066 а 25.

³⁾ Там же, XII 4, 1070 в 35.

⁴⁾ Там же, VIII 5, 1048 в 19.

⁵⁾ Там же, IX 8, 1049 в 19.

⁶⁾ Там же, IX 8, 1049 в 27, VI 2, 1026 в 1.

⁷⁾ Там же, XII 6, 1072 а 5.

⁸⁾ Там же, XII 6, 1071 в 31.

⁹⁾ Там же.

¹⁰⁾ Там же, XII 6, 1071 в 16.

¹¹⁾ Там же, XII 7, 1072 в 3 ср. А 9, 192 а 18.

¹²⁾ Там же, XII 6, 1071 в 11.

мыслящее: если бог не мыслит, — в чём его достоинство? спрашивает Аристотель ¹⁾.

Ленин замечает по этому поводу: «Аристотель так жалко выводит бога против материалиста Левкиппа и идеалиста Платона. У Аристотеля тут эклектизм». Но Ленин в то же время требует, чтобы учитывать историческое своеобразие идеализма Аристотеля. Достаточно сопоставить бога Аристотеля в роли «первого двигателя» с богом Платона в роли творца мира, окруженного бесчисленным сонмом богов — идей, чтобы понять, в чём именно заключается глубокое различие между двумя формами идеализма и выполнить, таким образом, требование ленинского подхода. Аристотель — идеалист, но идеализм Аристотеля «объективнее, по выражению Ленина, и отдаленнее, общее, чем идеализм Платона, а потому в натурфилософии чаще материализму».

Аристотель называет бога всегда лишь двигателем мира, но никогда не называет его прямо творцом мира. Поэтому Маркс еще в годы работы в «Рейнской газете», в статье «Передовица в № 178 «Кельнской газеты», совершенно правильно говорит, что эпоха «Александра была эпохой Аристотеля, который отверг как бессмертие «индивидуальной души», так и бога позитивных религий» ²⁾. Но, отвергая бога позитивных религий, предоставляя богу жалкую роль «первого двигателя» мира, Аристотель тем не менее, как мы видим, не преодолел идеализм Платона.

**

Обоснованием необходимости божества как первого двигателя логически заканчивается ход мыслей четырнадцати книг «Метафизики». Задача «первой философии» выполнена. Аристотель переходит к изучению специальных, частных видов сущего: движения, пространства, времени и т. д., т. е. к проблемам «второй философии» — физики, психологии, этики. Этот переход, с точки зрения Аристотеля, от общего к частному, от первой философии к физике оправдан тем, что общая форма образует сущность, живой нерв материи: именно она направляет движение, она определяет собою материю, она делает данную материальную вещь тем, что она есть. В этом смысле ей принадлежит естественный, объективный *prîus* по сравнению с материей: «форма стоит впереди материи» ³⁾ — «то, что лежит в основе, прежде, а потому — сущность прежде» ⁴⁾: Общее обладает действительностью в более высоком смысле чем единичное, именно «сущностным бытием», хотя, казалось бы, оно ведь только возможно. Поэтому и следует за метафизикой, первой философией, физика и психология.

Но Аристотель неспокоен: не противоречит ли это, спрашивает он, ходу изложения самой «Метафизики»? Почему, спрашивается, мы не начинаем непосредственно с анализа общих определений и не выводим из них мира явлений? Почему же наше исследование отправлялось от чувственного восприятия, в котором, как теперь оказывается, не может быть найдено истинного знания, т. е. знания общего? Почему же то, что определяет собою материю, придавая движению внутреннюю силу, оказывается в процессе нашего исследования выводом, а не предпосылкой?

Но тут нет противоречия, говорит Аристотель. Это противоречие — мнимое. Надо различать исторический, фактический ход исследования и логику, систематику знания, его «аналитику», которая, очевидно, имеет дело с за-

¹⁾ «Метафизика», XII 7, 1073 а 1—11.

²⁾ Маркс Соч. Т. I, стр. 194.

³⁾ «Метафизика», VII 3, 1029 а 7.

⁴⁾ Там же, V 11, 1019 а 3.

конченной наукой: «нелепо одновременно стараться постичь и науку и способ усваивать науку»¹⁾.

Уточняя свою мысль, Аристотель различает, что в возможности знание направлено на общее, а в действительности — на особое. Ленин в своем контексте «Метафизики» ставит этот вопрос в следующих словах: «Наука касается только общего, ... а действительно (субстанциально) только отдельное. Значит, пропасть между наукой и реальностью? Значит, бытие и мышление несоизмеримы?.. Аристотель отвечает: потенциально знание направлено на общее, актуально на особое»²⁾.

Аристотель, смешивая самым беспомощным образом объективную диалектику с субъективной, задевает, затрагивает в то же время диалектику отражения природы в познании. Он требует различать «то, что прежде с точки зрения разума, и то, что прежде с точки зрения чувственного восприятия». «Ощущение направлено на единичное, тогда как познание направлено, наоборот, на всеобщее»³⁾. Поэтому то, что является первым по природе, по сущности, труднее поддается познанию, требует большей работы мысли, чем то, что является наиболее поздним по сущности, поверхностным по природе, внешним. Последнее легче выразить, и познание начинается с того, что на самом деле является поздним по существу»⁴⁾.

То, что стоит вначале как нечто понятное для нас, то на самом деле, по сущности, по природе более позднее, ибо в нем (—поверхностном) «нет <настоящей> реальности»⁵⁾. Но общее, говорит Аристотель, это мысль, и предметы, выступая в качестве мыслей, выступают в своей истинности. Следовательно, мысль есть понятие вещи, а понятие есть субстанция вещи. Вот в этом — идеализм Аристотеля. За это и выхваливает его Гегель.

Отсюда неизбежно вытекают выводы и в отношении характера и построения логики. Так как метафизика стремится раскрыть природу наиболее общего и объяснить из наиболее общих, существенных определений мир индивидуальных явлений, то и логика, анализируя познание, сосредоточивает рассмотрение на законах выведения частных суждений из общих. Поэтому центральную часть аристотелевской логики занимает учение об умозаключении (силлогистика) и доказательстве. Логика теснейшим образом связана с метафизикой, ее принципиальные предпосылки те же, что и в метафизике: «Что прежде по познанию, оно — же будет прежде и непосредственно <само по себе>»⁶⁾.

Название «формальной» менее всего подходит к аристотелевской логике, так как рассмотрение всех основных вопросов логики предполагает тождество бытия и мышления. В природе, говорит Аристотель, «мы имеем то же, что в умозаключениях (силлогизмах) — сущность является началом всего: ибо суть вещи служит основанием для умозаключений, а здесь — для процессов возникновения»⁷⁾. Формы мышления тождественны с формами, выражающими отношения действительности. Различные формы высказывания, говорит Аристотель, указывают на различные формы бытия. А так как одни из высказываний означают суть вещи, другие — качество, некоторые — количество, иные — отношение, иные — действие или страдание, иные — отвечают на вопрос — «где?», иные — на вопрос «когда?», то в соответствии

¹⁾ «Метафизика», II 3, 995 а 12.

²⁾ Ленин «Метафизика Аристотеля». Лен. сб. XII, стр. 341.

³⁾ De anima, II 5.

⁴⁾ Analyt. poster., I, 271 в 34.

⁵⁾ «Метафизика», VII 3, 1029 в 12.

⁶⁾ Там же, V 11, 1018 в 30.

⁷⁾ Там же, VII 9, 1034 в 1.

с каждым из этих <родов> высказываний те же самые значения имеет и бытие»¹).

Мы не имеем возможности в рецензии затронуть учение Аристотеля о категориях (как, впрочем, многих других не менее важных проблем «Метафизики» Аристотеля). Из приведенных мест, очевидно, следует, что формы бытия тождественны у Аристотеля с формами познания и что, следовательно, говоря о колебаниях Аристотеля между материализмом и идеализмом, следует иметь в виду, что Аристотель далек от субъективного идеализма. Скорее и в этом вопросе он остается «Гегелем древнего мира».

Вот почему, с замечательной четкостью и заостренностью обобщая свои замечания о «Метафизике», Ленин говорит:

«Логика Аристотеля есть запрос, искание, подход к логике Гегеля, а из нее, из логики Аристотеля (который всюду, на каждом шагу ставит вопрос именно о диалектике), сделали мертвую схоластику, выбросив все поиски, колебания, приемы постановки вопросов. Именно приемы постановки вопросов были у греков как бы пробные системы — наивная разноголосица, отражаемая превосходно у Аристотеля».

Такова была глубоко противоречивая философская система Аристотеля.

Напомним, как Маркс охарактеризовал эту эпоху. Еще в 1842 году в «Рейнской газете», в статье «Передовица» в № 170 «Кельнской газеты», Маркс обрушивается едкой, саркастической критикой на утверждение названной газеты, что «эпоха расцвета национальной жизни народа совпадает с эпохой высочайшего развития их религиозного сознания, а период упадка их величия и силы с периодом упадка их религиозной жизни». Маркс отвечает: «В действительности верно как раз обратное, — автор просто поставил историю на голову». «Высочайший внутренний расцвет Греции совпадает с эпохой Перикла, высочайший внешний расцвет — с эпохой Александра. В эпоху Перикла софисты, Сократ, которого можно назвать олицетворением философии, искусство и риторика вытеснили религию. Эпоха Александра была эпохой Аристотеля, который отверг как бессмертие индивидуальной души, так и бога позитивных религий»²).

Философия Аристотеля — продукт «высочайшего внешнего расцвета» Греции. Македония переживала подъем культурной и промышленной жизни. Знаменитый врач Гиппократ Косский, поэт, сочинитель дифирамбов Меланиппид, эпический поэт Херия Самосский жили и работали в Пелле. Не случайно престарелый Еврипид провел последние годы своей жизни при дворе Архелая. Земельная знать Фессалии с увлечением стала изучать новые, софистические системы. Сам Горгий поселился в Ларисе и нашел здесь многочисленных учеников. Развивается дух критики и рационализма. Когда Сократ был обвинен в Афинах, ему предложили убежище в Фессалии. Философия Аристотеля была продуктом дальнейшего политического и культурного выдвижения новой северной державы. Но это было лишь «перемещение центра», по выражению Маркса, и заключало в себе неизбежное воспроизводство все тех же коренных, роковых противоречий рабовладельческой структуры.

Эти противоречия обусловлены противоречиями его эпохи, обусловлены классовыми корнями мышления Аристотеля. Величайшая историческая ограниченность философского учения Аристотеля органически обусловлена теми же противоречиями рабовладельческого общества, которые обусловили ограниченность его экономического учения.

¹) «Метафизика», V 8, 1017 а 23.

²) Маркс и Энгельс. Соб. соч. Т. I, стр. 194.

Маркс указывает в «Капитале», что гений Аристотеля, «античного исследователя, анализировавшего форму стоимости наряду со столь многими формами мышления, общественными формами, естественными формами», обнаруживается именно в том, что в выражении стоимости товаров он открывает отношения равенства, но Аристотель здесь останавливается в затруднении и прекращает дальнейший анализ, потому что, по его мнению, в действительности невозможно, чтобы разнообразные вещи были соизмеримы. «Равенство и равнозначность всех видов труда, поскольку они являются человеческим трудом вообще, — эта тайна выражения стоимости может быть расшифрована лишь тогда, когда понятие человеческого равенства уже приобрело прочность народного предрассудка. А это возможно лишь в таком обществе, где товарная форма есть общая форма продукта труда, а следовательно, отношение людей друг к другу как товаровладельцев является господствующим общественным отношением. Гений Аристотеля обнаруживается именно в том, что в выражении стоимости товаров он открывает отношения равенства. Лишь исторические границы общества, в котором он жил, помешали ему раскрыть, в чем же именно состоит «в действительности» это отношение равенства¹⁾).

Сказанное Марксом полностью может быть отнесено и к философским взглядам Аристотеля.

Аристотель — идеолог землевладельческого слоя рабовладельческой аристократии. Политические идеалы Аристотеля теснейшим образом связаны с философскими корнями его «Метафизики». Политический деятель, по мнению Аристотеля, не должен проводить ни олигархических, ни демократических принципов, он должен стремиться к «золотой середине». В сущности, та же «примиренческая» позиция у Аристотеля сказывается по отношению к монархии, которой он отнюдь не отвергает в принципе, но которую считает в то же время возможной лишь в случае интеллектуального и морального превосходства монарха над всей совокупностью граждан.

Мы не можем подробнее остановиться на политическом мировоззрении Аристотеля. Это нас завело бы слишком далеко. Это совершенно особая задача, и предназначена для того, кто пожелал бы исследовать историческое подготавливание перехода Греции в Рим. Укажем только, что христианство закончило ту реакционную работу, которая была начата Платоном, Аристотелем, несмотря на его колебания, и их учениками. Христианство политически канонизировало, закрепило гибель демокритовской философии, так как справедливо видело в ней самого страшного из своих врагов.

Прав Меринг, когда говорит, что «платоново-аристотелевская философия составляла в средние века духовный скелет церкви и точно так, как средневековая церковь была эксплуатирующей, угнетающей общественной силой, так точно во всей новой истории эксплуатирующая общественная сила видела в Платоне и Аристотеле своих философских святых». Но следует помнить, что это превращение Аристотеля в философского святого эксплуатирующих классов было возможно ценой полного искажения подлинного исторического облика великого мыслителя античности.

Исторические границы рабовладельческого общества, в котором Аристотель жил, дают нам подлинный ключ к действительному объяснению внутренних противоречий его философской системы, всех его поисков, колебаний, наивной путаницы и разногласия. Классовые корни и интересы рабовладельческого общества помешали Аристотелю преодолеть идеализм, наивную разногласия своих предшественников, раскрыть, выразить, развить, пусть живые и гениальные, но все же мимолетные зачатки и запросы диалектики. Лишь исторические границы рабовладельческого общества помешали

¹⁾ К. Маркс «Капитал». Т. I, стр. 21—22. Изд. 1932 года.

Аристотелю преодолеть не только идеализм, но и формальную логику.

В этом отношении Гераклит остается непревзойденной вехой и в известном смысле вершиной античной философии. Гераклит выразил раздвоение единого и познания противоречивых частей его, т. е. «суть (одну из «сущностей», одну из основных, если не основную, особенностей или черт) диалектики»¹⁾. И Ленин подчеркивает: «Аристотель в своей «Метафизике» постоянно бьется около этого и борется с Гераклитом *respectively* с гераклитовскими идеями»²⁾. Вот почему Ленин называет Аристотеля не только идеалистом³⁾, но и «антидиалектиком»⁴⁾.

Мы проследили развитие главнейших понятий «Метафизики», чтобы помочь читателю ориентироваться в сложных лабиринтах ее запутанного изложения, отнюдь не ставя перед собой задачи даже отчасти затронуть все поднимаемые ею разнообразнейшие вопросы античной науки.

* * *

В заключение нельзя не отметить блестящего перевода — и огромного труда, вложенного в издание Аристотеля. Несмотря на ряд спорных моментов перевод А. В. Кубицкого сделан чрезвычайно тщательно. Между тем из древних авторов Аристотель едва ли не наиболее труден.

Происхождение дошедших до нас четырнадцати книг Аристотеля под названием «Метафизика» теснейшим образом связано с историей формирования философских взглядов Аристотеля. В литературе обычно вопросу о философской эволюции Аристотеля уделяется очень мало внимания, в то время как о ходе развития Платона существует огромная литература. Правда, следует иметь в виду, что в отношении Аристотеля раннего периода до нас дошли лишь жалкие фрагменты. Тем значительнее заслуга В. Йегера⁵⁾, показавшего путем чрезвычайно кропотливого анализа фрагментов и сочинений Аристотеля, как шло формирование взглядов последнего.

Знание всего хода, всех стадий развития взглядов Аристотеля необходимо потому, что под названием «Метафизики» до нас дошло собрание разрозненных статей, исследований и отрывков, относящихся к разным периодам деятельности Аристотеля и объединенных чисто внешним образом редакциями его литературного наследия. Это — небольшие исследования, предназначенные для школы, а не для широкого круга, причем эти исследования зачитывались Аристотелем перед учениками; они же служили конспектами лекций, общими наметками, указывающими, в каком порядке следует строить изложение. Отсюда лаконичный, фрагментарный, сухой язык, особенно поразительный после живого и образного языка Платона. К этим конспектам впоследствии присоединялись в некоторых случаях и записки слушателей, а также подлинные лекции учителя на ту же тему, но относящиеся к другому периоду его деятельности. Чтение и перевод поэтому затрудняют явная непоследовательность в расположении книг, а внутри книг — искусственная расстановка глав, вставки, нарушающие общую связанность, повторения (иногда цитируются места, которые в тексте встречаются позднее, иногда ставятся вопросы как еще подлежащие исследованию, в то время как они уже были исследованы раньше).

Все эти переходы, вставки и переплетающиеся нити изложения перевод-

¹⁾ Ленин «К вопросу о диалектике». «Философские тетради», стр. 325.

²⁾ Там же.

³⁾ Ленин, Конспект лекций Гегеля по истории философии. «Философские тетради», стр. 289.

⁴⁾ Там же, стр. 267.

⁵⁾ W. Jaeger. Aristoteles. Grundlegung einer Geschichte seiner Entwicklung. Brl. 1923. Его же Studien zu Entstehungsgeschichte d. Metaph. d. Arist. Brl. 1912. Его же. Статьи в «Rh. Mus» 67 (1912), S. 304. «Hermes». 52 (1917), S. 481—519.

чик тщательно прослеживает в своей статье «Что такое метафизика Аристотеля». Недостаток этой статьи состоит в том же, в чем и недостаток исследований В. Иегера, которому переводчик, повидимому, до конца следует. Дело в том, что В. Иегер философскую систему Аристотеля буквально топчет в стадиях, фазах его интеллектуальной биографии. Несмотря на глубокую внутреннюю противоречивость Аристотель представляет все же цельную фигуру, и если филология разрывает его на части, то надо «поправить» филологию. Основным условием правильного понимания является анализ классовых корней, обуславливающих в самой противоречивости системы философа цельность его исторического облика как идеолога землевладельческих слоев рабовладельцев.

Достоинство издания, далее, — в ценных примечаниях переводчика, хотя ими очень трудно пользоваться: в такой огромной книге их следовало расположить внизу страниц. Странно видеть, кроме того, в таком культурном издании неслыханное, ничем не оправданное новшество: указания страниц и строк беккеровского издания расположены не в тексте, а внизу страниц. Кроме того нет никаких указателей.

Не касаясь узко специальных подробностей перевода и примечаний, надо отметить, что за основу совершенно правильно взяты критический текст Росса, одного из лучших издателей Аристотеля. Примечания поднимают огромное количество существеннейших вопросов, в оценке которых тов. А. В. Кубицкий с успехом аргументирует против буржуазных ученых—Боница, Брандиса, Ролфеса, комментируя и обосновывая чтение рукописи.

В то же время перевод специфически аристотелевских терминов при переиздании должен быть вновь пересмотрен. Например *to ti en einaì* тов. Кубицкий всюду переводит через «суть бытия». Одно понятие переводится двумя, к тому же различными понятиями. Сохраняет же переводчик: «То, откуда начало движения» для *othen he arche tes kineseos*? Смысл указанного термина тот же, что и «сущности», но переводить следует в духе Аристотеля: «основание, почему вещь такова». На стр. 60 (прим. 38) спорным является перевод, предложенный Россом (1,255): «Философ должен быть в состоянии подвергать своему рассмотрению все проблемы». Бониц правильно переводит: «Философ должен быть в состоянии подвергать рассмотрению все, что присуще существу как таковому». Это вытекает из контекста и из основной мысли главы.

Вопреки Боницу и Россу («Метафизика» 1090 в 12) Аристотель имеет в виду не пифагорейцев, а атомистов. Вообще слабо отражены в примечаниях философские нити, связывающие Аристотеля с предшествовавшей философией, и совершенно не прослежены философские нити, ведущие от Аристотеля к новейшей философии.

Есть в переводе и примечаниях и другие спорные моменты, обсуждение которых должно быть предметом специального рассмотрения и которые никак не умаляют огромной ценности той большой, с любовью и знанием дела выполненной работы, которую проделал переводчик.

Натали В. Ф., Магржиковская К. В. и Хвостова В. В. **„Общая биология“. Учебник для высших педагогических учебных заведений. Под ред. проф. В. Ф. Натали. Госучпедгиз. М. 1934. 464 стр. 7000 экз.**

Наша учебная литература по общей биологии для вузов и техникумов все еще находится в исключительно плачевном состоянии. До сих пор мы не имеем буквально ни одного вполне доброкачественного пособия по общей биологии. Изданные за последние годы книги не только очень малочисленны, но—и это главное—все, в большей или меньшей мере, неудовлетворительны. Мы имеем только две ¹⁾ книги: бледный и содержащий длинный ряд ошибок «Учебник биологии» Рыжкова и Финкельштейна (Медгиз. 1933) ²⁾ и неудачную во всех отношениях «Общую биологию» Шелла (Медгиз. 1933. Ч. 1-я и 2-я). Последняя книга, по какому-то недоразумению носящая имя Шелла, представляет собой коллективный труд (нечто вроде сборника статей) большого числа советских биологов, и она получила в нашей печати целый ряд одинаково не лестных отзывов ³⁾.

Оба упомянутые руководства, так же как и аналогичные книги, изданные ранее, обладают многочисленными недостатками как в смысле свежести и доброкачественности фактического материала, так и в отношении его изложения и методологического освещения. Основной же порок всех этих руководств заключается в том, что все они очень мало оригинальны и построены, по существу, в старом духе. Если бы исключить из этих новых книг (Шелл, Рыжков и Финкельштейн) тот материал, который добыт наукой за последние годы, то характер их принципиально не изменился бы. Это объясняется тем, что до сих пор у нас все учебники и руководства по общей биологии даются в сущности по одному старому шаблону и только добавляется новый фактический материал. Введение его не отражается на принципиальном освещении общебиологических проблем. Нормально же должно быть наоборот. Ведь важнейшие достижения биологии последних лет освещают по-новому ряд уже разработанных проблем, заставляя излагать всю науку или хотя бы отдельные разделы ее иначе, чем это делалось до сих пор. Вот этого-то мы и не находим в наших учебниках

¹⁾ Мы не касаемся украинского учебника «Курс биології для вишив, складений за программою медичних інститутів» под ред. проф. Е. А. Финкельштейна, изданного на украинском языке в 1934 г. в двух томах (см. рецензию З. С. Кацнельсона в № 9 журнала «Книга и пролетарская революция» за 1935 г.).

²⁾ См. рецензию Ю. Миленушкина в № 2 журнала «Биология, медицина, физкультура» за 1934 год.

³⁾ См. 1) рецензию Г. Сазыкина и Ю. Миленушкина в № 3 журнала «Биология, медицина и физкультура» за 1934 год, 2) их же — в № 4 журнала «Книга и пролетарская революция» за 1934 год, 3) М. Злотова и других в № 2 журнала «ПЗМ» за 1934 год, 4) З. Кацнельсона в № 3 журнала «Природа» за 1934 год, 5) Г. Винберга — в № 3, т. XIII, «Центр. медицинск. ж-ла» за 1934 год, 6) Рецензию в № 12 журнала «Фронт науки и техники» за 1934 год.

общей биологии, где новые достижения науки как бы механически включены в старый текст, в старую схему, включены в привычное, избитое изложение.

Достаточно назвать эволюционное учение акад. Северцова, современные достижения в области учения о белке, в вопросе о лизатах и гормонах, интереснейшую новую науку—биогеохимию и другие. Разве указанные теории, направления и т. п. не вносят нечто принципиально новое в наши биологические представления вообще и не заставляют трактовать многие известные вещи по-новому? Конечно, да. А имеем ли мы в наших учебниках общей биологии, например, изложение учения о биосфере, поднятое на должную принципиальную высоту? Или излагается ли там химический состав организмов в свете биогеохимии, которая дает нам ключ к пониманию жизни как одного из этапов эволюции и кругооборота вещества на нашей планете? К сожалению, нет.

Наши учебники общей биологии (так же, как программы наших курсов биологии) строятся все по одному, «установленному раз и навсегда» шаблону. Поэтому, например, вместо химии жизни и химического состава организмов мы находим в наших учебниках однообразное изложение химии клетки; вместо изображения организмов как составной части единой природы мы имеем описание жизни вне связи с этой последней. Подобные примеры можно было бы умножить бесконечно. Все это показывает, что задача составления действительно свежего, нового учебника общей биологии остается все еще не решенной и, пожалуй, даже как следует не поставленной.

* * *

Из сказанного ясно, что при неудовлетворенности существующими учебниками всякое новое руководство по общей биологии должно встречаться с особым интересом и с известной настороженностью.

В текущем году появился новый учебник — «Общая биология» В. Ф. Натали, К. В. Магрижиковской и В. В. Хвостовой. Это прекрасно изданная книга, в твердом, изящном переплете, на хорошей бумаге и с вполне приличными рисунками, среди которых есть даже цветные на отдельных листах.

В предисловии редактор пишет, что «книга рассчитана прежде всего на программы биологических отделений естественных факультетов... но мы ставили перед собой задачу, чтобы наша книга могла удовлетворить и студентов других специальностей педагогических институтов» (стр. 3). Надо сказать, что учебник действительно приспособлен к программам соответствующих курсов пединститутов и методически составлен неплохо. Расположение материала в общем не вызывает особых возражений¹⁾.

Некоторые главы (преимущественно это главы, написанные проф. Натали) составлены во всех отношениях сравнительно удовлетворительно и не требуют особых замечаний. Хорошая внешность книги сильно способствует тому, что при первом знакомстве учебник производит благоприятное впечатление.

Как одно из достоинств учебника следует отметить, что рисунки хотя и заимствованы (как правило) из других книг, но перерисованы заново для настоящего руководства и поэтому находятся в полном соответствии с текстом. Выполнены рисунки, в общем, все удовлетворительно. Плохо только, что под рисунками редко указывается источник. В вузовском руководстве необходимо всегда указывать, откуда заимствован тот или иной рисунок, схема и т. п.

¹⁾ Правда, и здесь следовало бы сделать некоторые замечания. Так например едва ли правильно описывать эндокринные железы только как факторы постэмбрионального развития. Почему такое ограничение? Известно ведь, что в эмбриональной жизни гормоны играют огромную роль и в процессе онтогенеза, гуморальные, в частности гормональные влияния вообще предшествуют нервным (по-скольку можно разделять те и другие).

Однако, несмотря на все это дать вполне положительную оценку книге нельзя. Она обладает двумя крупнейшими недостатками: во-первых, это учебник целиком в старом духе в том смысле, как мы говорили выше, во-вторых, книга содержит исключительно большое количество ошибок, неправильных утверждений, извращений фактов и т. п. Многие вопросы, особенно в первых главах, освещены примитивно, упрощенчески или очень поверхностно, а временами даже неграмотно; часто встречается неправильное употребление терминов и понятий; при изложении многих важных вопросов допускается большая путаница. Надо сказать еще об одном весьма важном недостатке учебника. Составленный педагогически добросовестно, он скучен и однообразен, порой сухо формален. Чувствуется, что эта книга написана исключительно на основании материалов из вторых рук, материалов, заимствованных из источников, к которым авторы относятся только как добросовестные и умелые компиляторы, но не как критически мыслящие исследователи. В книге не чувствуется свежего дыхания научной мысли, она не вводит читателя в сферу живой науки, не будит его мысль, не увлекает его, не побуждает к исследовательской работе или хотя бы к дальнейшему изучению предмета. По такому учебнику можно только успешно готовиться к зачету, но не больше. По этой же причине книга по существу не интересна и для специалиста-биолога и для преподавателя.

Для подтверждения высказанного нами положения о недостаточно высоком научном уровне учебника укажем на ряд мест, взятых на протяжении всей книги.

«Введение», носящее скорее характер предисловия, написано мало удовлетворительным стилем и, с одной стороны, не содержит некоторых важных указаний, а, с другой стороны, ряд принципиальных положений дается там в упрощенном и даже неверном виде. Так, на стр. 12 оживление витализма в конце XIX в. объясняется недостатками механистического мировоззрения, которое «неизбежно приводит к узкому эмпиризму... или к агностицизму... или ведет к идеалистическим и виталистическим извращениям в науке». Отсюда делается вывод: «Вот почему витализм снова распространяется среди биологов в конце XIX века». Ошибочность такого «объяснения» слишком очевидна, так же как очевидно, что нельзя разделять «виталистические и идеалистические извращения» (витализм это есть не что иное, как форма проявления идеализма в биологии).

Слабо и бледно изложено диалектико-материалистическое понимание жизни (стр. 13 и др.). Здесь автор не выходит из рамок стандартных пересказов цитат из произведений Энгельса.

Говоря об обмене веществ как основном в характеристике жизни, автор не дает его правильного определения (не указано, что речь идет об органическом обмене, смазан вопрос о значении белка). Без всякого пояснения автор заявляет, что «жизнь возможна лишь в целом организме» (стр. 16), обходя здесь вопрос о переживании органов, культурах ткани и т. п. Очень неудачно то, что пишут авторы о клетке (стр. 14, 24, 37 и др.). Хотя в соответствующем месте учебника (стр. 24) и дается критика «клеточного учения» и справедливо отвергается представление о клетке как о жизненной единице, но на стр. 14 находим заявление, что «организмы состоят из клеток» и «в клетке протекают основные жизненные процессы» (совсем по Вирхову!). А на той же, 24 стр., где критикуется «клеточное учение», автор совершенно неожиданно резюмирует: «Итак (!) клетки— это биологические единицы, из которых состоят все организмы...» (подчеркнуто всюду нами.—Рец.); на стр. 37 читаем вдруг, что «термин клетка удержался в науке, хотя и потерял свое значение». Глава I прямо начинается с вульгарнейшего заявления: «Тело животных и растений состоит из клеток, представляющих собой комочки (!) слизистого, прозрачного вещества, называемого протоплазмой» (стр. 17). Это определение (Брюкке) устарело этак лет на сто!. Путаясь и противореча сами себе, авторы, очевидно, не знают, как и что следует писать по поводу клетки. Ясно, что противоречия,

подобные приведенным, могут только сбить с толку учащихся. А ведь речь идет об одном из важнейших вопросов биологии!

Не менее и даже еще более неудачно изложение подавляющего большинства физико-химических вопросов, столь необходимых в курсе общей биологии. Здесь мы часто встречаемся просто с неграмотностью, не говоря уже об отчаянной путанице и смешении понятий. Приведем примеры из гл. II. На стр. 45 читаем: «Так как протоплазма клеток организма (какие же еще бывают клетки!—**Рец.**) состоит из белков, липоидов и небольшого количества углеводов и так как белки, липоиды и полисахариды представляют собою с физической точки зрения вещества, находящиеся в состоянии коллоидном, то и плазма в целом представляет собой коллоид». Уделяя много внимания критике механицизма, автор (Магжиковская) в данном случае как почти всюду сама поступает как вульгарный механист. На самом деле из того, что химические составные части любой физико-химической системы (в том числе и протоплазмы), рассматриваемые отдельно, являются коллоидами, отнюдь еще не следует, что эта система должна быть коллоидом и наоборот. Равным образом нельзя полагать, что коллоидное состояние составных частей протоплазмы в изолированном состоянии тождественно коллоидному состоянию их как компонентов протоплазмы.

Неудачно объяснение, что такое коллоиды, даваемое автором (Магжиковская) на стр. 46 (здесь и внутренние неувязки и противоречия с предыдущим изложением), а так же объяснение явления светорассеяния и принципа устройства ультрамикроскопа (стр. 47). Здесь автор явно путает явление отражения света с явлением светорассеяния. Не удивительно, что в результате этого автор и впал в ошибку в истолковании принципа устройства ультрамикроскопа и допустил явную нелепость, говоря об «отражении» частицей падающего на нее света «во все стороны» (стр. 46). Здесь же находим смешение понятий «дисперсионная среда» и «растворитель». На той же странице (47) путано и малограмотно рассказывается о величине коллоидной частицы, о ее поверхности и значении этой последней. Достаточно, например, указать следующее: авторы утверждают, что у коллоидных частиц способность к адсорбции «гораздо больше чем у других жидкостей». Как можно сравнивать коллоидные частицы и «другие жидкости»! Трудно критиковать по существу и подробно главы, где основные понятия физико-химической биологии и коллоидной химии изложены так неряшливо и неверно.

Для того чтобы указать на все ошибки и т. п., имеющиеся в книге, пришлось бы написать целую брошюру. Поэтому мы ограничимся еще несколькими примерами. На стр. 54, рассказывая об осмотических свойствах клетки, автор пишет: «Наличие солей (в клетке.—**Рец.**) создает определенную зависимость клетки от внешней для нее среды, представляющей собой обычно тоже (?—**Рец.**) жидкость определенной концентрации (?!—**Рец.**). Такой (?—**Рец.**) внешней средой по отношению к клетке, помимо соседних клеток (?!—**Рец.**), у животных является кровь, у водных же животных, кроме крови, и водная среда. Для растительных организмов внешней средой является почва с растворенными в ней веществами, клетки луба и древесины и т. д.». Здесь решительно все перепутано: понятие среды клетки, одноклеточного организма и многоклеточного; механические, физические, химические и биологические факторы среды; внешняя и внутренняя среда не различаются; вода (!), согласно «данным» автора, может быть определенной концентрации (!?). Поразительно, что и дальше автор повторяет эту бессмыслицу о воде. Читаем: «Если две смешивающиеся жидкости различной концентрации, например, вода (!—**Рец.**) и раствор медного купороса...»

На стр. 58 автор путает клеточную оболочку с полупроницаемыми мембранами в клетке, а ту и другую—с поверхностями раздела фаз; вместо того чтобы говорить о полупроницаемости оболочки клетки или клеточных мембран, автор рассуждает о полупроницаемости различных веществ, что уже исключительно абсурдно. Дальнейшие рассуждения автора о проницаемости, теориях проницае-

мости и т. п. таковы, что понять, о чем здесь идет речь, сумеет только биологически образованный читатель, но никак не студент, на которого, к несчастью, как раз и рассчитана книга.

Приходится резюмировать, что в главе «Химические и физические свойства клетки» (стр. 36—61) почти нет вопросов, которые были бы освещены достаточно толково и грамотно. Совершенно непонятно, как редактор книги проф. Натали мог пропустить такую главу в ответственный учебник.

Весьма странно, что в учебнике совсем отсутствует отдел, посвященный экологии животных и растений. Этот пропуск ничем не может быть оправдан. Точно так же надо сделать авторам упрек в том, что в главе о раздражимости совершенно обойден молчанием вопрос о психике человека и т. п. Таким образом, эволюция явлений раздражимости показана далеко не полно. Невольно получается впечатление, что в ряде мест авторы просто избегали касаться наиболее трудных в методологическом отношении вопросов и предпочитали оставлять их в стороне (о причинах старения, о психике, о причинах таксисов и др.). Нельзя не отметить особо, что в учебнике отсутствует критика меньшевистствующего идеализма в биологии. В главе о генетике, например, это совершенно необходимо было сделать. Авторы словно боятся вводить читателя в круг той борьбы идей и направлений, которая так характерна для теоретической биологии. Чувствуется также, что собранный в учебнике фактический материал не объединен одной общей идеей. С внешней стороны книга носит достаточно цельный характер (в противоположность, например, учебнику Шелла), но внутренней цельности и единства в ней нет.

Для большей части учебника характерна теоретическая беспомощность. Ряд важнейших в принципиальном отношении биологических проблем или по существу обходится или же авторы, теряя эмпирическую почву, пускаются в абстрактное методологизирование. Так, обсуждая вопрос о «причинах деления клеток», автор безапелляционно заявляет: «Каковы бы ни были факторы, вызывающие деление клетки, нельзя считать, что все зависит от этих факторов» (стр. 69). Но если это «все» не зависит ни от каких факторов, то спрашивается: от чего же оно зависит? Автор и не пытается как-либо доказать правильность своего столь общего и категорического утверждения. Он пишет далее: «Размножение клеток является одним из условий самого существования клетки и объясняется взаимодействием структуры самой клетки с внешней средой, где роль внешней среды, в которой осуществляется деление, играют глютатион и митогенетические лучи» (стр. 71). Закончив этот набор слов, автор заявляет, что «для правильного понимания процесса деления клеток необходим исторический подход» (там же). Но в чем же состоит этот «исторический подход»? Оказывается, все дело сводится к тому, что «при возникновении клеток на заре органической жизни клетки должны были (!— **Рец.**) обладать способностью делиться...» (там же). И это все! Таким образом «исторический подход» автора свелся к утверждению бессмысленного принципа долженствования с телеологическим душком.

На стр. 27—28, трактуя о форме клетки и считая без всяких к тому оснований, что «естественной формой одиночной, свободно живущей клетки является шарообразная», автор вкратце указывает на отдельные условия, изменяющие эту форму, и затем заявляет: «Но важным условием (почему только условием? — **Рец.**) в возникновении формы клетки является ее функция». Невольно ожидаешь от автора анализа этого «важного условия». Однако и в этом случае все дело сводится к пустой фразе: «Форма и функция взаимно обуславливают друг друга. Отсюда нам понятна ветвистая форма нервной и пигментной клеток, удлиненная форма мускульной клетки» и т. д. Насколько это в действительности «понятно» учащемуся в начале курса общей биологии и не приступившему еще к изучению физиологии, автора, видимо, мало интересует, точно так же как автор, видимо, мало

заботится о том, насколько «понятны» будут его рассуждения по поводу взаимодействия клеток и организма на стр. 24.

На стр. 269—270, касаясь проблемы смерти, автор, по существу, обходит этот вопрос. Прочитав Энгельса и перечислив ряд фактов, якобы свидетельствующих о наличии потенциального бессмертия среди простейших, автор уклонился от критики теории потенциального бессмертия, ограничившись беспринципной ссылкой на «сложность поставленной проблемы и необходимость ее дальнейшего экспериментального анализа». Точно так же на стр. 271—272 автор совсем обошел принципиальную постановку вопроса о старости, ограничившись простым пересказом существующих теорий. Не лучше обстоит дело и с последней главой, посвященной вопросу о происхождении жизни.

Недоумение вызывает глава XII—«Организм как целое» (стр. 275—295). Упрекнув механистов и виталистов, процитировав Энгельса, автор свел весь вопрос об организме как целом к рассмотрению явлений регенерации, трансплантации и культивированию тканей и органов вне организма. Занимаясь по преимуществу рассмотрением явлений нарушения целостности организма и притом сильно ограничив круг этих явлений, автор даже не доходит до правильной, принципиальной постановки проблемы «организм как целое».

* * *

Справедливость требует отметить, что хотя отсутствие правильной принципиальной оценки того или иного вопроса—явление очень частое в разбираемом учебнике, все-таки ряд проблем освещается там, в общем, в соответствии с современным состоянием науки. Это не исключает того, что ошибки и недоразумения всякого рода встречаются на протяжении всей книги в огромном количестве. Укажем дополнительно еще несколько примеров.

Ошибочно, что «хлорофил представляет сложное белковое соединение» (стр. 99), что зимаза «выделяется» дрожжами (стр. 113). Совершенно не верно, что всякий «эндокринный орган состоит из эпителиальной железистой ткани» (стр. 255). Это «открытие» принадлежит всецело автору цитированного заявления (В. Хвостовой). Таким же новым «открытием» является сообщение В. Хвостовой о том, что «синтез белков идет, по видимому, во всех клетках, но особенно много синтезируется их в печени, там обычно в первую очередь наблюдается отложение белков» (стр. 115).

На стр. 230 и следующих смешивается морфологическое понятие «тип дробления» (яиц) с физиологическими понятиями «мозаичности» и «регуляции». Неверно, что «при кормлении крыс пищей, не содержащей витамина Е, наблюдается угасание овогенеза и сперматогенеза» (стр. 253); так же неверно, что применение пролана вызывает у овец течку и позволяет получить приплод (стр. 274). Этого как раз еще не удавалось наблюдать никому. На стр. 921, по ходу изложения, нужно было рассказать об ауксине (вещество роста растений), но почему-то об этом—ни слова.

* * *

Нет никакой возможности (и смысла) не только рассмотреть, но даже просто перечислить все недостатки книги. В общем, следует признать, что главы 1, 2, 3, 4, 7, 8, 19-я (автор Магржижковская), посвященные вопросам морфологии, химии и физической химии и размножению клеток, характеристике одноклеточных и многоклеточных организмов, учению о размножении и проблеме происхождения жизни на земле, составлены неудовлетворительно. Большая часть приведенных нами примеров относится к этим главам. Эти главы чрезвычайно отягощают книгу. Главы о механике развития и эволюционном учении написаны, в основном, удовлетворительно, однако изложение и здесь страдает излишним абстрактным методологизированием (автор Натали). Остальные главы написаны более поверхностно. Чувствуется, что в теоретическом отношении автор (Хвостова) слаб.

В итоге мы вынуждены признать, что даже несмотря на отсутствие хорошего учебника общей биологии рецензируемая книга едва ли может быть рекомендована в качестве подходящего учебника. Она может быть использована только в качестве вспомогательного учебного пособия.

Учитывая нашу бедность учебниками по общей биологии и принимая во внимание, что рецензируемая книга несмотря на все ее недостатки все же лучше остальных, ее можно было бы переиздать. Однако для этого потребуются основательная переработка учебника, тщательное исправление всех ошибок и внесение необходимых дополнений.

В заключение остается повторить сказанное нами¹⁾ в свое время по поводу «Общей биологии» Шелла: советского, т. е. высококачественного учебника общей биологии все еще нет.

**Ю. МИЛЕНУШКИН
и Е. САЗЫКИН.**

¹⁾ См. рецензию в № 4 журнала «Книга и пролетарская революция» за 1934 год.

Б. М. Соколов „Вопросы морфологии в трудах Маркса, Энгельса и Ленина“. Изд. Пермского медицинского института. Пермь. 1932—1933. Подписано в печать 15 апреля 1934 г. 8 руб. 300 экз.

Неразрывной частью марксизма как целостного революционного мировоззрения является диалектико-материалистическое понимание природы. Для разработки же его основоположникам марксизма потребовалась грандиозная работа как по овладению колоссальным фактическим естественнонаучным материалом, так и по критическому преодолению ограниченности современного им эмпирического естествознания. Значительная часть этой работы выпала на долю Энгельса, который специально поставил перед собой задачу — поднять современное ему теоретическое естествознание на более высокую ступень, на ступень «сознательно-диалектического естествознания».

Наряду с дальнейшей разработкой энгельсовских идей о диалектике природы мы обязаны максимально популяризировать богатейшее литературное наследие Энгельса. Широчайшие слои населения нашей страны, все больше и больше поднимающие свой культурный уровень, предъявляют исключительный спрос на литературу, посвященную популяризации и разработке энгельсовских воззрений на природу.

По линии популяризации учения Энгельса, в частности его «Диалектики природы», нами сделано пока еще мало. Популярный систематический очерк Г. Горнштейн «Диалектика природы Энгельса», изданный в Ленинграде в 1931 г., имеет целый ряд существенных недостатков и ошибок, вскрытых в рецензии тов. Сахалтуева (см. «ПЗМ» № 7—8 за 1932 г.). Воззрения Энгельса на биологию получили сравнительно полное отражение в хрестоматии «Маркс, Энгельс, Ленин о биологии», изданной в 1933 г. Несмотря на большой тираж (30 000 экз.) эта хрестоматия была немедленно распродана. Необходимо выпустить ее вторым исправленным изданием, с учетом тех совершенно правильных критических замечаний, которые были сделаны Сазыкиным, Климовицким и Канашенковым в рецензии, напечатанной в «ПЗМ» № 1 за 1934 г.

Яркой иллюстрацией неблагополучия с популяризацией работ Энгельса может служить рецензируемая книга. В связи с выходом в свет данной книги встает целый ряд существенных вопросов. Как осуществляются руководство и контроль издательской деятельностью отдельных учреждений периферии? Кто еще кроме Пермского медицинского института и райлита отвечает за издание книги, посвященной столь ответственному вопросу, как популяризация взглядов Маркса, Энгельса и Ленина? Все эти вопросы должны привлечь внимание наших центральных организаций (Наркомздрав, Госиздат и др.).

Кроме этих общих вопросов рецензируемая книга вызывает еще следующие частные вопросы. Первый вопрос: какой год считать годом выхода рецензируемой книги? На первой странице обложки указана дата: «1932—1933 г.», на последней же:

«Сдано в производство 6 апреля 1934 г.». Второй вопрос: почему автор назвал свой «труд» «Вопросами морфологии», в то время как он посвящен общим проблемам биологии, психологии и даже философии? Не может служить оправданием утверждение автора, что морфология есть часть биологии, а последняя—часть естествознания и поэтому высказывания Маркса, Энгельса и Ленина об естествознании и биологии относятся и к морфологии.

В своем предисловии автор так мотивирует причины, побудившие его издать свой «труд»: «Лишь имеющееся желание быть хотя бы в некоторой степени полезным молодым ученым, врачам, студентам и почти полное отсутствие на книжном рынке аналогичной литературы послужили одним из движущих оснований к изданию настоящей работы» (стр. 8). Из этого же предисловия явствует, что автор поставил перед собой задачу—дальше развить и «расшифровать» «Диалектику природы» Энгельса. При этом он сам указывает, что будет пользоваться «методом преимущественно цитат» (стр. 10). И действительно, весь «труд» представляет собой недостаточно продуманный, бессистемный набор цитат, преимущественно из Энгельса, причем одна и та же цитата повторяется автором по многу раз.

Для иллюстрации укажем на цитату из письма Энгельса от 14 июля 1858 г., которую автор приводит на страницах 21, 33, 46, 66 и 203. Если бы автор не повторял одни и те же цитаты столько раз, то размер его «труда» уменьшился бы по крайней мере втрое. Повидимому, это было не в интересах автора, а о читателе он не заботится.

Рецензируемая книга распадается на целый ряд самостоятельных «статеек». Рамки рецензии не дают нам возможности хотя бы перечислить их, так как их число больше пятидесяти. Диапазон проблем, затронутых автором, исключительно грандиозен. Тут и проблемы дарвинизма, антропологии, высшей нервной деятельности, клеточной теории, расы и т. д. Автор приводит биографии естествоиспытателей-морфологов, упоминаемых в трудах Маркса, Энгельса и Ленина, причем в число таковых попадает почему-то и академик И. П. Павлов.

Труд проф. Соколова—не хрестоматия. Автор сопровождает цитаты Энгельса своими комментариями, долженствующими облегчить понимание Энгельса. При этом в своих комментариях он боится высказать хоть какую-нибудь мысль, идущую дальше той, которая содержится в пригодимой цитате. И это автор называет «разработкой» Энгельса!

Однако и при комментировании высказываний Энгельса по вопросам философии и биологии надо понимать то, что комментируешь. Проф. же Соколов подчас обнаруживает явное непонимание Энгельса. Прочитывая известный отрывок Энгельса «Случайность и необходимость», автор сопровождает его следующим комментарием: «Вот какую роль сыграло учение Дарвина в определении взаимоотношения между случайностями. Наблюдение случайных изменений внутри отдельных видов повело Дарвина к отрицанию закономерности в природе, неизменности постоянства. Случайность и необходимость исключали друг друга» (стр. 162). Таким образом, по автору, выходит, что Дарвин отрицает закономерность в живой природе и разрывает случайность и необходимость. Даже поражает, как автор мог прийти к заключению, диаметрально противоположному тому, что утверждалось в многочисленных цитатах Энгельса, неоднократно им приводимых.

Ярким образцом характера разработки проф. Соколовым Энгельса может служить его «статейка» «О сущности и методе анатомии». Он сам указывает, что «конкретного определения понятия анатомии у Энгельса, Маркса и Ленина нет» (стр. 23).

Несмотря на это он старается все-таки найти у Энгельса определение сущности анатомии. В результате этих поисков он нашел у Энгельса высказывание об «анатомии природы» и, недолго думая, переносит идеи Энгельса по этому вопросу на анатомию как специфическую биологическую дисциплину. Такого рода ухищрения ни к чему, кроме как к дискредитации диалектического метода, приве-

сти не могут. Лавры вульгарного упрощенчества, разоблаченные тов. Стецким еще в 1932 г., не дают автору покоя.

То, что рецензируемая книга написана специалистом-анатомом, явствует только из обложки. Читатель будет тщетно искать конкретный, фактический материал по истории анатомии в «статейке», специально посвященной историческому развитию этой дисциплины. Слепо придерживаясь буквы Энгельса, автор не расшифровывает, хотя бы хронологически, отдельные исторические эпохи. Так, он в общем виде указывает на классический период, т. е. тот, «который считается глубоко древним (до александрийцев, Архимеда и т. д.)» (стр. 16).

Для завершения характеристики рецензируемой книги отметим еще «прелести» стиля автора. Правильно построенные предложения являются большой редкостью. Чтобы не быть голословными, приведем отдельные места: «Это та цитата, которую каждый естествоиспытатель «должен знать наизусть», я бы сказал, особенно морфологи, которые, как показала история, особенно усвоили себе метафизический образ мышления и которые по характеру их предмета, где приходится именно главным образом изучать «частности», наиболее легко могут скатиться на метафизический путь» (стр. 26). Выражения «отдельные науки естествознания», «на практике были убеждены в непреложности» (стр. 48) и т. п. встречаются почти в каждой статейке. Кроме того книга выпущена исключительно небрежно, с массой опечаток. Перечень замеченных опечаток на двух страницах является только частью фактически имеющихся.

Общий вывод напрашивается сам собой. Такого рода «труд» не только не облегчит молодым ученым и врачам проработку Маркса, Энгельса и Ленина, но создаст у них путаницу. Необходимо разработать профилактические мероприятия, предохраняющие молодые научные кадры от такой популяризации работ Энгельса.

М. ЗЛОТОВ

Систематический указатель статей, помещенных в журнале „Под знаменем марксизма“ за 1935 год

Марксизм - ленинизм

- Адоратский В. «Сообщение Института Маркса — Энгельса — Ленина об издании работ Энгельса» (№ 5 за 1935 г., стр. 20).
- Азарин М. «Энгельс об уничтожении противоположности между городом и деревней» (№ 5 за 1935 г., стр. 115).
- Богданов Б. «Критика Лениным метафизики и эклектики оппортунизма во время профсоюзной дискуссии» (№ 3 за 1935 г., стр. 12).
- Душак А. «Энгельс и вопросы войны» (№ 5 за 1935 г., стр. 133).
- Каммари М. «О роли личности в истории» (№ 1 за 1935 г., стр. 31).
- Константинов Ф. «Царская цензура о произведениях Ф. Энгельса» (№ 5 за 1935 г., стр. 153).
- Леонтьев А. «Проблема равенства в «Капитале» Маркса» (№ 6 за 1935 г., стр. 25).
- Максимов А. «О переводе «Диалектики природы» Энгельса» (№ 5 за 1935 г., стр. 78).
- Мегрелидзе К. «Н. Я. Марр и философия марксизма» (№ 3 за 1935 г., стр. 35).
- Мвтин М. «Энгельс и диалектический материализм» (№ 5 за 1935 г., стр. 41).
- Омельяновский М. «О докторской диссертации Маркса» (№ 1 за 1935 г., стр. 109).
- Пашуканис Е. «Энгельс как теоретик марксизма и борец за революционный марксизм» (№ 5 за 1935 г., стр. 29).
- Передовая «Новый, высший этап социалистического соревнования» (№ 6 за 1935 г., стр. 1).
- Передовая «За большевистскую бдительность» (№ 2 за 1935 г., стр. 1).
- Передовая «Новая эпоха в развитии советской демократии» (№ 1 за 1935 г., стр. 9).
- Передовая «Конгресс боевого единства рабочего класса против фашизма и войны» (№ 5 за 1935 г., стр. 1).
- Приветствие товарищу СТАЛИНУ (№ 5 за 1935 г., стр. 13).
- Приветствие VII конгрессу Коммунистического интернационала (№ 5 за 1935 г., стр. 15).
- Реуэль А. «Программные документы коммунизма» (Рец. на XV том соч. Маркса и Энгельса) (№ 2 за 1935 г., стр. 217).
- Розенблом О. «К вопросу о логике «Капитала» Маркса» (№ 2 за 1935 г., стр. 80).
- Розенталь М. «О некоторых чертах ленинского понимания закона единства противоположностей» (№ 4 за 1935 г., стр. 142).
- Стецкий А. «К 40-летию со дня смерти Фридриха Энгельса» (Вступительное слово) (№ 5 за 1935 г., стр. 17).
- Юдин П. «Великое творение («Анти-Дюринг»)» (№ 5 за 1935 г., стр. 60).
- Юдин П. «Диктатура и демократия» (№ 4 за 1935 г., стр. 14).

Социалистическое строительство, теория советского хозяйства

- Валериан Владимирович Куйбышев (№ 1 за 1935 г., стр. 3).
- Дворкин И. «Изменение в Советской конституции и II интернационал» (№ 2 за 1935 г., стр. 15).
- Олешинский П. «Диктатура пролетариата меняет лицо рабочего класса» (№ 1 за 1935 г., стр. 20).
- Олешинский П. «Диктатура пролетариата и положение рабочей семьи» (№ 4 за 1935 г., стр. 37).
- Олешинский П. «Положение рабочего класса и рост производительных сил» (№ 5 за 1935 г., стр. 96).
- Передовая «Социализм и кадры» (№ 3 за 1935 г., стр. 1).
- Берестнев В., Советская страна к своему совершеннолетию (№ 6 за 1935 г., стр. 10).

Культура и антирелигиозная пропаганда

- Деборин А. «Пролетарская революция и проблема творчества» (№ 4 за 1935 г., стр. 72).
- Лунпол И. «Проблема культурного наследия» (№ 4 за 1935 г., стр. 51).
- Муравьев Е. и Шохор В. «К вопросу о марксистском понимании религии» (№ 6 за 1935 г., стр. 103).
- Передовая «Пролетарский гуманизм» (№ 4 за 1935 г., стр. 1).

Критика буржуазных, фашистских, социал-демократических теорий и их практики

- Атлас З. «Теория и практика финансового капитала США» (№ 1 за 1935 г., стр. 164).
- Берестнев В. «Логика фракционной борьбы (от оппозиции к контрреволюции)» (№ 3 за 1935 г., стр. 120).
- Вайнштейн И. «Философия Ницше и фашизм» (№ 6 за 1935 г., стр. 80).
- Вирская И. «Борьба за капиталистическую собственность в буржуазной революции» (№ 4 за 1935 г., стр. 111).
- Келлер В. «Апологеты и «критики» итальянского империализма» (№ 6 за 1935 г., стр. 59).
- Светлов В. «Проблема классов у Адама Смита и Рикардо» (№ 2 за 1935 г., стр. 57).
- Фризен Г. «Генетика и фашизм» (№ 3 за 1935 г., стр. 86).

История философии

- Баммель Гр. «Метафизика Аристотеля» (№ 6 за 1935 г., стр. 154).
- Быховский Б. «О месте Лейбница в истории диалектики» (№ 6 за 1935 г., стр. 90).
- Каммари М. «Философия права» Гегеля (№ 2 за 1935 г., стр. 26).
- Лунпол И. «К вопросу о политических взглядах Ж.-Б. Робинэ» (№ 2 за 1935 г., стр. 102).
- Митин М. «История философии» Гегеля (№ 1 за 1935 г., стр. 51).
- Ситковский Е. «Э. Б. де Кондильяк и его «Трактат об ощущениях» (№ 2 за 1935 г., стр. 121).

Естествознание

- Вавилов С., акад. «Физика» (№ 1 за 1935 г., стр. 124).
- О статье «Физика» С. И. Вавилова, (Из писем в редакцию) (№ 4 за 1935 г., стр. 191).
- Гальперин Ф. и Марков М. «Новые высказывания о принципе причинности» (№ 4 за 1935 г., стр. 180).

- Лауэ М. «О соотношениях неточностей Гейзенберга и их теоретико-познавательном значении» (№ 4 за 1935 г., стр. 187).
- Лепешинская О. «Фило- и онтогенез клетки» (№ 2 за 1935 г., стр. 177).
- Люстерник Л. и Сегал Б. «Итоги II всесоюзного математического съезда» (№ 1 за 1935 г., стр. 149).
- Максимов А. «Философия природы» Гегеля» (№ 1 за 1935 г., стр. 72).
- Максимов А. «О книге Выгодского «Галилей и инквизиция» (№ 1 за 1935 г., стр. 189).
- Максимов А. «Философия природы» Гегеля» (№ 2 за 1935 г., стр. 139).
- Максимов А. «К. А. Тимирязев» (К пятидесятилетию со дня смерти) (№ 3 за 1935 г., стр. 53).
- Молодший В. «О происхождении и значении аксиом геометрии» (№ 3 за 1935 г., стр. 101).
- Муравьев Г. «Иван Владимирович Мичурин» (№ 3 за 1935 г., стр. 150).
- Некролог памяти А. Г. Пресса (№ 1 за 1935 г., стр. 137).
- Покровский Г. и Некрасов А. «О втором начале термодинамики» (№ 3 за 1935 г., стр. 96).
- Переписка К. А. Тимирязева и А. М. Горького (№ 3 за 1935 г., стр. 74).
- Приветственное письмо К. А. Тимирязева Московскому совету (№ 3 за 1935 г., стр. 60).
- Список трудов Пресса А. (№ 1 за 1935 г., стр. 143).
- Тимирязев А. «Физик-материалист» (№ 1 за 1935 г., стр. 139).
- Тимирязев А. «Страницы из биографии К. А. Тимирязева» (№ 3 за 1935 г., стр. 61).
- Шредингер Е. «О неприменимости геометрии в микромире» (№ 4 за 1935 г., стр. 183).
- Яновская С. «О так называемых «определениях через абстракцию» (№ 4 за 1935 г., стр. 154).

С теоретического фронта

- Вендровский В. «Работа Института экспериментальной биологии» (№ 3 за 1935 г., стр. 155).
- Днепроvский Н. «О Пулковской обсерватории и ее отделении в г. Николаеве» (№ 5 за 1935 г., стр. 187).
- Игнатов Д. «О работе Московского марксистско-ленинского университета научных работников» (№ 5 за 1935 г., стр. 199).
- О парижской «Académie matérialiste» (№ 1 за 1935 г., стр. 158).
- Проппер Н. «Работа Отдела физиологии органов чувств ВИЭМ» (№ 6 за 1935 г., стр. 144).
- Саркисов С. «Работы Института мозга при Ученом комитете ЦИК СССР» (№ 2 за 1935 г., стр. 192).
- Слепян Л. «Основные положения физики в свете учения Ленина» (№ 6 за 1935 г., стр. 121).

О международных научных конгрессах

- Коштоянц Х. «О XV международном физиологическом конгрессе» (№ 5, стр. 166).

Алфавитный указатель

авторов статей журнала «Под знаменем марксизма» за 1935 год

- Адоратский В. «Сообщение Института Маркса—Энгельса—Ленина об издании работ Энгельса» (№ 5 за 1935 г., стр. 20).
- Азарин М. «Энгельс об уничтожении противоположности между городом и деревней» (№ 5 за 1935 г., стр. 115).
- Атлас З. «Теория и практика финансового капитала США» (№ 1 за 1935 г., стр. 164).

- Баммель Г. «Метафизика Аристотеля» (№ 6 за 1935 г., стр. 154).
- Берестнев В. «Логика фракционной борьбы (от оппозиции к контрреволюции)» (№ 3 за 1935 г., стр. 120).
- Берестнев В. «Советская страна к своему совершеннолетию» (№ 6 за 1935 г., стр. 10).
- Богданов Б. «Критика Лениным метафизики и эклектики оппортунизма во время профсоюзной дискуссии» (№ 3 за 1935 г., стр. 12).
- Быховский Б. «О месте Лейбница в истории диалектики» (№ 6 за 1935 г., стр. 90).
- Вавилов С., акад. «Физика» (№ 1 за 1935 г., стр. 124).
- Вайнштейн И. «Философия Ницше и фашизм» (№ 6 за 1935 г., стр. 80).
- Вендровский В. «Работа Института экспериментальной биологии» (№ 3 за 1935 г., стр. 155).
- Вирская И. «Борьба за капиталистическую собственность в буржуазной революции» (№ 4 за 1935 г., стр. 111).
- Волков Н. «К. Э. Циолковский» (№ 6, стр. 140).
- Гальперин Ф. и Марков М. «Новые высказывания о принципе причинности» (№ 4 за 1935 г., стр. 180).
- Дворкин И. «Изменение в Советской конституции и II интернационал» (№ 2 за 1935 г., стр. 15).
- Деборин А. «Пролетарская революция и проблема творчества» (№ 4 за 1935 г., стр. 72).
- Днепровский Н. «О Пулковской обсерватории и ее отделении в г. Николаеве» (№ 5 за 1935 г., стр. 187).
- Душак А. «Энгельс и вопросы войны» (№ 5 за 1935 г., стр. 133).
- Игнатов Д. «О работе Московского марксистско-ленинского университета научных работников» (№ 5 за 1935 г., стр. 199).
- Каммари М. «О роли личности в истории» (№ 1 за 1935 г., стр. 31).
- Каммари М. «Философия права» Гегеля» (№ 2 за 1935 г., стр. 26).
- Келлер В. «Апологеты и «критики» итальянского империализма» (№ 6 за 1935 г., стр. 59).
- Константинов Ф. «Царская цензура о произведениях Ф. Энгельса» (№ 5 за 1935 г., стр. 153).
- Коштыяц Х. «О XV международном физиологическом конгрессе» (№ 5 за 1935 г., стр. 166).
- Валериан Владимирович Куйбышев** Некролог. (№ 1 за 1935 г., стр. 3).
- Лауэ М. «О соотношениях неточности Гейзенберга и их теоретико-познавательном значении» (№ 4 за 1935 г., стр. 187).
- Леонтьев А. «Проблема равенства в «Капитале» Маркса» (№ 6 за 1935 г., стр. 25).
- Лепешинская О. «Фило- и онтогенез клетки» (№ 2 за 1935 г., стр. 177).
- Луппол И. «К вопросу о политических взглядах Ж.-Б. Робинэ» (№ 2 за 1935 г., стр. 102).
- Луппол И. «Проблема культурного наследия» (№ 4 за 1935 г., стр. 51).
- Люстерник Л. и Сегал Б. «Итоги II всесоюзного математического съезда» (№ 1 за 1935 г., стр. 149).
- Максимов А. «Философия природы» Гегеля» (№ 1 за 1935 г., стр. 72).
- Максимов А. «Философия природы» Гегеля» (№ 2 за 1935 г., стр. 139).
- Максимов А. «К. А. Тимирязев» (К пятидесятилетию со дня смерти) (№ 3 за 1935 г., стр. 53).
- Максимов А. «О переводе «Диалектики природы» Энгельса» (№ 5 за 1935 г., стр. 78).
- Мегрелидзе К. «Н. Я. Марр и философия марксизма» (№ 3 за 1935 г., стр. 35).
- Митин М. «История философии» Гегеля» (№ 1 за 1935 г., стр. 51).
- Митин М. «Энгельс и диалектический материализм» (№ 5 за 1935 г., стр. 41).

- Молодший В. «О происхождении и значении аксиом геометрии» (№ 3 за 1935 г., стр. 101).
- Муравьев Г. «Иван Владимирович Мичурин» (№ 3 за 1935 г., стр. 150).
- Муравьев Е. и Шохор В. «К вопросу о марксистском понимании религии» (№ 6 за 1935 г., стр. 103).
- Некролог памяти А. Г. Пресса (№ 1 за 1935 г., стр. 137).
- Олешинский П. «Диктатура пролетариата меняет лицо рабочего класса» (№ 1 за 1935 г., стр. 20).
- Олешинский П. «Диктатура пролетариата и положение рабочей семьи» (№ 4 за 1935 г., стр. 37).
- Омельяновский М. «О докторской диссертации Маркса» (№ 1 за 1935 г., стр. 109).
- Пашуканис Е. «Энгельс как теоретик марксизма и борец за революционный марксизм» (№ 5 за 1935 г., стр. 29).
- Передовая «Новая эпоха в развитии советской демократии» (№ 1 за 1935 г., стр. 9).
- Передовая «За большевистскую бдительность» (№ 2 за 1935 г., стр. 1).
- Передовая «Социализм и кадры» (№ 3 за 1935 г., стр. 1).
- Передовая «Пролетарский гуманизм» (№ 4 за 1935 г., стр. 1).
- Передовая «Конгресс боевого единства рабочего класса против фашизма и войны» (№ 5 за 1935 г., стр. 1).
- Передовая «Новый, высший этап социалистического соревнования» (№ 6 за 1935 г., стр. 1).
- Покровский Г. и Некрасов А. «О втором начале термодинамики» (№ 3 за 1935 г., стр. 96).
- Список трудов Пресса А. (№ 1 за 1935 г., стр. 143).
- Проппер Н. «Работа Отдела физиологии органов чувств ВИАМ» (№ 6 за 1935 г., стр. 144).
- Розенблюм О. «К вопросу о логике «Капитала» Маркса» (№ 2 за 1935 г., стр. 80).
- Розенталь М. «О некоторых чертах ленинского понимания закона единства противоположностей» (№ 4 за 1934 г., стр. 142).
- Саркисов С. «Работы Института мозга при Ученом комитете ЦИК СССР» (№ 2 за 1935 г., стр. 192).
- Светлов В. «Проблема классов у Адама Смита и Рикардо» (№ 2 за 1935 г., стр. 57).
- Ситковский Е. «Э. Б. де Кондильяк и его «Трактат об ощущениях» (№ 2 за 1935 г., стр. 121).
- Слепян Л. «Основные положения физики в свете учения Ленина» (№ 6 за 1935 г., стр. 121).
- Стецкий А. «К 40-летию со дня смерти Фридриха Энгельса» (Вступительное слово) (№ 5 за 1935 г., стр. 17).
- Тимирязев А. «Физик-материалист» (№ 1 за 1935 г., стр. 139).
- Тимирязев А. «Страницы из биографии К. А. Тимирязева» (№ 3 за 1935 г., стр. 61).
- Переписка К. А. Тимирязева и А. М. Горького (№ 3 за 1935 г., стр. 74).
- Приветственное письмо К. А. Тимирязева Московскому совету (№ 3 за 1935 г., стр. 60).
- Тер-Оганезов В. «Памяти астронома-большевика» (К 15-летию со дня смерти П. К. Штернберга). (№ 6 за 1935 г., стр. 129).
- Фризен Г. «Генетика и фашизм» (№ 3 за 1935 г., стр. 86).
- Шредингер Е. «О неприменимости геометрии в микромире» (№ 4 за 1935 г., стр. 183).

- Яновская С. «О так называемых «определениях через абстракцию» (№ 4 за 1935 г., стр. 154).
- Юдин П. «Великое творение («Анти-Дюринг»)» (№ 5 за 1935 г., стр. 60).
- Юдин П. «Диктатура и демократия» (№ 4 за 1935 г., стр. 14).

Алфавитный указатель рецензентов

- Балезин С. «О книге Павлова «Учебник органической химии» (№ 1 за 1935 г., стр. 202).
- Волков Н. «История техники». 2-й сборник (№ 3 за 1935 г., стр. 163).
- Волков Н. «В. В. Данилевский «Очерки истории техники XVIII—XIX вв.» (№ 4 за 1935 г., стр. 197).
- Злотов М. «Проф. Мейстер «Критический очерк основных понятий генетики» (№ 3 за 1935 г., стр. 169).
- Злотов М. «Поль Таннери «Исторический очерк развития естествознания в Европе» (№ 4 за 1935 г., стр. 205).
- Злотов М. «Б. М. Соколов «Вопросы морфологии в трудах Маркса, Энгельса и Ленина» (№ 6 за 1935 г., стр. 183).
- Константинов Ф. и Юдин П. «О массовой книге по философии марксизма» (№ 1 за 1935 г., стр. 176).
- Константинов Ф. «О книге Луппола «Дени Дидро» (№ 2 за 1935 г., стр. 200).
- Максимов А. «О книге Выгодского «Галилей и инквизиция» (№ 1 за 1935 г., стр. 189).
- Миленушкин Ю. и Сазыкин Е. «Натали «Общая биология» (№ 6 за 1935 г., стр. 176).
- Познер В. «Джозеф Пристли. Избранные сочинения» (№ 3 за 1935 г., стр. 160).
- Проппер Н. «Сперанский А. Д. «Элементы построения теории медицины». (Изд. 1935 г.). (№ 5 за 1935 г., стр. 219).
- Разумовский И. «В свете марксизма» («A la lumière du Marxisme») (№ 5 за 1935 г., стр. 205).
- Реуэль А. «Программные документы коммунизма» (Рец. на XV том соч. Маркса и Энгельса) (№ 2 за 1935 г., стр. 217).
- Серебровский Н. «Полшага вперед и топтанье на месте». (Рец. на кн. Гурева Г. «Вселенная») (№ 1 за 1935 г., стр. 196).
- Цейтлин З. «Г. Дильс «Античная техника» (№ 4 за 1935 г., стр. 201).

Письма и сообщения

- Письмо Вл. Сарабьянова о рецензии на его книгу (№ 3 за 1935 г., стр. 175).
- Письмо в редакцию С. З. Каценборгена (№ 4 за 1935 г., стр. 208).
- От Института красной профессуры философии. О программе занятий ИКПФ (№ 1 за 1935 г., стр. 206).
- От Коммунистической академии. Об атестационной комиссии (№ 3 за 1935 г., стр. 176).
- От Центрального архива Красной армии. О сборе архивных материалов (№ 1 за 1935 г., стр. 207).

Редакционная коллегия
журнала „ПЗМ“

В. В. Адоратский, М. Б. Митин, Э. Кольман, П. Ф. Юдин, А. А. Максимов, А. М. Деборин, А. К. Тимирязев.

Адрес редакции: Москва, 19, Волхонка, дом 14, комната 328. Здание Комакадемии.

Тел. 1-24-27.

РЕДКОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА „ПЗМ“: В. В. Адоратский, М. Б. Митин,
Э. Кольман, П. Ф. Юдин, А. А. Максимов, А. М. Деборин, А. К. Тимирязев

В ЖУРНАЛЕ ПРИНИМАЮТ УЧАСТИЕ:

Адамян Г., акад. Адоратский В., Атлас З., Баммель Г., акад. Бах А., Берестнев В., Блохинцев Д., Богданов Б., Бобровников Н., Брандгендлер В., Брушлинский В., Бубнов А., акад. Вавилов С. И., Вандек В., Вирская И., акад. Вольфсон С., Волков Н., Вышинский П., Габриэлян Г., Гальперин Ф., Герман Л., Гессен Б., Горохов Ф., Гринберг Г., Гришин З., Дворкин И., акад. Деборин А., Домрачев В., Досев П., Дмитриев Г., Дынник М., Егиазаров А., Енишерлов М., Золотарев А., Ильинский И., Иолк Е., акад. Иоффе А. Ф., Казарин А., Каммари М., Каплан И., Кедров Б., Кирпотин В., Кольман Э., Константинов Ф., Корнеев М., Коровин Е., Косяченко Г., Коштоянц Х., Кривцов С., Кровицкий Г., Крупская Н. К., Кузнецов А., Кузьмин И., Левин М., Левит С., Леонтьев А., Липендин П., Лифшиц С., Луппол И., Лукач Г., Маегов А., Максимов А., Митин М., акад. Миткевич В., Муравьев Е., Мушперт Я., Надеждин Л., Никитин Н., Никольский В., Новинский И., Новогрудский Д., Обичкин Г., Остерман Э., Паукова В., Перельман Ф., Петропавловский С., Пиков В., Пичугин С., Познер В., Презент И., Путинцев Ф., Ральцевич В., Розенталь М., Рудаш В., акад. Савельев М., Сарабьянов В., Сараджев А., Селектор М., Ситковский Е., Сливкер Б., Смирнов А., Смирнов М., Стецкий А., Таганский Г., Тамм И., Тимирязев А., Тимоско В., Токин Б., Таболлов К., Тулепов М., Федосеев П., Фигурнов П., Фогараши Н., Фурщик М., Черемных П., Чернышев Л., Чулок Т., Шейнман М., Шелкопляс Н., Широков И., акад. Шмидт О. Ю., Шмидт К., Штейн О., Шукарь М., Эпштейн С., Эстриан А., Юдин П., Яновская С., Янковский, Якобсон М., Ярославский Е., Яффе Г. и др.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, 19, Волхонка, 14, комната 328

Тел. 1-24-27

ЦУНХУ ГОСПЛАНА СССР
„СОЮЗОРГУЧЕТ“
РЕДИЗДАТ

- ЦУНХУ** — Торговая сеть в городах СССР на 1935 г. Ц. 2 р.
- ЦУНХУ** — Культурное строительство СССР 1930 — 1934 гг. Ц. 2 р. 25 к.
- ЦУНХУ** — Коммунальное хозяйство СССР к концу первой пятилетки Ц. 2 р.
- ЦУНХУ** — Численность скота в СССР на 1/VI 1934 г. Ц. 4 р. 50 к.
- ЦУНХУ** — О производительности труда в колхозах Ц. 1 р. 60 к.
- ЦУНХУ** — Колхозная торговля в 1932—1934 гг. Ц. 3 р.
- ЦУНХУ** — Машины и орудия в с. х. СССР. Изд. 1934 г. Ц. 5. р.
- ЦУНХУ** — Советская торговля за 1928—1935 гг. Ц. 6. р. 50 к.
- ОСИНСКИЙ Н.** — Виденное и слышанное в США Ц. 1. р. 60 к.
- ПЕСТРЯКОВ Б.** — Вопросы бухгалтерского учета основных средств промпредприятий Ц. 3 р. 50 к.
- СИРМБАРД Ф.** — Организация машиностроительных предприятий в Германии Ц. 2 р. 75 к.
- ЯКОБИ А.** — Железные дороги СССР в цифрах. За 1918 — 1934 гг. Ц. 6 р.

ПОСТУПАЮТ В ПРОДАЖУ В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ

- ЦУНХУ** — Труд в СССР в 1934—1935 гг. Ц. 10 р. (ориент.)
- ЦУНХУ** — Численность скота в СССР на 1/I 1935 г. Ц. 25 р. (ориент.)
- ЦУНХУ** — Животноводческие колхозные товарные фермы Ц. 6 р. (ориент.)
- ЦУНХУ** — Материал по учету специалистов Ц. 7 р. (ориент.)
- ЦУНХУ** — Зарплата рабочих крупной промышленности Ц. 4 р. (ориент.)
- УВИРА Р.** Учет социалистического предприятия Ц. 1 р. 25 к.

Москва, Рыбный, 2, пом. 23, Сектор сбыта.
Требуйте книги в отделениях „Союзоргучета“.
Книги высылаются наложенным платежом.

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1936 год

II НА ДВУХМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ И
ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛПОД ЗНАМЕНОМ
МАРКСИЗМА

15-й ГОД ИЗДАНИЯ

Журнал выходит под редакцией Адоратского В. В., Митина М. Б., Кольмана Э., Юдина П. Ф., Максимова А. А., Деборина А. М., Тимирязева А. К.

Журнал «ПОД ЗНАМЕНОМ МАРКСИЗМА» — боевой орган марксизма-ленинизма — ведет решительную борьбу за генеральную линию партии, против всяких уклонов от нее, проводя последовательно во всей своей работе ленинский принцип партийности философии.

В области философии журнал «ПОД ЗНАМЕНОМ МАРКСИЗМА» ведет неуклонную борьбу на два фронта: с механистической ревизией марксизма, с меньшевистствующим идеализмом и со всякого рода вульгаризаторством и упрощенчеством в марксистской теории.

Важнейшей задачей «ПОД ЗНАМЕНОМ МАРКСИЗМА» являются действительное выполнение намеченной для него Лениным программы, разработка ленинского этапа развития диалектического материализма, освещение материалистической диалектики в работах товарища Сталина, беспощадная критика всех антимарксистских и, следовательно, антиленинских установок в философии, общественных и естественных науках, как бы они ни маскировались.

Журнал «ПОД ЗНАМЕНОМ МАРКСИЗМА» разрабатывает теорию материалистической диалектики, вопросы исторического материализма в тесной связи с практикой социалистического строительства и мировой революцией.

Журнал «ПОД ЗНАМЕНОМ МАРКСИЗМА» объединяет для выполнения этих задач воинствующих материалистов-диалектиков, систематически выращая великодушными выдержанные философские кадры.

«ПОД ЗНАМЕНОМ МАРКСИЗМА» имеет постоянные отделы: Ленин и ленинизм, материалистическая диалектика, исторический материализм, история материализма, история социализма, критика фашизма, критика буржуазных теорий, отдел теоретической экономики, теории советского хозяйства, естествознания и техники, литературы и искусства, психологии антирелигиозный отдел, дискуссионный отдел, отдел работы семинаров ИКП; критика и библиография; отдел переписки с читателями, сообщения и заметки.

«ПОД ЗНАМЕНОМ МАРКСИЗМА» рассчитан на активных работников партии, научных работников общественно-экономических и естественных дисциплин, преподавателей и слушателей комвузов, вузов, рабфаков, марксистских кружков, товарищей, занимающихся самообразованием, и т. п.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА 1936 ГОД:

на 1 год — 18 руб., на 6 мес. — 9 руб., на 2 мес. — 3 руб.

Цена отдельной книжки 3 руб.

Подписка принимается «Союзпечатью», почтой, письмомносками и организаторами подписки на предприятиях и в учреждениях.